

КЯЗИМ

СТИХИ

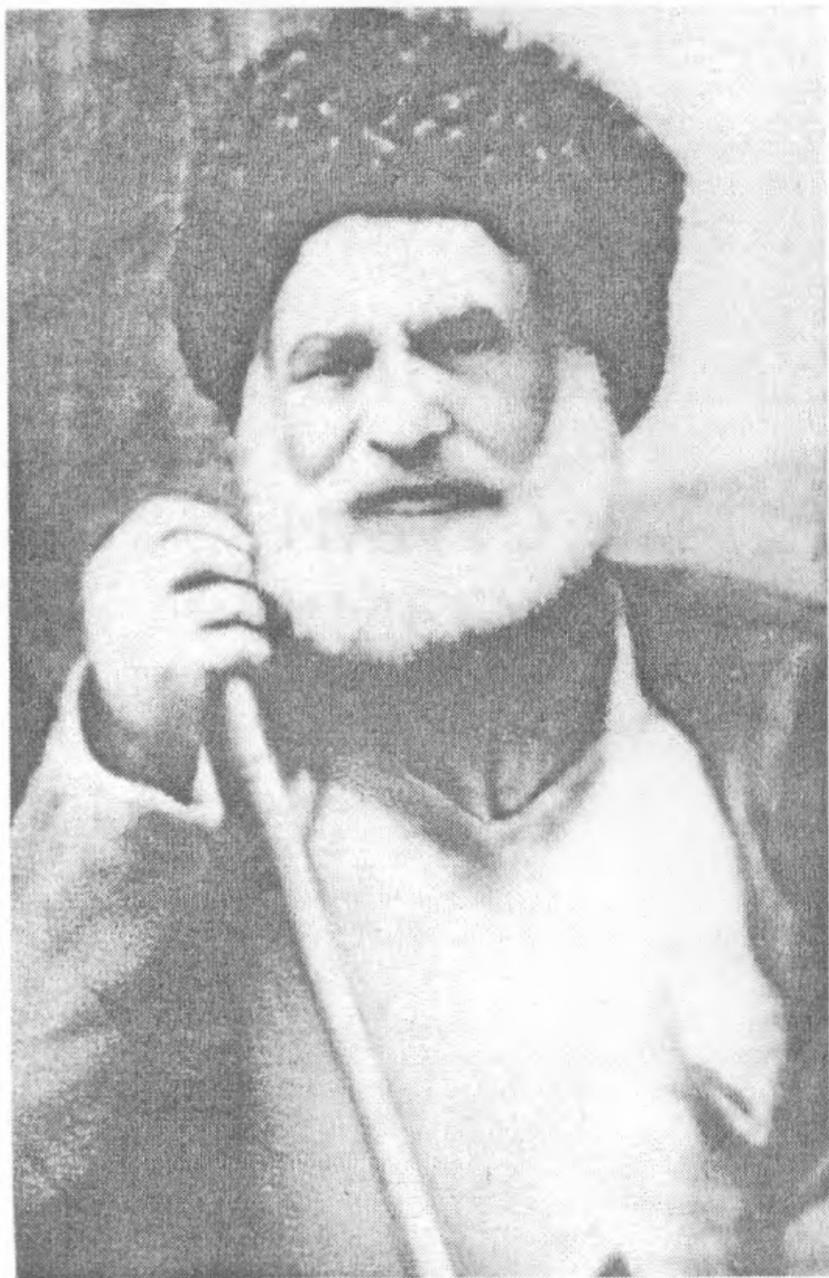
ПОЭМЫ

КЯЗИМ

.....

СТИХИ
ПОЭМЫ

КЯЗИМ

КЯЗИМ

•••••

СТИХИ
ПОЭМЫ

Нальчик
«Полиграфсервис и Т»
2003

ББК 60.55 (2 Р–6КБ)

К 11

С о с т а в и т е л и
Мария и Виктор Котляровы

Кязим

К 11 Стихи, поэмы. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. – 400 с.

ISBN 5-93680-113-6

Наиболее полное издание стихов и поэм классика балкарской литературы Кязима Мечиева с параллельными переводами. Ряд произведений, в том числе поэма «Желтый кош», переведенных Г. Яропольским, публикуются на русском языке впервые.

Издание серийное. В последующие тома (в 2003 г. вышел первый – «Дин китабы») войдут стихи Кязима на балкарском языке, воспоминания о поэте, отрывки из исследований его творчества.

© М. А. Котлярова, В. Н. Котляров. Составление, предисловие, 2003

© «Полиграфсервис и Т», 2003

СЛОВО ПРОРОКА

Кязим – из больших поэтов. Не его вина, что до потомков дошла лишь небольшая часть созданного им. Нет его вины и в том, что не все из дошедшего издано и переведено на русский, по крайней мере, язык, чтобы стать достоянием не только балкарского народа, но и мировой литературы. Он родился во второй половине XIX века, но не имел никакого понятия о западной литературе, не знал, что является современником Серебряного века русской поэзии. Его народ еще не имел письменности, и он стал первым, кто пытался арабскими буквами запечатлеть балкарскую речь, зарифмовав ее в виде восточных газелей.

Он не стремился к популярности, известности, к изданию своих стихотворений. Ведь люди и без этого знали Кязима-хаджи; речитатив сочиненных им строчек звучал повсюду, где собирались балкарцы. Поэзия Кязима

не отрывалась от жизни и страстей своего народа, поэтому она стала свидетельством подлинно национального духа и выражением душевных чаяний его соплеменников. С высоты дня сегодняшнего, облегчающего понимание его жизненной миссии, можно без преувеличения сказать, что сам Кязим был душой Балкарии. Он связал уходящее и наступающее время образом жизни, воплотившим в себе нравственный идеал, к которому стремилось национальное самосознание. Он был пророком, отсеявшим преходящее от вечного, и это вечное стало сутью его Поэзии.

Человеческая судьба его потрясает стойкостью, умением переносить ее перепады, не впадая в отчаяние, хотя на его глазах не раз менялся привычный порядок – это и войны, и революции, и коллективизация, и депортация балкарцев в Среднюю Азию. Слушая видевших и общавшихся с ним людей, поражаешься, как он мог в тех условиях вырасти в такую неординарную личность, как сумел подняться над обыденностью и поистине суровым бытом горцев. Творчество его говорит о глубине и интенсивности происходившей в нем ду-

ховной работы. Работы, которая и делает его основоположником балкарской литературы. Работы, ставшей залогом его посмертной славы и величия, которые и не снились сонму дипломированных и окольцованных степенями и званиями графоманов. Ему было что сказать в отличие от тех, кто следит за способом выражения, приставляя слово к слову.

Слова, которые Кязим извлекал из родного языка, были для него живыми, поэтому люди, слушая его, прозревали: однообразная рутинная жизнь их, подчиненная выживанию, становилась интереснее, значительнее, многообразнее, может быть, даже драматичнее, чем они сами понимали. В общем, он проявлял, делал видимой и осязаемой ту невыносимо тяжкую повседневную жизнь, одновременно показывая, что есть красота, любовь, вера.

Когда понимаешь, что почти до всего он дошел самостоятельно, что знал то, чему никогда не учился, когда стоишь на пороге его сакли с земляным полом и очагом, дым от которого поднимался к потолку и выходил прямо в отверстие в крыше, когда смотришь на горы и орла, парящего над ущельем, то очень ясно осознаешь, что мировая душа (или при-

рода) и космический ум с необходимостью создают таких людей, как Кязим, в нужном месте и в нужное время. Создают, чтобы на шаг вперед продвинуть самосознание и коллективный разум соплеменников.

Круг тем его поэзии и понятия, которыми он мыслил, не устарели и сегодня, как и демократизм, жажда добра и справедливости. Суровый высокогорный климат, где почти полгода царит холод, подарил миру чувствительное сердце, наполненное естественными чувствами. Сердце художника, раненного уродствами социального бытия, запечатлевшего рождение новых противоречий в после-революционную эпоху и нового самосознания человека, мечтающего под колпаком тоталитарного строя об истинно свободной и духовной личности.

Кязим родился в ауле Шики Безенгиевского общества Балкарии. Могло это случиться и в 1851-м, и в 1859-м, и в 1865 году. В любом случае социальная принадлежность его к кулам – низшему сословию тогдашнего общества – определила на всю жизнь стремление к равенству людей, защите их человеческого достоинства.

Отец Кязима Бекки был дважды женат. Второй раз на девушке Саралым из небольшого рода Аппоевых. Она-то и стала матерью Кязима. Мальчик имел физический недостаток: левая нога его была значительно короче, неестественно вывернута и мягка, так что стоять на ней было невозможно. Можно себе представить, как непросто было ему осваивать ходьбу вообще и по горным тропинкам в особенности. Как он спускался по крутому обрыву к речке, протекающей через селение, где обычно играли мальчишки, уже никто не расскажет. Но известно, что, будучи взрослым, он передвигался весьма быстро при помощи длинного бамбукового шеста, который был привезен им из восточных странствий.

Пешее путешествие к Каабе, включая морской путь из Батуми к берегам Турции, занимало где-то три месяца и столько же обратно. Хромой Кязим этот путь проделал дважды уже взрослым мужчиной, следы этих последних долгосрочных отлучек из Балкарии отыскивались в царских архивах. Последний хадж завершился в 1910 году. Если согласиться с устоявшейся в нашем сознании

датой рождения – 1859 годом, то нашему пилигриму было за пятьдесят, что как-то объясняет его выносливость, хотя именно в этот раз он тяжело заболел. Воспоминание об этом сохранило знаменитое стихотворение, написанное в Дамаске.

В 1910 году в Мекке Кязим делает вывод: «Мир полон горя, радость же – редка». И это в том месте, где истинный мусульманин чувствует прилив энергии, душевное просветление и очищение, близость к Мухаммеду – тот целовал «черный камень», камень Каабы. Кязим же упорен: «Печаль – повсюду, где ни прохожу». Вряд ли могло быть иначе, ведь он смотрел на мир людей открытыми глазами, он впускал в себя все ощущения, а не только те, что были приятными и убаюкивали бы совесть. Душевные страдания водят его пером, и в 1912 году он напишет:

Земли моей все тяготы и муки
Мне плоть сдавили холодом оков.
Когда я воздеваю к Богу руки,
По ним, Коран листавшим, льется кровь.

Конечно же, как человек верующий, он не должен предаваться отчаянию, но сердце его

переполнено чужими бедами. Но разве не таким оно должно быть у Поэта? Разве не из таких переживаний выросли строчки любимого им Физули: «Бессилен друг, коварно время, страшен рок, участия нет ни в ком, лишь круг врагов широк...». Но ведь и живший до Кязима и неизвестный ему великий Уильям Блейк мучился той же мукой: «Отчаяние – рядом, отчаяние ползает вечно, как человек – на локтях и коленях». Драма человеческого существования открылась ему, молитвы и чтение отвлекали от повседневной конкретики, но одновременно выводили за грань неизведанного, непознанного, приближали к сути вещей и явлений, где и скрывался вопрос: почему и для чего посылаются людям страдания. Ведь Бог никогда не обещал Адаму и его потомкам райских кущ на земле. Наоборот, он передал через Мухаммеда:

Мы испытаем вас,
и благоденствием и злом вас искусим.
Потом вы возвратитесь к Нам.

Человек волен выбрать любое решение, за которое ему потом неизбежно придется ответить. Тот, кто на практике отвергает Божьи

законы и личный интерес ставит превыше всего, тому Небо не помощник. Кязим подметил это в запеве своей поэмы «Тахир и Зухра»: «Бог единый – вот начало всех начал, тем опора, кто душой не измельчал». Ему самому опорой была вера, сначала буква, а потом и дух, поэзия Корана.

Наверно, он был святым, пусть и не подозревали об этом современники Кязима. Его природная доброта, преданность, мягкость, отсутствие эгоизма, стремление к поддержке и утешению тех, кто общался с ним, принимались как должное. Доброта его была из внутреннего источника, она шла из человеческого естества его, а не от внешнего желания кому-то понравиться или заслужить похвалу. К концу жизни он нередко плакал, будто очередная чья-то беда вызывала волну боли, перехлестывавшей через край его терпения. Сидя в своей кузнице, окруженный слушателями и рассказчиками, или в крохотной комнатушке, именуемой «каменной библиотекой», в вагоне «товарняка», увозившего его народ в неизвестность, Кязим всегда пытался ободрить и поддержать дух прислушивающихся к нему людей. И потому он остался в памяти живущих не только мудрым сказителем или ис-

кусным кузнецом, а именно очень хорошим, необыкновенно хорошим человеком. Поэтому не особенно удивительно, что люди хотят быть причастными к его жизни, придумывают ситуации, которых не могло быть, пересказывают чужие истории, будто бы они произошли с ними.

Не менее важным, а может, и более значимым стало то, что с его поэзией приоткрылись врата свободы воображения, придавленные грузом ежедневных проблем. А уж потом пришла перемена сознания.

Разбуженные человеческий разум и мир эмоций сформировали литературный пласт, где множество балкарских имен соревнуются в блеске способностей. Но Кязим был первым. Он и сейчас первый. Не ради красного словца Кайсын Кулиев назвал его вершиной горы, а себя самого – подножием ее. Он чувствовал, знал, понимал – то, что сделал Кязим – без письменности, без литературной традиции, без критики и всего того, что привычно сопровождает творческий процесс, – повторить невозможно. Кязим действительно народный поэт – его стихи объединяли, объясняли, взывали к глубинным чувствам,

ободряли, придавали смысл и прошлому, и настоящему, и будущему. Как истинный поэт, он не устарел и сегодня:

Кругом полно наставников негодных,
 Над книгой не склоняющих чела,
 Не чувствующих чаяний народных,
 Добро не отличающих от зла.

И это он же сказал, что у народа, который держит камень за пазухой, не может быть вождей. И это он завещал: «В трудный час, чтобы выжить и жить, надо другом уметь дорожить». И это он заклинал в последнем своем стихотворении: «Без любви единения нет», тоскуя в холодном Казахстане.

А за сорок лет до «Завещания», в 1904 году, его душе явились другие строки о любви, где явно просматривается сожаление о несовершенстве человека, его зависимости от достатка, зависти, сутяжничества:

Было время – любовь даром счастья была,
 Даром жизни была золотым.

Взрослый, все понимающий человек терзается отсутствием «света в душах», живущих рядом с ним. Сиюминутное ослепление

богатством и приходящим с ним видимым (но не истинным!) влиянием заставляет родителей ломать судьбы дочерей, отдавая их замуж не по любви. Другое стихотворение на эту тему – «Жалоба» – конкретная история юной девушки, отданной, а скорее, проданной старику, широко известно в народе и сегодня. А тогда слезами сопровождалось каждое чтение его в любом месте.

Беспомощность, усталость, разочарование – как часто это настроение прорывается в поэзии Кязима, как трудно ему было одному противостоять сложившимся стереотипам и нормам того времени, которое он сам определил как невежественное. Свет знаний еще не распахнул перед горцами многообразия человеческих миров, не дал ощущения других времен и пространств, простора воображению. Это все еще придет, и цивилизация, достигшая горных пределов, принесет, к сожалению, не только свет, но и страх. А тогда, в 1904-м, «казнимый судьбой влюбленных», Кязим вспоминает, что когда-то он написал о великой любви Тахира и Зухры, написал с надеждой о смягчении нравов, с верой, что сильные чувства могут победить жестокие нравы. Он обращался к «единому Богу»:

О, Аллах, мой труд, прошу, благослови,
Озари мое лицо огнем любви...

Я труды других поэтов изучал –
И во всех, Аллах, я свет твой различал.

Датировка поэмы (1891) отталкивается от устоявшейся даты рождения (1859), так как в запеве «Тахира и Зухры» заявлен «тридцатидвухлетний срок», преодоленный поэтом. И все эти годы, т. е. тридцать два, он «и наукам, и хадисам слал поклон». «Как Тахир, страдают многие из нас», «как Зухра, сгорают многие дотла в этом мире, где безбрежны силы зла», – вот мотив, почему Кязим пересказывает своему народу известную восточную историю любви.

Как религия начинается с обряда, так все в человеческой жизни определяется любовью, настолько возвышенной и обыкновенной, что служит движущей силой развития более высоких способностей человека, нежели даже интеллект. С любовью приходит озарение. Изучавший восточных поэтов Кязим знал, что в результате человек становится как бы другим, просветленным, происходит как бы раскрытие духовного зрения. Такое озарение – священнейшее и таинственнейшее – про-

изошло с глубоко почитаемым им Мухаммедом на горе Шира, когда ему было 40 лет. Кязим понимал, что большего счастья, чем озарение, просто не может быть. Оно случается очень-очень редко, а дело Кязима – делиться с людьми тем запасом знаний, которые он уже имел и который пополнял каждодневной работой и размышлением.

Правда в том, что сегодня трудно поверить, как в зажатом скалами Шики в обычной кузнице и в обычной же одежде жил и творил совсем необычный для своего времени человек. Его идеалом совершенного человека был пророк Мухаммед, а ниспосланный через него священный Коран на всю жизнь стал советчиком и другом, источником вдохновения и познания.

Правда и в том, что, по обыкновению нашему, мы не ценим то, что имеем; что полагаемся на каких-то других людей, интеллектуалов и специалистов, которые должны сделать то, что можем мы сами, если внимательны, если любим объект исследования или наблюдения. Здесь нет мелочей, любая деталь помогает соединить видимое и понять внутреннее.

Кязим знал, что вершимое по любви стоит дороже того, что делается из чувства долга. И был, в этом смысле, слугой Божьим, тем редким из людей, «кто ходит по земле смиренно, и кто на обращенную к ним речь невежды спокойно отвечает: «Мир!» ...кто не транжирит, тратя, и не скупится (в благочестии своем), а ровен в этих двух деяниях».

«Сегодня князь Сюйюнч Ахмата-бедняка ударил палкой – и голову рассек. Той палкой ранен я, и рана глубока: душа моя в крови, – не заживет вовек», – в этом весь Кязим с его неспящей совестью рядом с откровенным бесстыдным попранием сильным, властным хозяином аула морального закона, вписанного Богом в сердце каждого человека при рождении. Неравенство и по существу физические законы выживания в обществе заставляют поэта поднимать свой голос в защиту слабых. Кому-то, может быть, хотелось, чтобы Кязим возглавил восстание против угнетателей, но он был миротворцем по самой природе своей души, и он должен был называть вещи своими именами, т. е. показать, что есть добро, а что зло. При этом он не бесстрастен: «Бесправие невыносимо, противен мучитель-

ный гнет, и сердце болит у Кязима, и гнев ему спать не дает!».

С таким настроением и ответственностью за обездоленный люд он создает в 1907 году поэму «Раненый тур» – небольшой шедевр большого поэта. «В горах у нас грамотных мало, живет в темноте наш народ, и многих неволя сломала, и голод вздохнуть не дает»; «У нас отнимают и поле, и хлеба голодный запас, но сказки, но песни о воле никто не отнимет у нас», – здесь все о свободе, о добре и о злобе, о милосердии голодных, но способных к великодушию людей. Они не ждут, что им самим кто-то поможет, что кто-то оценит их душевный порыв, просто они знают, как следует поступать, чтобы жить в ладу со своей совестью.

Охотник Хашим и его жена олицетворяют носителей того самого нравственного закона, что вложен Богом в человека, а князь Джамбулат и его слуги – из тех, что попрали его, заменив этот закон исключительно личными интересами. И если Хашим убивает волка, преследующего раненого тура, даруя тому возможность возвращения в родное стадо, то этим свершает высшую справедливость – нельзя добивать слабого. Если бы волк и тур

сражались на равных, вряд ли вмешательство Хашима было уместным. Но тур уже был поражен чьей-то пулей, потерял силы, и волк был в этой ситуации просто убийцей, гнавшим раненого, «чтоб крови горячей напиться». «Охотник стремился ко благу: у бедных свобода в чести», – гордится Кязим, а жена Хашима, благодаря его за спасенную жизнь, утешает, что детей покормит мучной похлебкой вместо мяса.

Иначе выглядит вся эта история в глазах разгневанного князя, который не получил в этот вечер ни турьих рогов, ни турьего мяса: «Мужчина жалеет ли тура?»; «И палкой с железной наделкой Хашиму удар он нанес». Но поднявшийся с пола охотник, «как ловчий на зверя», бросился на князя. Нет, не безмолвствует муза Кязима, человек должен уметь себя защищать, отстаять свою честь, да вот силы не равны: «...множество слуг, как волчья жестокая стая, на ловчего кинулись вдруг». «Рука от побоев сломалась, а сердце – от горьких обид», но правда и подлость жизни в том, что некому было помочь Хашиму, некому было вступить за него, и «пулей ничьей не наказан, не пал окровавленный волк».

Большая дерзость, ведь волком Кязим на-

зывает князя. Поэма гуляет по балкарским аулам; разве она утешает и примиряет с несправедливостью? Конечно, нет, она формирует солидарное представление бедняков о том, что у них общая судьба, что надо держаться друг друга, надо защищать друг друга, а подлинное возмездие осуществит Бог. И, может быть, надеется Кязим, пространный рассказ о раненом туре «горцу поможет найти в себе силу бойца и камнем воткнется, быть может, в пустые и злые сердца».

Народ не безмолвствует, быть может, от его имени Кязим бросает вызов насильникам, дабы знали, что боль народная копится, что горькие песни рано или поздно объединят людей. Кязим не заблуждается в том, что князя его ненавидят, да не смеют его тронуть: «Из Мекки пришел я с чалмой!». Смерть и тюрьма угрожают поэту, но он уверен, что «народ меня в горе не бросит: я болью народною стал».

Эпическая сила «Раненого тура», переведенного на русский язык Семеном Липкиным, волнует нас так, как если бы мы сами были свидетелями и участниками тех событий. И даже если бы Кязим вообще ничего не напи-

сал, кроме этой поэмы, и тогда можно было смело сказать – это и есть народный поэт, здесь и характер балкарца, и его быт, и занятия, и его боль, и его стремление к свободе и справедливости. Кому-то может не понравиться, что не зовет Кязим к вилам и топору, что выглядит беспомощным, не видя сил, которые смогли бы помочь горцам, но у него другая задача, для его времени самая главная: объединить свой народ вокруг достаточно простых, но немеркнущих истин, дабы было что защищать, для чего рожать и растить детей, во что верить и ради чего жить.

Он опять использует восточный сюжет – поэма названа «Бузжигит» – и это неизбежно, потому что у поэта появляется больше свободы в изображении тех мест и конструирования обстоятельств, которые в теснинах гор были бы недостоверны. Зато впечатления и чувства он вкладывает свои, незаемные, выстраданные и долгими зимними ночами, и приобщенностью к повседневным заботам аула, и сравнением увиденного и услышанного в чужих краях с тем, чем живет Балкария и балкарцы.

Старый Зодчий, отец Бузжигита, – это ведь

сам Кязим: «трудилась дни и ночи седая голова»; «я шел дорогой длинной, для светлой цели жил, и с деревом, и с глиной, и с камнем я дружил». Это он, Кязим, как и Зодчий, учил своих детей, что «лишь доброта бесценна, лишь правда не умрет». Надо владеть ремеслом – «мы для труда родились»; «построив, умираем, но остается дом». (От Кязима тоже осталось кое-что из сделанных им в кузне Шики предметов.)

«Я любил живых людей», – нравственная максима старого Зодчего, которую он передает сыну, чтобы тот остерегся славы, денег – это все бrenно, а вот радость бесценна. С такими наставлениями едет Бузжигит в другие земли. Конечно, там он встречает красавицу. И любовь наполняет их сердца. Но отец девушки – всемогущий хан, он повелевает тайно убить Бузжигита, а сам готовится к свадьбе с равным себе богачом. Зулейха, узнав, что любимого больше нет, умирает возле него, и склеп навсегда скрывает их от жестокого мира. Люди и сегодня упорно смотрят сентиментальные индийские фильмы, и сколько девочек и мальчиков получают имена любившихся героев бразильских сериалов никто ведь не считал. Мечиевскими Тахиром и Зух-

рой мы продолжаем богатеть и сегодня, имена Зулейха, Зуля тоже не позабыты.

Те слезы, что проливались слушателями кязимовских историй, были от самого сердца, были искренним сопереживанием драмы влюбленных, разлученных при жизни людской жестокостью и суровой судьбой.

Печаль влюбленного... «Она живет в народе, как вихря буйный взлет, как ветер в дымоходе, и плачет и поет».

Вызов влюбленного... «Вовеки не забудем вступивших с гнетом в спор: они, как звезды, людям сияют до сих пор».

...При этом он был духовным пастырем для соплеменников, вовсе не претендуя на роль лидера. Трудно не заметить глубокое постижение веры Кязимом в зикирах – песнопениях на исламские темы – и его светских стихах. В них есть и то философское содержание, которое поверхностный взгляд не различит, но безошибочно чувствует сердце – может измениться и исчезнуть все, но всегда будет внутренний мир человека и его связь с Абсолютом, Создателем. Это делает жизнь человека осмысленной и самодостаточной. Это позволяет душе Поэта сохранять некую дистанцию с невеселой реальностью, не рас-

творяться в бедах, а видеть мир в многоцветье, в полутонах, а не только в контрастных цветах.

«В стихах, сказанных одинокой иве у горной реки» проступает его нежность ко всему живому, обреченному, как и человек, переносить жестокость. Редкий случай – Кязим открыто восхищается красотой дерева:

Ты нежна от белого цветенья,
И тобой люблюсь каждый день я.
Я склоняюсь у твоих ветвей,
Прелесть бедной родины моей!

Возможно, в потерянных текстах стихов были строчки и о цветах или травах. Глаз Кязима не мог на них не остановиться. Он любил все совершенное, гармоничное, как и Пророк, который, как известно, наслаждался запахом благовоний и видом такого привычного для нас весной нарцисса. Только в Аравии головки этих цветов покрупнее и цвет насыщеннее, совсем как солнце или желтая глина. Когда французы перевели Коран и некоторые хадисы, они подарили миру европейский вариант имени Пророка – Магомет и увлечение нарциссами. Один из хадисов гласил:

«У кого два хлеба, тот пусть продаст один, чтобы купить цветок нарцисса, ибо хлеб – пища для тела, а нарцисс – пища для души».

Жажда красоты никогда не умирает в человеческом обществе. Поэт Марина Цветаева достаточно лаконично и предельно емко выразила эту мысль в коротких строчках: «Распри, войны, будь спокойна, Лира, громче не бери и спокойно, и достойно дело вечное твори».

У Кязима было это «дело вечное», и он был приговорен к пожизненному постижению истины через слово.

...А это написано в 1913-м, в зрелую пору жизни поэта. Почему он так настойчиво говорит о старости, об усталости:

Хоть беги на горную вершину,
Хоть в морскую погрузись пучину, –
От годов себя ты не избавишь,
Старость восвояси не отправишь.

Может, это отголоски переживаний, вызванных крупными волнениями кабардинских и балкарских крестьян в 1913 году, спровоцированных безземельем, проблемами пользования Зольских пастбищ и принадлежности Карасуйского леса?

Его гнетет предчувствие новых бед:

Стал мрачен свод небес, над саклями нависший,
И горести, как снег, посыпались на крыши.
Аллах, Аллах, взгляни на горы! В самом деле:
Их головы от бед и горя поседали.

Он у них учится стойкости, бедный Кязим,
на глазах которого умирает мирный труд
природы – началась Первая мировая война:

Губит на земле один другого,
Горе и беда на белом свете,
Мертвый хочет задушить живого,
А народ за все, за все в ответе.

Ныне в мире правит злое время,
Нас, несчастных, плавит злое время,
Все живое давит злое время.
И сердца кровавит злое время.

Это строки из стихотворения «1914 год».
Как пережить все это, если из года в год, без
всякого предупреждения

В трубу моей сакли падает черный снег.
Стучится тревога, просится на ночлег.
Скажи мне, тревога, злая гостья моя,
Ужели другого нет у тебя жилья?

Толкуют о царе, о войске говорят.
Налогов требуют и требуют солдат.

Кровавых рек поток, глухих громов раскат,
Аулы – как сады: побил их сильный град.

Похоже, однако, что терпение и умение «на зло внутри себя найти управу» на практике оказывается сильнее, чем кажется. Об этом свидетельствует сам Кязим, создавший в 1916 году поэму «Желтый кош». Здесь практически документальная основа, все произошло с реальными людьми, жившими тогда в Шики и Безенги. Сванский князь Чона ночью напал на балкарский кош, получил достойный отпор, но разбойников было куда больше, чем чабанов. Шаваев Молла ранил князя, убившего всеобщего любимца Гайду, но сообщники Чона бросили его на коше, угнав весь скот за перевал. Сельчане бросились вдогонку, чтобы вернуть свое добро и отомстить. Но здравый смысл, понимание, что «все одним насилием коваться не может, потому что жизнь сложна», что нельзя равнять всех сванов с их князем – «их народ, как мы, бредет вслепую среди буранов, как мы, кряхтит под тяжестью невзгод...», создали моральную предпосылку разрешить ужасный этот конфликт миром. Тем более что в сванском селении далеко не все обрадовались краденому:

Решили без пальбы уладить дело
Те, у которых нечего отнять;
Решили, чтоб враждебность ослабела,
Усилья к примиренью предпринять.

Ведь это так естественно, так верно –
Согласием вражду переломить!
Народы были б счастливы безмерно
Соединить разорванную нить...

В тот раз народы договорились:

Молюсь, чтоб побеждали те, кто правы,
Чьи искренни и праведны сердца,
А те, кто захотел кровавой славы,
Пушкой ее познают до конца.

А потом случились революция 1917 года, Гражданская война... Канула в Лету привычная, вполне предсказуемая жизнь людей. Политика и большевистская идеология разрушили патриархальный уклад горцев, им пришлось выбирать «красных» или «белых». Не вдаваясь в этот известный всем вопрос, все-таки надо заметить, что такая смена духовных ориентиров менее болезненна для молодых людей, а Кязиму было, как ни считай, за пятьдесят, а то и около шестидесяти лет. И

как бы ни нравились лично ему большевистские лозунги о равенстве – мечте всей его жизни, вокруг лилась кровь. В этой непонятной пока войне погиб его первенец Мухаммат, боровшийся за власть Советов в Дагестане. Кязим не смог предать его тело земле, и могила его осталась неизвестна.

Личное мешалось со всеобщим хаосом, где не самые достойные люди вдруг объявлялись руководителями народа. Ему, как глубоко верующему человеку, пришлось пережить отлучение от церкви – религия была объявлена «опиумом для народа», духовным ядом. Как мудрый человек, Кязим понимал, что время расставит все по своим местам. Как поэт, долженствующий говорить правду, он затих, прислушиваясь к авторитетным людям и своей интуиции, чтобы понять, какая она и где она, эта правда.

Лавина слов и новых понятий обрушилась на шикинцев, как и на всю бывшую царскую Россию. И возраст, и духовное образование, и занятие Кязима выработали в нем особенное спокойствие и рассудительность, которые так влекли к нему людей. Он был цельным человеком, мечтавшим о равенстве. Но послере-

волюционная явь, построенная на пошлой полуправде, вынуждает его жить в двух мирах: реальном и, скрытом от посторонних глаз, творческом. Ему, ставшему «болью народной», в 1919 году открылось: «Я понял: честен путь большевиков. Они людей спасают от оков». В том же году он пишет «Сыну Мухаммаду»: «Ты отдал жизнь за правду и свободу, мой сын, куда ты скрылся от меня!» и «Отважные нужны родному краю, в большевики запишемся, как ты. Смотри, мой сын, я слезы вытираю, чтоб видеть солнце нашей правоты». Рана его – потеря взрослого сына – кровоточит, он должен, как обещал, поддерживать новые веяния, но у него и у народа уже отнимают то главное, чем поддерживался его дух и во что он верил.

Кузнец, соединяющий в себе крестьянина и пролетария, поэт, связующий небесное и земное, Кязим вынужден напряженно думать обо всем, что видел перед собой и о чем слышал. Его совесть летописца истории народа, его борений и побед всегда оставалась совестью художника, вглядывающегося в меняющуюся жизнь – что-то он принимал, что-то отрицал, а на что-то надеялся. Он чувствовал

свою ответственность за людей, которые продолжали ему верить, видя, как Кязим неустанно защищает вечные для них ценности – семью, саклю, умение жить для других, т. е. те самые бесклассовые мораль и гуманизм, как мы привыкли говорить сегодня, и что угадывалось во все времена настоящим искусством.

«Друзья, Кязима слушайте хромого: поэта слово есть народа слово», – он сознает свою миссию, это дает силы бороться со старостью, а она уже совсем близко. И так трудно ему противостоять очередной волне беззакония, идущей в наступление на крестьян, – готовится коллективизация, а за ней и в ней – раскулачивание, административный нажим и нарушение принципа добровольности при вступлении в колхоз. Опять горе, слезы, гибель по навету и ссылки в отдаленные от Балкарии местности, где лагерная баланда, тяжелый труд и тоска по дому добивали столь же успешно, как пытки и пули в подвалах НКВД. Но он не имеет права сдаваться ни старости, ни отчаянию, ни психологической усталости – Кязим продолжает помогать людям. Хотя очень часто это содействие оказывается чисто морального свойства. Он не может, на-

пример, остановить раскулачивание потомков князей Суюнчевых, но плачет над их судьбой, обнимая детей и взрослых, выгоняемых из родного дома. Давящий пресс бюрократизма и постоянного беспокойства о судьбе близких не позволяет ему войти в полосу взлетности – пишет он мало, а в этом малом преобладает мотив наставничества. «Пионерам» (1929) он советует учиться так, «как завещал вам Ленин»; «любите, состязаясь, труд и честь, и те пути, что широко открыты, и груды книг, что вы должны прочесть»; «хочу, друзья, чтоб стали вам подвластны простор небесный и морское дно».

Главным прибежищем Кязима остаются книги – откровенность с людьми могла стоить жизни. И как было разобратся, почему чегемец Солтан-Хамид Калабеков, погибший за новую власть, был героем («Герой умирает. Геройство в народе жить остается...»), а Хажбекир, «самым первым из наших сказав: «Власть – Советам!» – он славил свободу; а теперь вот у нас на глазах в неизвестность ушел, как под воду».

Справедливость искавший Кязим,
Ты опять предаешься рыданью!

Знаешь ты: и к тебе, как к другим,
Постучат за кровавою данью, —

за этими, 1928 года, строками, стояли совсем не надуманные опасения за собственную жизнь.

Кязим старался быть объективным, справедливость ставил превыше всех других ценностей. Достаточно хотя бы простого прочтения его стихотворения «На кладбище в Безенги», чтобы в этом не сомневаться. Поэт подходит к плитам, и каждому, лежащему под ними, дает емкие характеристики. Вот Бияслан — мудрый и бескорыстный, а вот Шио, построивший мельницу. «Твоя мельница мелет — бежит и поныне по канавкам, прорытым тобою, вода». А вот и Тарюк. «Твоя жизнь — хоть и князь — не была весела. Ни богатств, ни себя самого не жалея, ты опорой был для родного села». «Вот — Шакманов же, Аслангерий... Нечестивец!.. Из князей самый лютый, лежишь ты в могиле, а при жизни ты с бедных три шкуры сдирал!».

Это к вопросу о сословных барьерах, о якобы благостном мире между князьями и простыми скотоводами балкарских ущелий. Были разными князья, и разными были кре-

стьяне. Совсем не однородной массой ныне видятся и большевики, и коммунисты. Да и сегодняшние демократы – разве они все на одно лицо? Из далекого тридцать четвертого года, что в XX столетии, доносится голос большого поэта:

Нет, Кязим, не суди, не казни тех, кто умер.
И неправый, и правый – суд Бога пройдут...

Этот старец мог позволить себе такую вольность: оценивать людей по делам их, оставляя Богу возможность вынесения окончательного вердикта. Мы же с ходу, запросто делаем это сами, а потом удивляемся повсеместной жестокости и бездуховности.

Усталость наваливается на поэта, «терпенья больше нет, прошли все сроки. Пусть мой прощальный стих дойдет до вас!». Нет, физически он не ослаб, но так сильно болит душа, ведь, «что ни день – то новые поборы, когда же их наполнится мошна?!». Какая там свобода и справедливость, если «уже своих не смеем стричь овец...».

Спасительным стало вмешательство в его жизнь Союза писателей в лице Керима Отарова и Кайсына Кулиева. Взросшие с самого детства на его поэзии и понимающие ему це-

ну как поэту, они предприняли ряд акций, чтобы защитить патриарха. Срочно были переведены его стихи на русский, для чего пригласили переводчиков из самой Москвы, привезли и поселили Кязима в гостинице «Нальчик», чтобы писал стихи на злобу дня; его даже вывозили в Тырныауз, на горно-обогатительный комбинат. В 1940-м издана первая поэтическая книга Кязима, но он ее не признал – искажены были его мысли, перевернуты слова. Зато Кязима приняли в Союз писателей. Теперь он хоть как-то был огражден, за его спиной стоял творческий союз.

...8 марта 1944 года по всей Балкарии началось одинаково: стук в дверь и приказ немедленно собираться. Кто успел справиться с шоком, тот прикинул, что выгоднее взять, а что тащить с собой не следовало. Лихорадка сборов поглотила бедных сельчан. А Кязим паковал книги. Разве можно представить, что его душа в тот момент могла помыслить иное, нежели спасение дорогих его сердцу друзей, собранных в скитаниях и бывших окном в большой мир из затерянного в горах Шики.

Что чувствовал Кязим, расставаясь с родиной? Верил ли он, что его народ, погрузив в поезд, везут к морю, чтобы утопить, как

предполагали многие, плача и прощаясь друг с другом? Наверняка мы знаем лишь то, что он попросил двоюродного брата Харуна Кучменова похоронить его по обычаю, где бы они ни находились, что морально поддерживал тех, кто ехал в одном с ним вагоне. Он, привыкший к намазу, не мог этого делать долгих две недели – условий для сопутствующего и обязательного омовения просто не было. Конечно, он молился – святость удовлетворяется тем, что есть в наличии. Вера помогла Кязиму фокусировать усилия не на ненависти, а на надежде. Чуть позже он напишет: «Не озлобляйтесь на страну, страна здесь ни при чем, что на чужбине, вдалеке от родины живем... Нам стойкими пристало быть – прошу тебя, пойми, что и в несчастье надо быть достойными людьми!».

В изгнании он тосковал не только по Балкарии, не только о брошенных своих книгах, не только о свежей родниковой воде, но главным образом о разбросанных по Азии родственниках и соплеменниках. Что с ними будет, пока разберутся власти в чудовищных наветах и клевете, пока народ соберется там, где каждый камень и каждая речка зовется родиной?.. Он боится, что обуглятся души и ис-

сякнет терпение. Он обращается к Милостивому и Милосердному: «Аллах! Прошу сегодня я всего лишь об одном: терпения народу дай, чтоб вновь обрел свой дом». Народу своему советует: «Крепитесь, чтобы жизнь прожить, держась на высоте, трудитесь, не жалея сил, чтоб не плестись в хвосте».

Нить земной его жизни становилась все тоньше, а его листок на Золотой Иве (Алтын Тал), где, по поверьям карачаево-балкарцев, каждый лист соответствует человеку, держался уже не столь прочно, и любой порыв космического ветра готов был сорвать его. Кязим не заблуждался, что жить ему осталось не так уж много: «по телу слабость разлилась, недужен я и слаб». 14 марта 1945 года он ушел.

...Долгих тринадцать лет длилось насильственное отторжение горцев от Кавказа. Накануне их возвращения на родину Керим Отаров приезжал к могиле Кязима и разговаривал о переносе праха поэта в Шики. Но тогда нереальным казался даже переезд живых людей, и тема кязимовского перезахоронения на длительное время была закрыта. На исходе XX столетия поэт вернулся домой и был похоронен в Долинске. Цепь его бесконечных земных скитаний замкнулась – балкарская

речь звучит над его могилой, на самом деле сбылось его пророческое: «Я болью народною стал...».

Большинство переводов в этой книге принадлежит перу Семена Липкина. Он умер в апреле 2003 года, оставив миру переводы азиатских народных эпосов, великой поэзии Востока и собственные стихи русского поэта. Знавшие Липкина лично называли его «человеком преодолевающим», после которого осталась победа «судьбы над жизнью». Лично для нас он – человек одаривающий, любовью перелагающий явления национальных культур на язык межнационального общения. «Камбот и Ляца» Али Шогенцукова и «Раненый тур» Кязима Мечиева – то немногое, что нельзя не назвать именно здесь; не назвать – значит сделать вид, что российская культура не обогатилась этими эпическими творениями наших классиков.

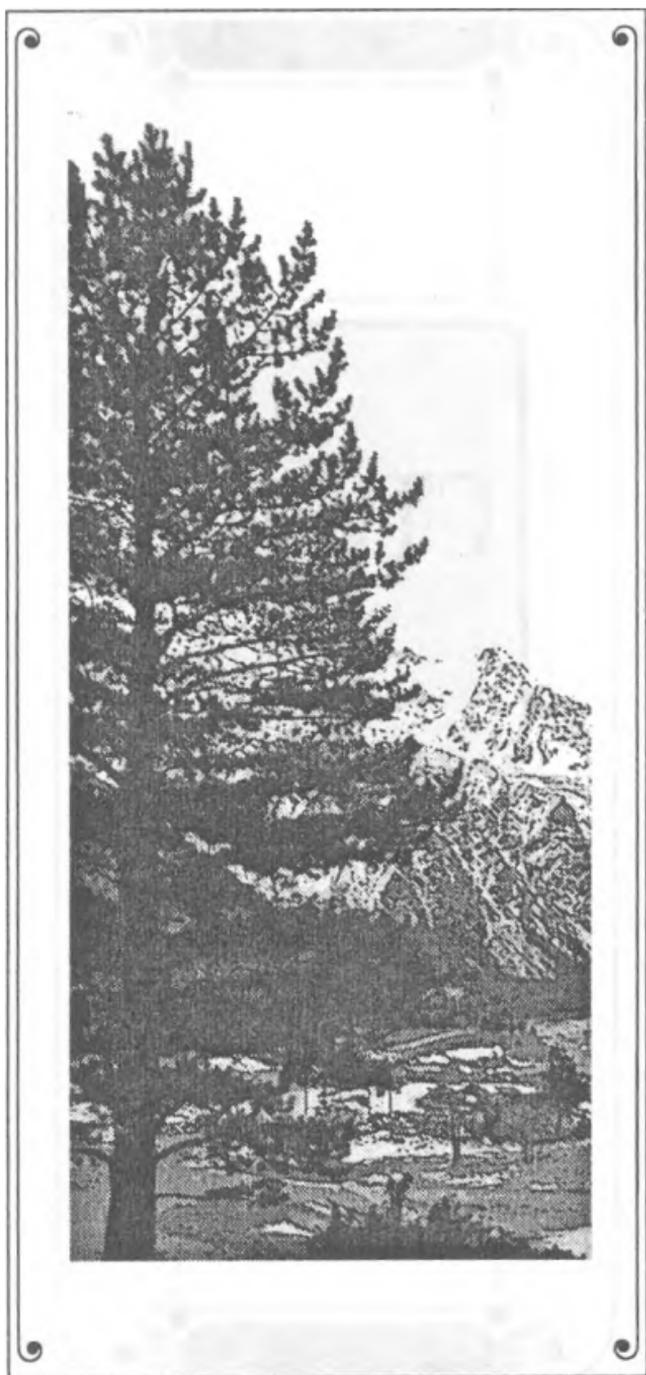
Липкин ушел, но благодаря его уму и таланту еще многие поколения читателей будут знакомиться с иноязычными литературами через посредство его, липкинского, сердца. Потом придут другие, по-иному, может быть, поймут и переведут наших поэтов XX века.

Мы скорее всего этого уже не узнаем. Но пока мы живы, должны делать все, чтобы любовь наша к дорогим именам становилась явной и доступной пониманию в том духовном пространстве, что именуется культурой, в том языковом пространстве, где звучит русская речь.

Мария Котлярова

СТИХИ

***

К тебе я хотел перебраться в челне, —
Челнок опрокинулся мой.
К тебе я хотел прискакать на коне, —
Свалился мой конь вороной.

В письме я с тобою повел разговор, —
Письмо утонуло в реке.
Мой голос не слышен тебе из-за гор,
Лишь эхо звенит вдалеке.

1890

Перевел С. Липкин

---

^o Здесь и далее отмечены стихотворения, которые даются в параллельных переводах разных переводчиков.

***

На челноке к тебе тянулся,
Надеясь счастье обрести,
Но мой челнок перевернулся,
Когда я был на полпути.

Ты моего не слышишь зова.
На всех путях тебя искал.
Кричу тебе, взываю снова...
В ответ мне – только эхо скал.

1890   *Перевел Г. Яропольский*

***

Чую твоего жилья тепло,
Мы соседи, наши сакли рядом,
Но меж нами столько верст легло,
Сколько меж Чегемом и Багдадом.

Твой отец и брат тому виной,
Что легла меж нами даль такая.
Дверь твоя закрыта предо мной,
Как пред грешником – ворота рая.

1890

Перевел С. Липкин

***

На твой поглядывая двор,
Я по дрова иду с рассветом.
Шаги разбудят эхо гор –
Мне плач твой слышен в эхе этом.

Что люди! – скалы говорят
О нас, несчастных, со слезами...
И лишь твои отец и брат
Никак не сжалятся над нами!

1890   *Перевел Г. Яропольский*

***

Рассудка лишившись, на звезды взираю...
Мне тридцать. Безумье жжет душу мою!
Я пост не блюду – я, сильнее, чем к раю,
К тебе устремляясь, зикиры пою.

Душа истомилась в скитании мнимом –
Тебя твой отец за меня не отдаст:
Чтоб путь мой к тебе был расчищен калымом,
Отцу моему не достанет богатств.

1890

Перевел Г. Яропольский

***

Твой отец заходил как-то раз
В нашу кузню – заказывал путы.
Я все сердце вложил в тот заказ!
Он унес его... Я ни минуты

Не жалел, не жалею о том:
Скакуна пусть отец твой стреножит,
Но он внес мое сердце в свой дом –
И тебя он стреножить не сможет!

1890

Перевел Г. Яропольский

***

Холмик мы не приравняем к скалам,
Ветке садом слыть не подобает.
Выживает раненный кинжалом,
Раненный любовью – погибает.

1890

Перевел С. Липкин

ЖАЛОБА

Я любила бедного джигита,
Но моя кичливая родня
На мою любовь была сердита.
За него не отдала меня.

Темными становятся вершины,
Если нет ни солнца, ни луны:
Те, кто не поймет моей кручины,
Точно так же помыслом темны.

Люди, что вы сделали со мною,
Как мне быть, как справиться с бедой?
Против воли стала я женою
Старика с седою бородой!

О моих слезах замолкла повесть,
И под гнетом ропот мой затих.
Дни мои теперь черней, чем совесть
Черных притеснителей моих.

Я познала все на свете грозы,
Всю неправду, всю тоску земли.
Если б я лила на камень слезы,
То они бы камень тот прожгли.

Ночью просыпалась я в тревоге,
Будто бить меня хотят плетью,
Утро я встречала на пороге
В страхе перед миром и людьми.

Никого не трогали в округе
Робкой жалобы моей слова,
Только в тишине ночной в испуге
Отвечала мне порой сова.

Годы шли, меня в печали старя.
Все прошло, не стало прежних сил,
Я была скотиной на базаре:
Этот продал, тот меня купил.

Да не будут девушки, рыдая,
Проклинать, как я, свои года!
Так, как я страдала, пусть другая
Больше не страдает никогда!

Матери, отцы! Не разлучайте
Молодых возлюбленных сердца,
Счастья ранних лет не разрушайте,
Не желайте горького конца!

Девушки! Неволей стать женою –
Хуже, чем упасть с крутой скалы.
Что такое страх перед роднею?
Это цепи, это кандалы!

1898

Перевел С. Липкин

***

Храбрость острее любого кинжала,
Трусость тупее мотыги тупой.
Храбрость в бою твой очаг отстояла, —
Трусость залить его хочет водой.

Храбрость прочнее и тверже гранита,
Трусость бессильна, безвольна, как дым.
Храбрость, друзья, выбираем открыто,
Ибо людьми называться хотим!

1900

Перевел С. Липкин

СЕТОВАНИЯ ДЕВУШКИ

Дал мне косы длинные Аллах
Только счастья не дал мне в делах,
Черные глаза дала мне мать,
Чтоб любовь у дочери отнять.

С милым я навек разлучена,
Скорбь моя соседям не слышна,
Где найду слезам своим приют?
Только скалы боль мою поймут...

1900

Перевел С. Липкин

***

Богачу ты даруешь всего с изобильем,
Бедняка же единый удел – нищета.
О Аллах, справедливо ль все большим бессильем
Наделять тех из нас, кому жизнь – маета?

Силу сильных ты множишь в любое мгновенье,
Добавляя несчастным плетей и оков.
О Аллах, справедливо ли это решенье
И утешно ль оно для всех нас – бедняков?

Справедливо ль на озеро щедрый лить ливень,
Если засуха наши сжигает поля?
О Аллах, этот мир столь бескраен и дивен,—
Ты ли это задумал, так жить нам веля?

1900

Перевел Г. Яропольский

***

Наши пашни – одни валуны...
О, невежества страшные сны!
Кто у власти – те злобы полны.

Все добро – коровенка одна,
Так худа, что почти не видна...
Тяжела наша доля, темна!

1900(?) Перевел Г. Яропольский

ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

Храбрый скачет, робких презирая,
Любит сплетни женщина дурная,
Место для орла в горах – вершина,
Любит нагло врать плохой мужчина.

Долго спит бездельница в постели,
Мелет глупый вздор все дни недели,
Пустослову по сердцу обманы,
Ложью набивает он карманы.

Грязную овцу кусают блохи,
Те мужчины, что трусливы, – плохи,
Болтунов безмозглых презираю,
Труссы не нужны родному краю!

1901

Перевел С. Липкин

***

Только вышел я из сакли на заре,
Воробья увидел сразу на дворе.
Мой голодный, но свободный воробей,
Ты не знаешь ни рабов и ни князей!

1902

Перевел С. Липкин

БЕДА АБИДАТ

Неужели слова мои вызовут смех?!
Не ушла Абидат от девичьей беды.
Ее юное тело – какой же в нем грех? –
Извлекли поутру из холодной воды.

Поняла она: ей за любимым не быть,
Вот и стал ее мужем бурливый поток.
Мое сердце устало от горестей выть,
Только этот удар нестерпимо жесток.

Изуверы-отцы, стыд вам всем и позор!
Как же рушить союз двух влюбленных сердец?
Абидат истерзал этих пыток костер –
И в реке погасила его наконец.

Та, которой невесткой бы стать суждено,
Чтоб, как солнце, суметь обогреть целый дом,
Улеглась на холодное мглистое дно,
Ее счастье – в пучине... Куда мы придем?

1904

Перевел Г. Яропольский

***

Было время – любовь даром счастья была,
Даром жизни была золотым;
Но иные привычными стали дела:
Нет огня меж любимыми – дым!

Спорят, судятся, сами себе на беду,
Были – родичи, стали – враги.
Сколько дегтя сегодня в любовном меду!
Где свет в душах? Не видно ни зги!

Ведь мерилom стал ныне достаток служить:
Коль богат, то и древний слепец
С луноликой красавицей сможет зажечь,
Истерзав ее душу вконец!

О Тахире с Зухрой, их великой любви
Написавший когда-то Кязим,
Твое сердце сегодня от горя в крови –
Ты судьбою влюбленных казним...

1904

Перевел Г. Яропольский

ХОРОШЕЕ СЛОВО

Хорошее слово ножом не разрубишь,
Угрозы ему не страшны,
В огне не погубишь, на рынке не купишь, –
Оно не имеет цены.

*Скажи мне, что жизнь без хорошего слова?
Как будто без соли еда!*
Хорошее слово – мужчины основа,
В нем слышится сердце всегда!

Хорошее слово – противник насилья,
Борцам помогает созреть,
Хорошее слово для доброго – крылья,
Недобрых стегает, как плеть.

Хорошее слово с отвагою слито,
Блестит, как дамасская сталь,
Для нищих – богатство, для слабых – защита,
Утешит, прогонит печаль.

И пуля остынет, и поле заглохнет,
И влага в песке пропадет, –
Хорошее слово не стынет, не сохнет,
А мчится вперед и вперед.

Хорошее слово – твой разум и голос,
И солнце твое, и луга,
Души твоей сказка, земли твоей голос,
Огонь твоего очага.

Хорошее слово – твой праздник и горе,
И горский тяжелый твой хлеб,
И меч, и кольчуга, и воздух нагорий,
Где ты возмужал и окреп.

Хорошее слово с тобою смеется,
С тобою грустит в трудный час,
Мы жизнь покидаем, – оно остается
И служит живым после нас.

Насильники, вам не отдам свое слово,
Бесчестных не терпит Кязим!
Всегда мое слово – опора живого
И предано людям простым!

1905

Перевел С. Липкин

***

Я слагаю стихи и железо кую, —
В том и в этом есть надобность в нашем краю.
Не князья нам нужны, а нужны топоры, —
И Кязим это понял с недавней поры!

1905

Перевел С. Липкин

***

Я слагаю стихи и железо кую –
Как могу, поднимаю Отчизну свою.
Каждый добрый топор больше князя ценим –
Это знает давно и наверно Кязим.

1905

Перевел Г. Яропольский

ЗАВЕЩАНИЕ СЫНУ

Сын мой, скоро я в могилу лягу.
Сколько зла судьба мне принесла!
Ты же, может быть, придешь ко благу,
Жизнь увидишь без людского зла.

Если ты увидишь, что взрастили
Люди мир и счастье на земле,
Сын мой, подойди к моей могиле,
Крикни мне о побежденном зле.

Может быть, сквозь черный прах могильный,
Чтоб я смог спокойно отдохнуть,
Голос твой услышу звонкий, сильный...
Только, сын мой, крикнуть не забудь!

1906

Перевел С. Липкин

МОЕМУ ПСУ

Мой пес, приятель в черной шкурке,
Тебе тепло без горской бурки,
Ко мне ласкаешься, любя,
Я никогда не бью тебя.

Ты стадо сторожишь на славу,
Тебе мерзавцы не по нраву,
Как я, не терпишь ты врагов –
Двуногих мерзостных волков!

Дружу я много лет с тобою,
Мы общей связаны судьбою,
Ты много света мне принес,
Мой черный пес, мой добрый пес!

На недругов моих ты лаешь,
А мне спокойных дней желаешь,
Ты в кузне у меня, как друг, –
И пусть бушует дождь вокруг!

Ты за меня, презревши робость,
В огонь пойдешь и прыгнешь в пропасть,
Я вижу, как тосклив твой взгляд,
Когда и я тоской объят.

Из-за меня страдал, бывало,
Моих стихов узнал немало,
Умнее, чем знаток иной,
О них беседовал со мной.

Хозяин твой не князь, а нищий,
Тебе он не жалеет пищи,
Стихи поет и сталь кует,
Собаку никогда не бьет.

Ты заслужил вот эти строки,
Мой черный пес, мой быстроокий!
Бесчестным, злым внуши испуг,
Мой черный пес, мой верный друг!

1906

Перевел С. Липкин

***

Пусть ты хадж совершишь хоть и тысячу раз,
Станешь шейхом великим, едва ль не святым,
Пусть ты лоб расшибешь, совершая намаз,
Пусть ты душу наполнишь Аллахом одним, –

Если труд твой земли не вращал жернова,
Если не был тебе каждый встречный что брат,
То мольбы бесполезны, напрасны слова:
Не удержит тебя мост над адом – Сыйрат!

1906

Перевел Г. Яропольский

ХВАСТЛИВОМУ КНЯЖИЧУ

На нас ты смотришь свысока,
А чем ты лучше бедняка?
Из века в век, из года в год
Чужим трудом живет твой род!

Ты дружбы не проси моей,
Я не ищу таких друзей.
Дороже мне один мой стих
Всех знатных родичей твоих.

1907   *Перевел С. Липкин*

ВОРОБЕЙ, КОТОРЫЙ ЗИМОЮ СЕЛ НА НАШЕМ ДВОРЕ

На дворе – мороз, дружище,
Ты замерзнешь, воробей.
Иль не сыщешь в мире пищи,
И приюта и друзей?

Воробей, от стужи лютой
Не спасешься ты никак.
В перья горлышко не кутай,
Не согреешься, бедняк!

Бедняков, тебя похуже,
Много есть у нас в краю,
На земле от зимней стужи
Худо им, как воробью.

Накрошу тебе я хлеба,
Подкрепись-ка поскорей.
Пусть тебе поможет небо,
Не робей, мой воробей!

Я хочу, чтоб ты, брат, выжил,
Погулял с весной вдвоем.

Кот не съел и срок не вышел?
Значит, снова мы живем!

Тот, кто беден, тот в неволе,
Так от века повелось, —
У него врагов поболее,
Чем на голове волос.

Разве нам поможет робость,
Если недруги кругом?
Тот, кто глуп и робок, — в пропасть
Низвергается врагом!

От мальчишек нехороших
Постарайся улететь:
Накидают хлебных крошек
И тебя заманят в сеть!

Стужа, ветер воеет люто.
Воробей, среди зимы
Ты, как мы, лишен приюта,
Голодаешь ты, как мы.

1907

Перевел С. Липкин

***

Входит в наши аулы туман из ущелий,
Входит в хлевы, конюшни без видимой цели,
Точно так же, без спросу, хоть дверь на запоре,
Входит в наши дома беспросветное горе.

1908

Перевел С. Липкин

***

Я сравню тебя с моей стрелой ^о,
Молодость, пустилась ты в полет.
За какой сокрылась ты скалою?
Кто тебя, далекую, найдет?

Ты взяла красу и стать фазанью,
Молодость, достойная хвалы, –
Или ты была той самой ланью,
Что погибла от моей стрелы?

1910

Перевел С. Липкин

***

Молодость, стрелою ты была,
С тетивы куда тебя умчало?
Может, преградила путь скала?
Может, ты за дальний холм упала?

Горлицы столь нежной шейкой ты,
Молодость, казалась мне порою...
Может, ланью дивной красоты
Ты была, сраженной где-то мною?!

1910

Перевел Г. Яропольский

***

Порою на вершине снег блистает,
Порою тает на горе,
А боль моей души, увы, не тает
Ни при какой жаре.

Свалился тур, чью кровь земля глотает,
И вот от крови нет следа,
А боль мою долина не впитает,
Не унесет вода.

1910
Стамбул

Перевел С. Липкин

***

Если дождь прошел и даль светла, —
За дождем ты не скачи в седле.
Если молодость твоя прошла,
Не ищи ее по всей земле.

Ты ее не купишь у купца,
Хоть и станешь цену набавлять,
Не получишь снова от отца,
Не возьмешь у матери опять!

1910
Стамбул

Перевел С. Липкин

***

Избороздил я много бурных вод,
Бывал у турков, ездил я к арабам.
Бедняк повсюду как бедняк живет,
И сильный измывается над слабым.

1910
Стамбул

Перевел С. Липкин

***

Серый камень сорвался с утеса ◊,
В мрачной бездне остался лежать...
Никогда ты наверх не вернешься,
Свой утес не увидишь опять...

Я молю тебя, господи, ныне:
Лучше в камень меня преврати,
Но остаться не дай на чужбине,
К моему очагу возврати!

1910
Дамаск

Перевел С. Липкин

***

Если камень сорвется в ущелье,
В темной пропасти сгинув навек,
То ничто никогда возвращенья
Не сулит ему больше навех.

О, Аллах! Пусть мы так же не канем!
Если сам я дойти не смогу,
То, молю тебя, — сделай хоть камнем,
Но к родному верни очагу!

1910, *Перевел Г. Яропольский*
Дамаск

***

Горя много, счастья мало, путь тяжел ◇,
Я искал повсюду счастье, – не нашел.
Долго с горем я боролся словом правым, –
Точно сито, сердце сделалось дырявым.

Как и горец, смотрит с горечью араб,
Как и горец, – он бесправный, бедный раб.
Разлилась печаль по всем людским жилищам,
Где б я ни был, низко кланяюсь я нищим.

1910
Мекка

Перевел С. Липкин

***

Мир полон горя, радость же – редка.
Я к счастью путь найти не смог пока.
Изрешетили сердце сотни бед –
Кязим воюет с ними много лет.

Глаза араба, горца ли глаза –
В них горечи безвыходной слеза.
Печаль – повсюду, где ни прохожу.
В лицо всем нищим с болью я гляжу.

1910
Мекка

Перевел Г. Яропольский

***

Если б знал, где для родины счастье найти, –
Прискакал бы к нему, сделав ноги – конем,
Если б кровь, как река, разлилась по пути, –
Переплыл бы ее, сделав сердце – челном.

1910
Мекка

Перевел С. Липкин

***

Мир – тяжкая тропа, где скорбь и горе, –
По той тропе чьи ноги не прошли?
Мир – это взбаламученное море, –
И чьи в нем не тонули корабли?

Мы по морю плывем среди многоводья,
Не зная, где корабль потонет вдруг.
Мы падаем с коня, хотя поводья
Стараемся не выпустить из рук.

Каким бы, мир, ты ни был горьким морем, –
Тебя мы любим, ты – наш отчий дом.
Пускай тропа в снегу, – мы с бурей спорим,
Сквозь вихрь и снег мы все-таки идем!

1910
Багдад

Перевел С. Липкин

***

Мир – крутая тропа. Оступившимся – горе.
Кто измерит ущелий его глубину?
Мир – такое огромное горькое море,
Чей корабль не пошел в нем однажды ко дну?

В море мира плывем, не страшась многоводья,
Хоть не знаем, когда кораблю затонуть, –
Ведь и падая, всадник сжимает поводья,
До конца продолжая стремительный путь.

Мир, какими бы ни были моря глубины,
Ты для каждого – отчий, единственный дом.
Мы по тропам твоим через кручи кручины,
Хоть порой и споткнемся, а все же идем!

1910
Багдад

Перевел Г. Яропольский

СТРОКИ ПИСЬМА, ПОСЛАННОГО
ДОМОЙ ИЗ АРАВИИ

Родине сыновний шлю привет,
Двум аулам Безенги.
Пусть моя земля не знает бед,
Пусть умрут ее враги.

Шлю я старой матери поклон,
Пусть не сетует она,
Что я долго с нею разлучен
И тропа моя трудна.

1910

Перевел С. Липкин

***

У турков, арабов, проделав скитаний круги,
Я снова увидел вершины твои, Безенги.
Что может быть лучше, отраднее в мире земном,
Чем запах кизячного дыма в ауле родном!

1910

Перевел С. Липкин

***

Багдад посетил я, увидел Стамбул,
Я в Мекке от тягот пути отдохнул,
Но мне показалось, что вновь я родился,
Когда возвратился в мой бедный аул.

*1910**Перевел С. Липкин*

МАТЬ ОХОТНИКА

Мой сын, идешь охотиться на тура,
А сердце ноет у меня в груди:
Суровые вершины смотрят хмуро,
Туманы, бездны, кручи впереди!

Мой сын, повсюду снежные провалы,
А в сердце матери твоей – тоска:
Так скользки в пору снегопада скалы,
Над пропастью тропинка так узка!

Мой сын, в горах давно отцвел терновник,
А голос материнский задрожал:
Тебя не ждет ли наш давнишний кровник,
Не точит ли в ущелье свой кинжал?

Мой сын, пускай поймет мою тревогу
Наш Абсаты, бог леса и зверей, –
Храня тебя, пусть выйдет на дорогу:
Ведь ты один у матери своей!

Мой сын, пора настала снегопада,
Печальны, мрачны горные пути.
Клянусь тебе, что умереть я рада,
Зато тебя от гибели спасти!

1910

Перевел С. Липкин

ТРУЖЕНИКУ

Умный трудится не уставая,
Ничего не делает глупец.
Что сказать о сущности лентяя?
Я скажу: лентяй – живой мертвец.

Радостно живется работающим,
Лодырям тоскливо жить везде.
Наше счастье станет настоящим,
Если мы найдем его в труде.

Без труда и сердце не на месте,
И чурека нету на столе.
Без труда прожить – прожить без чести,
Лишним оказаться на земле.

Жалок лодырь, словно пес бездомный,
Хоть порою он одет в шелка.
У жены лентяя жребий темный.
А у матери его – тоска.

Трудолюбье землю озаряет,
Свет и разум жизни – честный труд,
Лодыря повсюду презирают,
Труженику почесть воздают.

1910

Перевел С. Липкин

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Луна в родном ауле
Нам светит, мой малыш.
Вершины гор уснули,
А ты еще не спишь.

И ослик, и теленок
Уснули на дворе.
Не плачь, мой соколенок, –
Проснешься на заре.

Цыплята спят в сарае,
Луна им шлет привет.
Усни, забот не зная,
Усни, мой лунный свет.

Скорее стань мужчиной,
Скорей порадуй нас,
Усни, мой снег вершинный,
Усни, мой светоч глаз.

Пусть беды в день жестокий
Проходят стороной.
Усни, мой белобокий,
Ягненок родной.

Под месяцем лучистым –
Покой и забытье.
Твой мир да будет чистым,
Как молоко мое.

А кто клинок добудет,
Кто станет нам врагом, –
Да материнским будет
Он проклят молоком!

Ты на земном просторе,
Всем недругам на страх,
Живи, как рыба в море,
Как птица в небесах.

Спят скалы и утесы,
Кругом – луна и тишь.
Усни, звонкоголосый,
Усни, усни, малыш!

1910   *Перевел С. Липкин*

***

Скорбит земля родная, плачут реки,
И топчет сильный тех, кто послабей.
Чтоб мой народ свободным стал навеки, —
Помочь прошу я бога и людей.

1910

Перевел С. Липкин

***

Чтоб родину избавить от невзгод,
Я в кузнице кую железо с жаром,
И, видя, как страдает мой народ,
Я сам горю, как уголь в горне старом.

1910

Перевел С. Липкин

***

Мы овцы. Ближе, ближе стая волчья.
Безгласен наш испуг, и боль глуха,
То жмемся, то шарахаемся молча, —
Отара, что лишилась пастуха.

*1910**Перевел С. Липкин*

***

Свое метнул я слово, как стрелу,
И та стрела разбилась о скалу.
Но пред насильем не склонюсь покорно,
Я буду проклинять его упорно.

1910

Перевел С. Липкин

***

Несчастный мой народ, я твой удел постиг,
И чтоб тебе помочь, прочел я много книг.
Читаю и пишу, и нет конца труду,
Но счастья для тебя никак я не найду.

1911

Перевел С. Липкин

***

Кто бы нам чувяки сшил без платы,
Чтоб могли мы вечно в них шагать?
Где для нас найдется конь крылатый,
Чтоб на нем до счастья доскакать?

Но и кожи нет, чтоб горцам нищим
Сшить чувяки вечные себе,
И коня крылатого не сыщем,
Чтоб к счастливой прискакать судьбе.

1912

Перевел С. Липкин

ПРАВДА

Правда – нерушимая гора.
Правда – и могуча и добра.
Правда не заблудится во мгле,
Правда не повиснет на скале.

Не кичитесь, князь и богатей,
Вы не лучше нас, простых людей,
Будут и богатства и чины
Вместе с вами в прах превращены!

А народа правда не умрет,
Отстоит, спасет ее народ,
Ни убить ее нельзя, ни сжечь,
В сердце правды не войдет и меч!

Правда всех насильников сильней,
Каторга беспомощна пред ней,
Правда не боится ни царей,
Ни бичей, ни палок, ни цепей!

Это говорит хромой Кязим,
И пока гляжу в глаза живым, –
Только правде словом я служу,
Только правду чту, как госпожу!

1912

Перевел С. Липкин

ОСЛИКУ С ИЗРАНЕННОЙ СПИНОЙ

«Молоко ослиное погано,
Но терпению ослика хвала», –
Дуралеи говорят – и рьяно
Гонят, выючат, мучают осла.

Наши горцы без тебя от века
Не обходятся в краю родном,
Почему ж плохого человека
Принято у нас бранить ослом?

Знают хорошо твои копытца
На дороге каждый поворот.
Наблюдал ты взором очевидца,
Как заря заходит и встает.

Нет, мне твой хозяин не по нраву,
Ослик с черной раной на спине.
Бедный ослик! По какому праву
Он тебя избил, поведай мне!

Уши книзу у тебя повисли
От обид и боли ты ослаб
И стоишь, исполнен грустной мысли,
Как и мы, ты – бессловесный раб!

Знаю, что твою большую рану
Я своим стихом не излечу,
Но стихи твердить не перестану:
Бормочу я, – значит, не молчу.

Строк моих ты не поймешь, бедняга.
Ты с людскою речью незнаком,
Но пускай пойдет тебе на благо
Боль моя, звенящая стихом!

1912

Перевел С. Липкин

***

Взнуздал я духом плоть свою худую:
– Дорогу к счастью отыскать сумеи!
Немалый путь прошел, но все впустую.
Тревога стала спутницей моей.

«Кто гол – в том сердце ближе». Это верно.
Я с бедными делил и стол, и кров.
С Востоком говоря благоговейно,
Повсюду я искал правдивых слов.

Земли моей все тяготы и муки
Мне плоть сдавили холодом оков.
Когда я воздеваю к Богу руки,
По ним, Коран листавшим, льется кровь.

Содеявшего зло постигнет кара, –
Гласят Хадисы. Спрашиваю: где?!
Лишь те страшатся мора и пожара,
Кто век живет на хлебе и воде!

Мы, чей путь прям, надежды не теряем.
Упавшему всегда поможем встать.
Мы ляжем в ту же землю с негодяем!..
И Бог не может этого не знать...

1912

Перевел Г. Яропольский

***

Сегодня князь Сюйюнч Ахмата-бедняка
Ударил палкою и голову рассек.
Той палкой ранен я, и рана глубока:
Душа моя в крови,— не заживет вовек.

1912

Перевел С. Липкин

***

Шумя, с отвесных гор сбегают вниз потоки,
Уходят холода в назначенные сроки,
Лишь горе моего народа постоянно,
И в сердце у него не заживает рана.

1912

Перевел С. Липкин

ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Юность отмечталась. Что мне делать?
Вот пришла усталость. Что мне делать?
Близко, близко старость. Что мне делать?
Убежать осталось? Что мне делать?

Хоть беги на горную вершину,
Хоть в морскую погрузись пучину, —
От годов себя ты не избавишь,
Старость восвояси не отправишь.

Эй, Кязим, трудись всегда, всечасно,
И, трудясь, ты не вздыхай напрасно!
Куй стихи с железом воедино, —
Вот где высшей мудрости вершина!

Прогони унынье в эту пору,
Мудрость ты возьми себе в опору.
Ты трудись упорно, непокорно,
Куй железо, стих слагай у горна!

1913

Перевел С. Липкин

**СТИХИ, СКАЗАННЫЕ
ОДИНОКОЙ ИВЕ У ГОРНОЙ РЕКИ**

Ты у речки расцвела красиво
И меня обрадовала, ива.
Трудно в кратких описать словах
Мягкие барашки на ветвях!

К нам пришла ты из какого края?
Как ты здесь росла, семьи не зная?
Как ты не сгорела в душный зной?
Не замерзла, бедная, зимой?

Как росла ты без сестер и братьев,
И друзей и родичей утратив?
Ни отец, ни любящая мать
Не могли сиротку опекать!

Я не раздавлю твои барашки,
Зла тебе не причиню, бедняжке,
Не срублю тебя, не погублю,
Я не из таких: я жизнь люблю!

Ты нежна от белого цветенья,
И тобой люблюсь каждый день я.

Я склоняюсь у твоих ветвей.
Прелесть бедной родины моей!

Знаю, есть такие лиходеи
(Оттого ты стала мне милее!),
Что тебя хотят сломать, срубить,
Вместе с корнем вырвать, истребить.

Не позволю, чтоб лила ты слезы!
Пусть тебя не обдирают козы,
Пусть не гнет свирепый ветер с гор,
Пусть не рубит вражеский топор!

Этот мир обходится жестоко
С нами, уходящими до срока...
Ива-сиротинка над рекой,
Да хранит всевышний твой покой!

1913

Перевел С. Липкин

***

Стал мрачен свод небес, над саклями нависший,
И горести, как снег, посыпались на крыши.
Аллах, Аллах, взгляни на горы! В самом деле:
Их головы от бед и горя поседали!

1913

Перевел С. Липкин

***

В аулы к нам беда легко находит путь ◊.
Хоть заблудилась бы в горах когда-нибудь!
А счастья, как ни ждем, все нет, запропастилось:
Как видно, где-нибудь в теснине заблудилось.

1913

Перевел С. Липкин

***

Легко в горах находит путь беда –
Она к нам в дом приходит без труда.
Но где блуждает счастье до сих пор?
Трудна его дорога среди гор!

1913

Перевел Г. Яропольский

1914 ГОД ◊

Вновь охвачен мир войной кровавой,
Умирает мирный труд природы.
Проклят царь, владеющий державой:
Он принудил враждовать народы.

На войну уходят молодые,
Остаются матери в тревоге.
Грозно, как обвалы снеговые,
Низвергаются на нас налоги.

В мире нет покоя и надежды,
На две части он войной расколот.
Не хватает у людей одежды,
Надвигается угрюмый голод.

Губит на земле один другого,
Горе и беда на белом свете,
Мертвый хочет задушить живого,
А народ за все, за все в ответе.

Ныне в мире правит злое время,
Нас, несчастных, плавит злое время,
Все живое давит злое время.
И сердца кровавит злое время.

Справимся и с этим тяжким горем!
Стойте, горы, как всегда стояли:
Стойкости участь у вас, – поборем
Все невзгоды мира, все печали!

1914

Перевел С. Липкин

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД

Землю кровь орошает рекой –
Наш под корень подрублен покой.
Разрушается мир почему зря!
Все раздоры – по воле царя.

Рады ль матери доле своей,
Провожая на фронт сыновей?
А поборы растут и растут –
И тоской наши души гнетут.

Наш под корень подрублен покой –
Даже радости прежней, скупой,
Не изведает ныне народ:
Скоро голод в дома к нам придет.

Черный день наступил на земле:
Даже солнце как будто в золе.
Черный день к нам пришел, как палач,
И повсюду царит только плач.

Но и это наш выдержит дом –
Все осилим мы, переживем.
Кто затеял войну эту, тот
Пусть ответит; а солнце – взойдет!

1914

Перевел Г. Яропольский

***

Идет в ауле дождь, блестя, шумя, струясь,
И с каждой улицы он всю смывает грязь.
Не смоют ли с людских сердец клеймо кручины
Те ливни грозные, что падают с вершины?

1914

Перевел С. Липкин

***

Да будут прокляты насильники стократ!
Как угли в очаге, сердца у нас горят.
Но в правду верить, как в хлеб насущный,
будем,
Надежду посохом избрав на радость людям.

1914

Перевел С. Липкин

***

Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад,
Но горы, как всегда, без трепета стоят.
В години бедствия, тревоги и невзгод
Учись у наших гор, несчастный мой народ.

1914

Перевел С. Липкин

***

Немало горьких слов ты людям даровал,
Кязим, ты проклинал, Кязим, ты горевал,
Но можно ль на земле прожить без горьких
слов,
Когда нам смерть грозит от множества
волков?

1914

Перевел С. Липкин

***

Кязим, к чему твой стон и вздох глубокий?
Как волчий вой – твой голос одинокий.
Ты обратил глаза на мир жестокий,
И брызнули на землю слез потоки.

1914

Перевел С. Липкин

***

В трубу моей сакли падает черный снег.
Стучится тревога, просится на ночлег.
Скажи мне, тревога, злая гостья моя,
Ужели другого нет у тебя жилья?

1915

Перевел С. Липкин

***

Все, как и прежде. До поры состарюсь –
Огня сердечных ран не превозмочь.
На скалы глядя, чувствую усталость,
Не знаю, чем народу мне помочь.

Слов стрелы расщепляются о скалы.
Не башня Правды – кузница моя.
Повсюду не страшится сильный кары.
Нигде на свете слабым нет житья.

Я, плача, от беспомощности стражду:
Не нахожу дороги столько дней!
Идем – и утолить нам нечем жажду...
А лечь и помереть – еще стыдней.

1915

Перевел Г. Яропольский

МОЯ СТАРАЯ САКЛЯ

Ты, старая сакля, немало
Мне счастья и горя дала.
От вьюги меня охраняла,
Зимой не жалела тепла.

Звенела ты свадебным пиром,
О мертвых рыдала не раз.
Встречала приятелей с миром,
Врагов принимала подчас.

Надежды, восторги, досады
Ты честно делила со мной.
В ненастные дни, в снегопады
Была для меня ты броней.

Дожди подбирались вплотную,
И ливни войсками текли,
Но крышу твою земляную
Они победить не могли.

Огонь очага наблюдая,
Я думал о жизни своей.
Здесь, в сакле, подруга седая
Растила моих сыновей.

Здесь, в сакле, обрел я опору,
Здесь думы окрепли мои,
Здесь в самую трудную пору
Я хлеб добывал для семьи.

Я здесь бормотал мои строки
В тепле твоего очага.
Кто б ни был он – близкий, далекий, –
Ты гостю была дорога.

Здесь песни я складывал смело,
Приверженность к правде храня,
Ты, сакля, тепла не жалела,
Тепла и огня для меня.

1916

Перевел С. Липкин

***

Толкуют о царе, о войске говорят.
Налогов требуют и требуют солдат.
Кровавых рек поток, глухих громов раскат,
Аулы – как сады: побил их сильный град.

Нам не дает вздохнуть жестокости указ.
Цвет жизни под ярмом насилия погас.
Неправда душит всех, кто угнетен сейчас,
И бешеные псы бросаются на нас.

Вам это говорит хромой кузнец Кязим.
От горьких, долгих слез я стал почти слепым.
Вам это говорит Кязим в последний раз:
Терпенья больше нет, терпенья нет у нас!

1916

Перевел С. Липкин

***

Кинжальных ран и пулевых не счесть
на нашем теле,
И больше горечи в душе, чем скал среди ущелий.
Как скалы, терпим каждый день и вихри
и обвалы:
Все те, кого зовут людьми, выносливы, как скалы!

1916

Перевел С. Липкин

ПЕСНЯ О СОЛТАН-ХАМИДЕ ⁰¹

Чтоб служить народным нуждам,
Он за Кировым пошел.
Богачам, народу чуждым,
Был он страшен, наш орел.

Чтобы горец был свободен, —
Повсеместно знаменит,
Беспощаден, благороден, —
Бил врагов Солтан-Хамид.

Он в бою с коня свалился,
Обагрив кровью прах.
Показалось: дождь пролился,
С кровью смешанный, в горах.

Был он с Кировым в сраженье,
Смело ринулся в борьбу,
А вернулся к нам в селенье
В позолоченном гробу.

Ни угрозы, ни злословье
Не сломили смельчака...

---

¹ С о л т а н - Х а м и д — активный участник гражданской войны на Кавказе. Погиб в Чечне, прикрыв собою Кирова от пули.

Конь его, обрызган кровью,
Прискакал без седока.

В том бою свистели пули,
Пули падали, как дождь...
Над соратником в ауле
Плакал Киров, горский вождь.

Он покрыл Солтан-Хамида
Черной буркою, и мгла,
Как народная обида,
На вершины гор легла.

Смелого исполнен духа,
Пал в бою Солтан-Хамид, –
Пусть же будет легче пуха
Та земля, где он лежит.

Плачут горы вместе с нами:
Храбрый горец опочил,
Но над ним пылает знамя –
То, что Ленин нам вручил.

Нашего героя смелость
Средь людей всегда жива, –
Потому-то захотелось
Мне о нем сложить слова.

1918   *Перевел С. Липкин*

БЕРИТЕ ОРУЖЬЕ!

Берите оружие на радость живым,
Удачи желает Вам горец Кязим!
Не ради убийства и кровопролитий,
А ради свободы оружие берите!

Не сбейтесь, джигиты, с прямого пути:
Дороги открыты, чтоб к правде дойти!
На ваших клинках – это видно мне сразу –
Сверкает свобода, свобода Кавказу!

1919

Перевел С. Липкин

СЫНУ МУХАММАДУ

Слагаю стих, но строчка тяжела мне,
И душат, душат слезы мой рассказ.
Слова стоят, недвижимые, как камни...
Мой сын, как рано ты ушел от нас!

Туман ползет, ползет по небосводу.
Не зная сна, встречаю утро дня.
Ты отдал жизнь за правду и свободу,
Мой сын, куда ты скрылся от меня!

Ты в бой пошел, как на работу в поле,
Ты партизаном был у нас в горах.
Твой правый меч служил желанной воле,
С коней кадетов сбрасывал ты в прах.

Тебя унес навеки вихрь кровавый,
Стенаньям материнским нет конца,
Но занесен ты в списки вечной славы, —
Вот утешенье старого отца.

Рыдает мать седая в черной шали,
Вершины гор безжалостны к врагу.
И горцев греет в горе и в печали
Кровь смельчака, что рдеет на снегу.

Я горцев призывал сражаться смело,
Мне ныне малодушье не к лицу.
Мой сын, ты бился за святое дело,
Как надлежит поэту и бойцу.

Пусть я умру такой же смертью трудной,
Да будет смелость и со мной дружна,
Да будет вечен свет свободы чудной, –
Мы знаем, какова ее цена.

Отважные нужны родному краю,
В большевики запишемся, как ты.
Смотри, мой сын, я слезы вытираю,
Чтоб видеть солнце нашей правоты.

1919

Перевел С. Липкин

***

Советская власть – это ствол золотой,
Богатый плодами, шумящий листвою.
Такая опора – сильнее всех опор,
Кто враг этой власти, – тот враг моих гор.

1924

Перевел С. Липкин

БУДЕМ УЧИТЬСЯ!

У темного – и день в тумане.
Кто с грамотою незнаком, –
Запомните, односельчане! –
Пути не сыщет в исполком!

Кто знаньями облагорожен, –
Богат могучею душой.
Кто против знаний, – тот ничтожен,
Он бродит в мире, как чужой.

Наука прорубает скалы,
Несет пустыням шум воды,
Расцвет являя небывалый,
Зимою нам дарит плоды.

Наука реет на просторе:
Помчит конем, взлетит орлом,
Нырнет, людей спасая, в море
За потонувшим кораблем.

Всем людям свет науки дорог,
В нем – утвержденье наших прав.
Ты был незряч? Ты станешь зорок,
Науку Ленина познав!

Я говорю вам, братья, с жаром:
Учитесь каждый день и час!
Нужна и молодым и старым
Наука – светоч наших глаз.

1926

Перевел С. Липкин

РАЗГОВОР СО СТАРОСТЬЮ

– Ты зачем пришла без спросу, старость?
Разве я тебя позвал сюда?

– Спрашивать? Да я и не пыталась:
Знаю, что у вас ко мне – вражда.

– Как нашла ты путь ко мне, седая?
Много ль исходила ты дорог?

– Нужный дом найду я, не блуждая,
Я приду, когда наступит срок.

– Не могла ты заблудиться, что ли,
Задержаться где-нибудь в пути?

– Что за чушь! В горах, в пустыне, в поле –
Я везде смогу тебя найти.

Отыщу я каждое жилище
Темной ночью иль в начале дня.
Самодержец иль бесправный нищий, –
Люди, все равны вы для меня.

Я, как вы, пред сильным не робею,
Что мне властелинов гнев и плеть?
Даже князю, даже богатею
Невозможно старость одолеть!

Грозных войск не хватит у владыки,
Чтобы на меня пойти войной.

Полководец, храбрый и великий,
Не сумеет справиться со мной!

– Я ворота запер бы со злостью,
Если б знал, что ты ко мне идешь.
Не впустил бы в дом такую гостью:
За собой ты хворость приведешь.

Предстоит мне сделать много дела, –
Ты прервешь мою работу вдруг,
Приказав, чтоб темнота одела
Дни мои, отнимешь сил рук.

Выбьешь мне, безжалостная, зубы,
Скажешь мне: – Пришла твоя пора. –
Дашь мне посох, сучковатый, грубый
И усадишь во дворе с утра.

Ночью слабый звук меня разбудит.
И заснуть я не смогу опять.
Мне из старой сакли трудно будет
Выйти – свежим ветром подышать.

Не услышу над горами грома, –
Наградишь меня ты глухотой.

Уведешь в последний раз из дома,
Чтобы я заснул в земле сырой.

Старость, старость, твой суровый холод
Руки, ноги властно мне скует...
Но мой стих, как прежде, будет молод,
С ним я вырвусь из твоих тенет!

За сердца людей всегда в ответе,
Я теплом своих стихов согрет:
Ведь пока поэт живет на свете,
Старости не ведает поэт!

1928

Перевел С. Липкин

***

Неправедно, неправо наше дело!
Дурное время давит и гнетет.
Коварству в мире больше нет предела.
Так светопреставленье настает!

Во тьме кромешной наш блуждает разум.
За это нам самим держать ответ.
Наш каждый шаг окажется напрасным,
Пока царят слова, а дела нет!

Кругом полно наставников негодных,
Над книгой не склоняющих чела,
Не чувствующих чаяний народных,
Добро не отличающих от зла.

Совсем, совсем не та у них забота,
Чтоб скотник ждал приплода от скота,
Чтоб работающим делалась работа,
Чтоб воплощалась давняя мечта.

Им не по нраву наши разговоры.
Нам не дают ни отдыха, ни сна,
И что ни день – то новые поборы.
Когда же их наполнится мошна?!

Нет, мы не сможем сбросить это бремя.
Уже своих не смеем стричь овец...
Иссякшая земля не примет семя –
Задумайтесь над этим, наконец!

Хромой Кязим, слагал я эти строки,
И слезы у меня текли из глаз.
Терпенья больше нет, прошли все сроки.
Пусть мой прощальный стих дойдет до вас!

1928

Перевел Г. Яропольский

НА КЛАДБИЩЕ В БЕЗЕНГИ

Я, скорбя, обхожу за могилой могилу.
 Здесь, Кязим, ты найдешь свой последний
 приют.

Жизнь дана не навек, не храбрись через силу,
 Верой дух укрепляй... Все однажды уйдут.

Ни один богатырь не укрылся от дани,
 Даже горы седые сравнялись с землей,
 И в траву превратились пугливые лани,
 Что, пыля, по степям проносились стрелой.

И служивший добру, и злодей бессердечный –
 Все страшились конца, но в могилу сошли.
 Там, под спудом, в обители истинной, вечной,
 Им открылась обманчивость этой земли.

Вот – плита предо мной... Бияслан незабвенный,
 Ты, сражаясь в ущелье, боец удалой,
 Был мишенью для пуль – стала гибель
 мгновенной.

Много наших тогда не вернулись домой.

Твоя речь была мудрой. Ты крепок был в вере.
 С топором и рубанком отлично знаком,

Ты для кузни моей сладил окна и двери –
И меня никогда не считал должником.

Да продолжится путь твой по райским угодьям,
С просветленной душой мы да встретимся
в них!..

Помолюсь за него – ведь, когда мы уходим,
На кого нам надеяться, кроме живых?

Вот – к другой подхожу я могиле, хромая...
Трудно жил ты, Шио, небогат был твой дом.
Ты построил нам мельницу, камни ломая, –
Не чужим твои дети питались трудом.

Твоя мельница мелет – бежит и поныне
По канавкам, прорытым тобою, вода.
Тяжело нагрузив своим осликам спины:
«Мы к Шио, на помол», – говорят иногда.

Вот валун. Здесь Чокур упокоился, бедный,
Что погиб, когда лошадь, взбесясь, понесла.
Ты, из рода Рахаевых самый заметный,
Помню, дом свой поставил в возглавье села.

Был могуч ты: быкам неподъемные бревна
На себе выволакивал, силы собрав.

Натрудил свою спину... Кто скажет, что словно
В темноте век ты прожил, – не будет не прав.

А, Шакманов Тарюк! Память чту о тебе я...
Твоя жизнь – хоть и князь – не была весела.
Ни богатств, ни себя самого не жалея,
Ты опорюю был для родного села.

В дни, когда в Безенги, всех кося без пощады,
Злую жатву собирая, явилась чума, –
Повернул ты обратно царевы отряды,
Не пустил их в ущелье – сжечь наши дома.

Спи спокойно, Тарюк. Жизнь ты прожил,
не тешась.
Не гнушаясь, всегда помогал голытьбе.
Ты при встрече со всеми здоровался,
спешась...
Средь Шакмановых не было равных тебе!

Вот – Шакманов же, Аслангерий... На погосте
Все ли ладно – покоя ты не потерял?
Нечестивец! Наверно, горят твои кости,
Как припомнишь о том, что ты здесь вытворял!

Из князей самый лютый, лежишь ты в могиле,
А при жизни ты с бедных три шкуры сдирал!

МОЙ СТАРЫЙ КУВШИН

Кувшин, кувшин, скажу без лести,
Судьба давно связала нас.
С тобою мы встречали вместе
И трудный день, и светлый час.

Ты родниковую водою
Меня поил и обмывал,
Делился радостью со мною,
Со мною горе горевал.

Как часто, одаря силой,
Прозрачней чистого стекла,
Вода моей отчизны милой
Из горла узкого текла!

Случалось, что в ночную пору
Тебя забуду во дворе,
Но ты, кувшин, не бегал в гору,
Ты ждал Кязима на заре.

Лишь в этом пред тобой повинный,
Безгрешен я во всем другом.
Прости меня, мой друг старинный,
Не будь суров со стариком.

Не заслужил я укоризны:
С тобой вдвоем из года в год
Трудились мы во имя жизни.
И нас никто не упрекнет.

С тобой, чья служба непорочна,
Я словом сердца говорю.
Тебя сработавшего прочно
Я мастера благодарю.

1936   *Перевел С. Липкин*

ПЛЯШУЩИМ ДЕВУШКАМ
И ЮНОШАМ

Девушки, юноши кружатся в пляске,
Кружатся радости пестрые краски,
Мчится вода родниковая в блеске,
В каждой черкеске – орлиные всплески.

То ли костер заплясал, вырастая,
То ли шумит журавлиная стая,
Старые очи мои разгорелись, –
Снова мне солнца подарена прелесть.

Молодость, молодость, мира основа,
Мне на мгновенье подарена снова.
Юные, плавно вы кружитесь в пляске,
Вы мне вернули мой пламень кавказский!

1938

Перевел С. Липкин

***

Как же вышло так, Хажибекир?
Что за путь был тебе уготован?
Обещавший создать новый мир,
Ты теперь, словно враг, арестован.

Кто хвалил тебя дружно вчера,
Поносить тебя принялись дружно:
Так и надо... Давно, мол, пора...
Мол, все то, что ты делал, — не нужно...

Да, бедняга, недолгим твой век
Оказался. Ушел ты до срока.
Чем честнее живет человек,
Тем трудней выпадает дорога.

Помню, в кузню мою ты входил
Не спеша, улыбаясь устало...
А одна из безвестных могил
И тебя уж вдали поджидала.

В злобном сердце начало берет
Смерть того, кто не выдаст, не бросит.
Без вождей остается народ,
Если камень за пазухой носит.

Не найдя и могилы, жена
Возвратилась, от горя бескровна.
«Пусть бы рухнул, – сказала она, –
Мост, который он строил любовно!»

Самым первым из наших сказав:
«Власть – Советам!» – он славил свободу;
А теперь вот у нас на глазах
В неизвестность ушел, как под воду.

Справедливость искавший Кязим,
Ты опять предаешься рыданию!
Знаешь ты: и к тебе, как к другим,
Постучат за кровавою данью.

Как легко из хороших людей
Можно сделать поборников злого!
Может, где-то таится злодей,
Искажающий Ленина слово?

Сколько знал я отличных парней,
Лишь вчера в барабаны стучавших
И – пропавших бесследно... верней,
Где-то *там* навсегда замолчавших.

В чем причина? Поймешь ли, Кязим?
Сердце жжет. Оно биться не радо.
Как противиться мыслям дурным,
Если вновь побеждает неправда?!

1938

Перевел Г. Яропольский

***

Послушайте, люди, что скажет Кязим,
Я много хорошего знал и дурного.
Пришла ко мне старость, как тысяча зим...
Пусть с вами живет мое доброе слово!

1939

Перевел С. Липкин

МОЯ КОРОВА

С лысинкой на лбу моя корова,
Ты отменным нас поишь питьем.
Дружно восклицая: – Будь здорова! –
Твой айран мы с наслаждением пьем.

Молоко даришь ты нашим детям,
Чтоб росли скорей и веселей.
С молоком густым, прохладным встретим
В жаркий день приехавших гостей.

Если будут бить тебя ребята,
Оскорбляя доброту твою, –
Их постигнет быстрая расплата:
Посохом своим я их побью.

Крепкая от корма лугового,
Нашу украшаешь ты судьбу,
С лысинкой на лбу моя корова,
Ласковая, с лысинкой на лбу.

1940

Перевел С. Липкин

***

Нагрянет смерть, – мой пес мне лаем
не поможет ◇.
Нагрянет смерть, – мой сын ее прогнать
не сможет.
Нагрянет смерть, – и я засну последним сном,
Но будет жить мой стих на поприще земном.
Нагрянет смерть, – у нас отнимет в миг
единый
Знакомой речки шум и синие вершины,
Но дом, что ты воздвиг, но твой заветный
стих
Останутся с людьми, чтоб жить среди живых.

1940

Перевел С. Липкин

МЫ ПОБЕДИМ!

Война трубит на все четыре стороны
И наш порог переступает вновь.
Опять, опять над нами реют вороны,
Предчувствуя, что будет литься кровь.

Фашисты скачут на конях свирепости,
Живое задушить хотят враги,
Они хотят разрушить наши крепости
И погасить в жилищах очаги.

Воюя, трудно жить, – и тем не менее
Должны мы жить и воевать должны.
Ужасна весть, что сын погиб в сражении,
Но ради жизни пал он в дни войны.

Я вижу города в дыму и в пламени,
Я вижу с гор: на снег упал боец.
Мне кажется: та пуля обожгла меня,
Здесь, в сакле, сердце мне пробил свинец.

Как жизнь детишек без отцов упрочится?
Как будут жены без мужей стареть?
Прижать к груди мне всех сироток хочется,
Как будто всех дано мне отогреть!

Насытимся мы снова хлебом смелости,
Мы победим во имя светлых прав.
Мы сохраним свою державу в целости,
Как знамя, правду Ленина подняв!

1941

Перевел С. Липкин

***

Я – часть живого. Жил. Горел светильник.
Кузнец я был. И много книг прочел.
Я, старших уважая, годы чтил в них
И путь земной, страшась греха, прошел.

Останутся мой горн и наковальня.
Мой молот, что в работе был горазд.
Никто не знает с миром расставанья,
Покуда все, что должен, не отдаст.

Умру – в мой двор придут односельчане,
Придут, скорбя, со всех концов села,
Молясь, чтоб на меня не осерчали
Те, кто итожит бранные дела...

Молитву старцы вознесут неспешно.
Рвать волосы останется сестре.
Мой старый пес завоюет безутешно...
Три дня толпиться будут во дворе.

Могильный холод стиснет мое тело.
Минкир с Накиром жизнь мою прочтут.
При жизни от молитв лицо светлело –
Я буду там таким же, как и тут.

«Един Аллах...» – так скажут возле кузни
Седые старцы, встав из-за стола.
Даст Бог – и я, своей могилы узник,
Живым останусь в памяти села.

1943

Перевел Г. Яропольский

***

К тем, кто будет меня обмывать,
Совершая последний обряд,
К тем, кто будет по мне горевать,
Сна не ведая ночи подряд,

К тем, кто будет могилу копать,
К тем, кому мое тело нести,
К тем, кто будет мой прах засыпать,
К тем, чьи дальше уходят пути,—

К ним ко всем и ко многим другим
Обращается ныне Кязим:
В трудный час, чтобы выжить и жить,
Надо другом уметь дорожить.

В единении — сила, расцвет.
Без любви единения нет.
Пусть язык ваш не знает вражды,
Пусть ваш дом не узнает беды.

1944

Перевел Г. Яропольский

ЗАВЕЩАНИЕ ◊

Вот завещание мое и заповедь моя.

К народу обращаюсь я, надежды не тая:

Невыдержанность – нам не друг,

так помни же о том,

Когда разрушена судьба, когда потерян дом.

Да, горе наше велико – ведь наш очаг потух,

Но ныне тверже, чем всегда,

пускай пребудет дух!

Я буду это повторять, твердить все дни

подряд,

Пока мне деревянного коня не снарядят.

Я много прожил на земле и видел много бед,

И потому я навсегда сказал насилью: нет!

Уже так скоро навсегда я сгину, Божий раб.

По телу слабость разлилась,

недужен я и слаб.

Теперь я стар, но вот опять тоскою обуян –

В изгнание, в ссылке нахожусь среди

односельчан.

Аллах! Прошу сегодня я всего лишь об

одном:

Терпения народу дай, чтоб вновь обрел

свой дом.

Когда иссякнет та вода, что суждено испить,
 Я потеряю голос свой – порвется с миром нить.
 Почувяв смерть мою, мой пес завоюет, заскулит –
 И деревянного коня народ мне снарядит.

Я знаю: скоро я уйду навеки в мир иной,
 Пока же я еще живой, услышьте голос мой:
 Не озлобляйтесь на страну, страна здесь
 ни при чем,
 Что на чужбине, вдалеке от родины живем!

Ведь лишь на скачках узнаешь, чего твой
 стоит конь.
 Кого, скажите мне, не жгло страданье,
 как огонь?
 Крепитесь, чтобы жизнь прожить, держась
 на высоте,
 Трудитесь, не жалея сил, чтоб не плестись
 в хвосте.

Вы много бед перенесли на горестном веку,
 Вы знали униженья боль и голода тоску,
 Вы пропадали среди льдов и проливали
 кровь,
 Но, все на свете одолев, всегда вставали
 вновь.

Пусть в очагах родных огонь уже бессчетно гас,
 Пусть бури и лавины с гор домов лишали вас,
 Народ всегда народом был, пребудет он живым.
 Внемлите же теперь тому, что говорит Кязим:

Изгнанья бремя тяжело, теперь оно опять
 На наши плечи возлегло, чтоб вновь нас
испытать.

Коль сможем вынести его, то честь нам и хвала,
 А если нет – то лишь позор, бесчестье и хула!

В единстве – сила, только с ним мы обретем
свой дом.

Народ мой, я прошу тебя не забывать о том.
 Нам стойкими пристало быть – прошу тебя,
пойми.

Что и в несчастье надо быть достойными
людьми!

1944

Перевел Г. Яропольский

ВЫДЕРЖАТЬ!

Все рушится. Все падает во тьму
Под черным ураганом выселенья.
О дай, Аллах, народу моему
В годину эту страшную терпенья.

Я много пожил, много повидал.
Клеймил насилье, славил свет свободы,
А он померк. И черный день настал,
И огласил предгорья стон народный.

Я пожил, я немало видел бед,
Но что они в сравненьи с той, что ныне?
Изгнанник я. И вот под старость лет
С родным народом маюсь на чужбине.

Уже тускнеет свет в моих глазах,
Но через все страданья и сомненья
Лишь об одном молю тебя, Аллах:
Народу моему пошли терпенья.

Слух пропадет и голос у меня,
Завоет пес мой, чувствуя тревогу,

И люди деревянного коня
Мне снарядят в последнюю дорогу.

Но жив пока, пока могу дышать
Под тяжким гнетом горестных событий,
Я не устану братьям повторять:
– Вы ненависти в сердце не копите!

На скачках проверяют скакуна,
Пройдем же сквозь хулу и сквозь проклятья.
От горя, как от скверного вина,
Не обезумьте – к вам взываю, братья!

Народ наш не был баловнем судьбы,
И голод донимал нас и набег.
Но не свернули с праведной тропы,
И, дай Аллах, нам не свернуть вовеки.

И головы летели наши в прах,
Когда мы с неприятелем сшибались,
И пламя гасло в наших очагах,
Но мы всегда народом оставались.

Знавали и нашествия чумы,
Знавали наводнения и лавины,

Но горской чести не роняли мы.
Свидетели – и горы, и долины.

Наш край родимый, как он далеко!
И хлеб изгнанья в нашем горле комом.
Да, выдержать такое нелегко.
Не выдержать – покрыть себя позором.

Возьми слова Кязима, брат, возьми
И выстой в жизни под безумным гнетом.
Пока нам хватит силы быть людьми,
Мы на земле останемся народом.

Я слову своему не изменял
И завещаю верность правде строгой.
На том стою, пока меня
Не понесут кладбищенской дорогой.

1944
Казахстан

Перевел И. Ляпин

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ МОЙ НАРОД

Вслушайтесь и правильно поймите
Вы слова печальные мои:
Ненависти в сердце не берите,
Гиблой избежите колеи.

Главный так решил. В чужие дали
Повелел переселить народ.
Разве виноватых здесь искали?..
Не было в веках таких невзгод!

Без одежды зимней и без пищи,
Стольких потеряв, бредем во мгле,
Ну, а там, на отчем пепелище,
Мертвые не преданы земле.

Губит нас корысти вражьей сила.
Суд неправый, и не жди добра,
И к земле невинных придавила
Наговоров темная гора.

Мы вошли в товарные вагоны,
Мы стальных путей узнали зло,
Но однажды выправят законы,
И терпенье наше не ушло.

Вижу: потускнели наши лица,
Мы слабеем, тучи все темней.
Если это бедствие продлится,
Разве светлых мы дождемся дней?

Стала жизнь, как рубище, дырява,
Сделалась безвкусною еда,
Беды – и налево и направо,
Нищие, уходим в никуда.

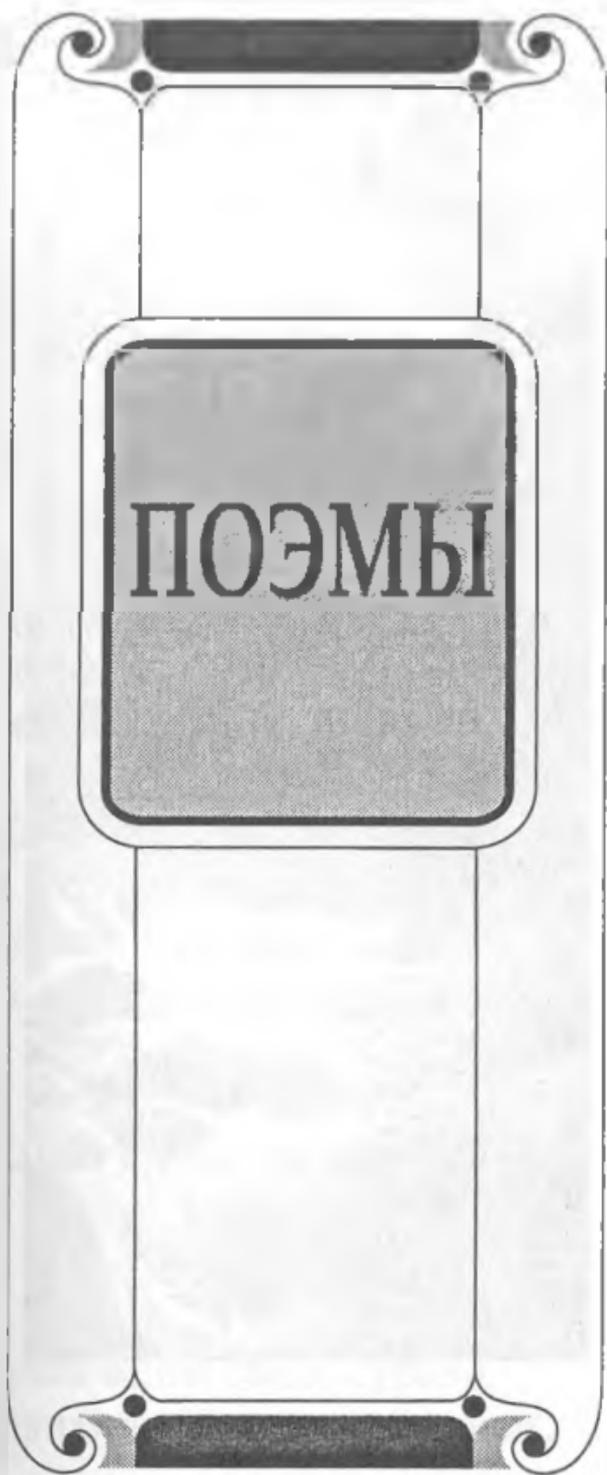
Силы сердца иссякают ныне,
Ни в руках нет мощи, ни в ногах.
Маются бездомные в пустыне,
Жизни радость превратилась в прах.

Враг на землю наступил родную,
Истребить решил нас и стереть.
Все равно старался он впустую –
В собственном огне ему гореть!

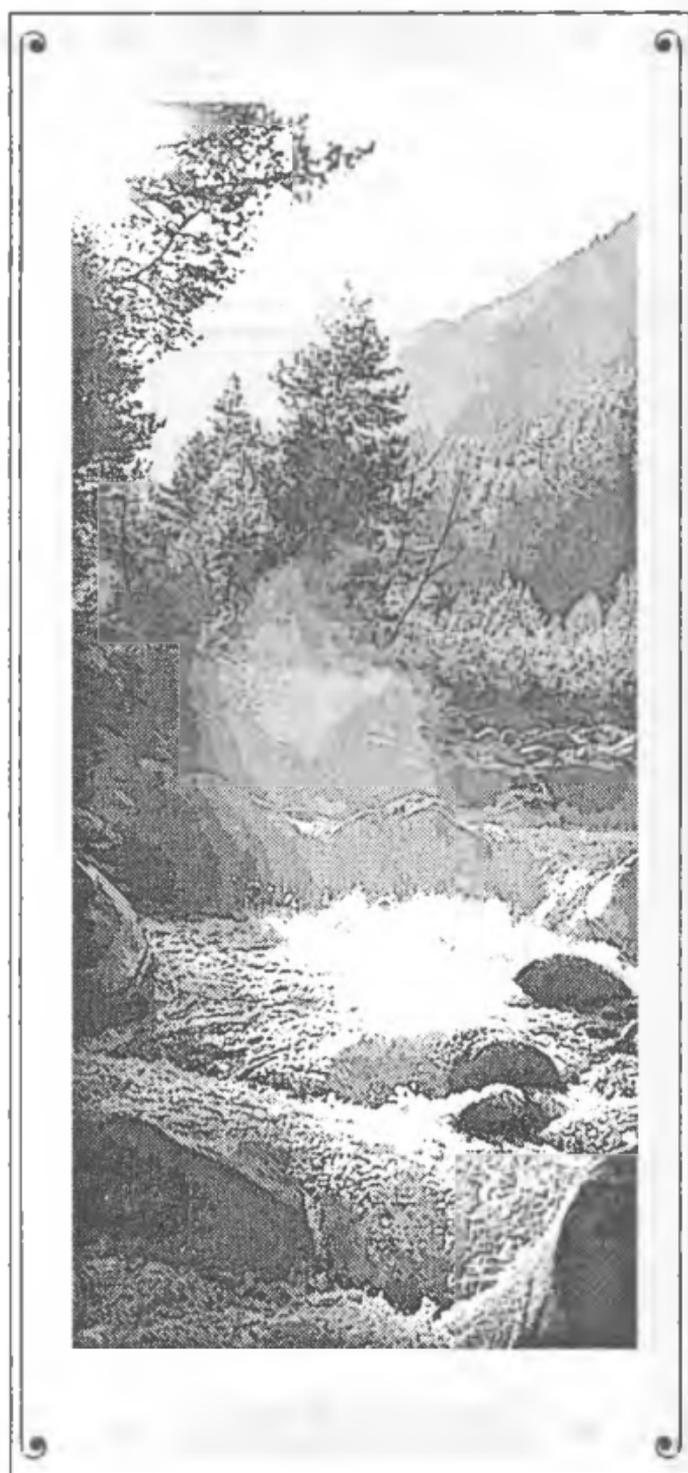
Честный труд – спаситель наш сегодня,
Он оденет и прокормит нас,
Силы даст держаться благородней
И достойней встретить горький час.

Свой народ прошу – с бедою споря
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут.

1944   *Перевел М. Синельников*
Казахстан

ПОЭМЫ

РАНЕННЫЙ ТУР

1

Мы знаем свирепые бури,
И зной мы терпели не раз.
Сегодня о раненом туре
Хочу я поведать рассказ.

Я все изложу вам события,
Тоскуя опять и опять;
Об этом не в силах забыть я,
Об этом не вправе молчать.

Жаль, нет у балкарцев печати,
А то б напечатал рассказ,
Но мир – на заре, на закате –
Сокрыт для невидящих глаз.

В горах у нас грамотных мало,
Живет в темноте наш народ,
И многих неволя сломала,
И голод вздохнуть не дает.

Завьюжены сакли сурово,
И вихри не молкнут в ночах,

Сейчас я начну свое слово, —
Лишь ветки подброшу в очаг.

У нас отнимают и поле,
И хлеба голодный запас,
Но сказки, но песни о воле
Никто не отнимет у нас!

Опасны они супостатам,
В них сила народа жива.
Нет, мы не уступим проклятым
Рожденные в сердце слова!

Я так же, как тур, окровавлен,
Но раненый тур убежал,
А я не бегу, хоть направлен
Всегда в мое сердце кинжал.

Откладывать повесть не будем:
В золу превратишься, гляди,
Когда ты не выскажешь людям
Все те, что пылает в груди.

О раненый тур, мы похожи,
Я ранен, как ты, я горю,
Я тоже страдаю, и тоже
Я кровью своей говорю!

Красивый, большой, круторогий,
Стремительно тур поскакал
По узкой и трудной дороге
К воде, что текла между скал.

Заснуло усталое стадо,
А тур, опершись на утес,
От волчьего хрипа и взгляда
Всю ночь охранял диких коз.

Охотников знал он обычай,
Он помнил, как щелкал курок,
Но пули не стал он добычей
И стадо свое уберег...

Заря за горой разгоралась,
А стадо, напившись воды,
По скалам неспешно взбиралось,
Не зная, не чуя беды,

Таилась напротив засада.
Вот выстрел гремит из-за скал.
И вверх устремляется стадо.
А тур? Он в крови, он упал!

Не в силах подняться по кручам,
В лощину он бросился вниз
И, жгучею раною мучим,
В ущелье над бездной повис.

Охотник, в звезду свою веря,
В горах обошел все пути,
Но пулей пробитого зверя
Нигде не сумел он найти.

А тур, изнывая от боли,
В ущелье, где травка добра.
Мечтая о жизни и воле,
Всю ночь пролежал до утра.

Тяжелая рана горела,
И странно ломило в костях,
А кровь его жарко чернела
На горных цветах и листьях.

Казалось, теперь он спокоен
И хватит терпенья и сил.
Он тяжкую рану, как воин,
С достоинством переносил.

Подняться несчастному надо,
Но падает, падает кровь.

Совсем обессилел, но стадо
Увидеть надеется вновь.

Пылает кровавая рана,
Дышать на земле тяжело,
И вверх он глядит непрестанно,
Куда его стадо ушло.

3

Но где тот охотник, который
Плутал по тропинкам глухим?
Сегодня отправился в горы
Сосед и земляк наш Хашим.

В нужде прозябая великой,
Охотой кормил он семью,
Скитался в горах горемыкой
В безлюдном, лесистом краю.

Возникла скала снеговая.
Увидел он перед собой
Усталого тура: хромая,
Бежал он отвесной тропой.

О ране своей забывая,
Взбирался он вверх по скале, —

Влекла его воля живая,
Что людям нужна на земле!

За раненым гнался убийца,
Чтоб тут же расправиться с ним,
Чтоб крови горячей напиться, —
И волка заметил Хашим.

Охотник ружье свое вскинул,
И выстрел раздался, и волк
Траву, задыхаясь, раздвинул,
Упал и навеки умолк.

Почудилось туру, что снова
Грозит ему пуля врага.
Предчувствия полон дурного,
Взглянул он, откинул рога

Но были напрасны тревоги,
Охотник исполнил свой долг:
О тур, ты спасен, круторогий,
Дождался гибели волк!

Охотник стремился ко благу:
У бедных свобода в чести.
Бедняк, пожалел он беднягу
И туру позволил уйти.

За раненым из-за обрыва
Следил неотступно Хашим,
А тур побежал торопливо
И скрылся за склоном крутым.

В горах заживет его рана,
И вновь, озирая луга,
Для стада он станет охраной,
Степенно откинет рога.

Ты пули не бойся каленой,
О тур круторогий, живи,
В свободу и горы влюбленный,
Во имя бессмертной любви!

Животному волю даруя,
Подумал охотник Хашим:
«Сегодня стрелять не смогу я», —
И вниз возвратился пустым.

Детишки встречают на тропке:
«Отец, турье мясо принес?»
Но только мучнистой похлебки
Поесть им в тот вечер пришлось.

О раненом туре хозяйке
Охотник поведал рассказ,
Поведал жене без утайки
О том, что несчастного спас.

«Спасибо за доброе дело, –
Сказала Хашиму жена, –
Я б тоже его пожалела
Как славно, что жизнь спасена!

А мы кое-как перебьемся,
За нас не тревожься, Хашим,
Без мяса теперь обойдемся,
Похлебки своей поедим».

5

Вершины закат окровавил,
Вступает в селенье закат.
К охотнику в саклю отправил
Работника князь Джамбулат.

Свирепого князя работник
И вечер – явились вдвоем:
«Мой князь тебя кличет, охотник,
Давай-ка со мною пойдём!»

Тот голос, угрюмый и резкий,
Страшнее лесных голосов.
Хашим в своей рваной черкеске
Выходит на княжеский зов.

«Мир дому сему и отрада!» –
Воскликнул, ступив на порог,
И понял он с первого взгляда:
Владелец разгневан и строг.

«Ты был на охоте? Что ныне
Принес мне?» – спросил его князь.
О том, что случилось в лошине,
Хашим рассказал не таясь.

Князь вспыхнул: «Как баба, как дура,
Ты действовал, жалкий глупец!
Мужчина жалеет ли тура?
Растаял, как тает свинец!

Забыл ли ты с этого часа,
Что туры нужны мне рога,
Что турье мне надобно мясо,
Что ты мой покорный слуга?»

«Да, я твой слуга безответный,
Никак не уйду от нужды.

Сам знаешь, что я многодетный,
И дети легли без еды».

К чему мне, дурак, твои дети?
И знать мы о них не хотим!»
«Иль жить мы не вправе на свете?» –
Чуть слышно промолвил Хашим.

Насильник с душонкою мелкой,
Князь крикнул: «Молчи, грязный пес!»
И палкой с железной наделкой
Хашиму удар он нанес.

Хашим пошатнулся у двери,
Упал и поднялся с трудом.
На князя, как ловчий на зверя,
Он бросился сильным рывком.

Его задушил бы, пылая
Всей кровью, – но множество слуг,
Как волчья жестокая стая,
На ловчего кинулись вдруг.

Бесправного горца избили
И вытолкали за порог.
Так люди бы не поступили
С собакой... Запомним урок!

Да, крепко Хашиму досталось, —
И сердце, и тело болит.
Рука от побоев сломалась,
А сердце — от горьких обид.

6

Хашим, словно тур круторогий,
Ты встретился с волком сейчас,
Но ты не увидел подмоги,
Никто горемыку не спас.

Никто не решил, что обязан,
Как ты, честно выполнить долг,
И, пульей ничьей не наказан,
Не пал окровавленный волк.

От князя пришел ты калекой
В свой бедный, безрадостный дом.
Та рана, что ноет от века,
Заныла и в сердце твоём.

Бесправие невыносимо,
Противен мучительный гнет.
И сердце болит у Кязима,
И гнев ему спать не дает!

Я вижу твой жребий высокий,
Хашим, твоя рана горит.
Когда я пишу эти строки,
От боли я плачу навзрыд.

С тобой угнетаемый вместе,
С тобою страдаю вдвоем.
Но верю я: грянет возмездье
В селенье моем и твоём!

Как туры, мы ранены оба.
Скажи мне, о бедный мой брат,
Исчезнут ли горе и злоба,
Тяжелые, как снегопад!

Молю я: пусть бог уничтожит
Того, кто ударил тебя,
Пусть бог его беды умножит,
Насилье и гнет истребя.

Пусть бог его казнию накажет,
Как ныне судьбой ты казим,
Проклятье извечное скажет,
Как я, твой земляк, твой Кязим!

Дуреют князья от гордыни
И на небо смотрят, мочась,

И легче живется скотине,
Чем бедному люду сейчас.

Кто нищему горскому краю
Даст волю? Как выход найти?
Я горькие песни слагаю,
Иного не зная пути.

7

Не хлеб ты вкушаешь, а горе,
Мой раненый тур, мой народ,
Но где же средь наших нагорий
Охотник, что жертву спасет?

Ты бедствий изведал так много,
Как много в ущельях камней.
Скажи мне, чья горше дорога,
Скажи мне, чья доля трудней?

Все сыплются беды... Не так ли,
За веком мучительный век,
По трубам, полуночью, в сакли
К нам сыплется с копотью снег?

Пройдя над немой крутизною,
Заходят в аул облака, —

Не так ли холодной весною
Заходит к нам в сакли тоска?

Что делать мне, если поныне
Душа у народа болит?
Хоть в реку бросайся в теснине,
Когда она в ливень бурлит!

Что делать? Как тур, из двустволки
Ты ранен, мой бедный народ,
За раненым гонятся волки,
Но кто к нам на помощь придет?

Кто в нищих горах уничтожит
Свирепую стаю волков?
Кто нищим аулам поможет,
Кто горцев спасет от оков?

Ты ранен,— но где же лекарство?
Для хищников есть ли свинец?
Кто вырвет язык у коварства,
Кто ложь разгромит наконец?

Кязим, как и ты, окровавлен,
Мой раненый горский народ,

И, горем, как ядом, отравлен,
Он горькие песни поет!

8

О раненом туре пространный
Рассказ я поведал сейчас,
Но ваши кровавые раны
Излечит ли этот рассказ?

Но если, назло лихолетьям,
Из уст перейдет он в уста,
И станет известен он детям,
В чьих саклях живет нищета, —

Быть может, он горцу поможет
Найти в себе силу борца,
И камнем воткнется, быть может,
В пустые и злые сердца.

Насильники тронуть робеют
Поэта, опасного им,
Избить меня палкой не смеют,
Как били тебя, мой Хашим.

Хотелось бы им невозбранно
В темнице топтать меня в прах,

Зарезать меня, как барана, —
Но знают Кязима в горах.

Не то я лишился бы сакли
И гибель обрел бы давно,
И воды б в ущелье иссякли,
Которые пить мне дано.

«Посла не казнят», — есть присловье.
Народ меня сделал послом,
Что нищее наше сословье
Своим защищал я стихом.

Не смеют князя меня трогать:
Из Мекки пришел я с чалмой!
Но вражеский чувствую коготь,
Мне смертью грозят и тюрьмой.

Пес ласт, а ветер уносит.
Я сросся с вершинами скал.
Парод меня в горе не бросит:
Я болью народной стал.

Насытить бы словом, как хлебом,
Народ моей бедной земли!
О воле молюсь перед небом,
Чтоб жить на земле мы могли!

1907

Перевел С. Липкин

БУЗЖИГИТ

1

Всю землю озаряя,
Сверкая вновь и вновь,
Подобно птице рая,
Слетает к нам любовь.

Но этой птицы крылья,
Лишившись вышины,
Не раз в огне насилья
Бывали сожжены.

Печалились нередко
Поэты с давних лет:
«Любовь цветет, как ветка,
Но вянет юный цвет».

Меджнун блуждал в пустыне,
Любовью одержим, –
Печаль его поныне
Близка сердцам людским.

Она живет в народе,
Как вихря буйный взлет,

Как ветер в дымоходе,
И плачет и поет.

Кязим в тиши нагорий
Скорбел в глухой дали,
Когда прочел о горе
Меджнуна и Лейли.

Их жаркое влечение
Прославлено людьми.
В них – Навои свеченье,
В них – пламя Низами.

В них – Физули крылатый,
Что отнял мой покой:
Как над могилой брата,
Я плакал над строкой.

Поэты! Всем влюбленным,
Постигнув боль земли,
Вы словом раскаленным
Отраду принесли.

А на земле поныне
Царят и страх и гнет,
И до сих пор в кручине
Меджнун в степях бредет.

И гибнет птица рая,
 Опалена огнем,
 И вянет, умирая,
 Любовь в саду земном.

Фархад крушит громаду
 Утесов и теснин,
 И плакать по Фархаду
 Не устает Ширин...

Вовеки не забудем
 Вступивших с гнетом в спор:
 Они, как звезды, людям
 Сияют до сих пор.

Не стало б света в мире
 Без их любви живой:
 На всей подлунной шири —
 Один лишь волчий вой!

Чтоб исцелить больного,—
 А болен весь Восток, —
 О Бузжигите слово
 Начну я в нужный срок.

Того, кто сломлен гнетом,
 Кто умер молодым,

Мы окружим почетом,
Мы повестью почтим.

Для вас душа открыта,
Вы мне родней всего.
Оплачем Бузжигита,
Как брата своего.

2

Жил некий старый зодчий,
И говорит молва:
Трудилась дин и ночи
Седая голова.

Он жил, свои созданья –
Свои дома – любя,
Как будто эти зданья
Он строил для себя.

Единственного сына
Растил он, знаменит,
Работою старинной
Увлекся Бузжигит:

Науке зодчих с детства
Отец учил его.

Твердил: «Тебе в наследство
Оставляю мастерство.

Пойми: оно – безмерно,
Мудрей и старше нас.
Без мастерства б, наверно,
Весь род людской угас.

Рать мастеров несметна,
В них – свет и мощь добра.
Да, мастерство бессмертно,
Хоть смертны мастера.

Мы для труда родились,
Мы, люди мастерства, –
Чтоб камни превратились
В поющие слова!

Из камня песнь слагаем,
Из древа создаем.
Построив, умираем,
Но остается дом.

И должен ты усвоить,
Что я любил живых,
Что, кроме блага – строить,
Не знал я благ других,

Что в мире, где так много
Обманов и невзгод,
Была моя дорога
Прямой из года в год,

Что там, где ропот вдовий
И плач сирот слышны,
Ничьей не пролил крови,
Не жаждал я войны.

К моим рукам пристала
Известка, а не кровь,
Я строил, — мне блистала,
Меня вела любовь.

Не притеснял я нищих,
Не обижал детей:
Хотел я, чтоб в жилищах
Дышалось им вольней.

Я слит с землей родною,
Я с каждым камнем слит.
Пусть камень надо мною
Надгробием стоит.

Земля мой прах остудит,
Но среди людей, в тепле,

Мой труд, мой дар пребудет
На милой мне земле.

Я шел дорогой длинной,
Для светлой цели жил,
И с деревом, и с глиной,
И с камнем я дружил.

Спокойно мир покину,
Когда к таким трудам
Единственному сыну
Любовь я передам.

Прославлен тот, кто строит,
Но помни, дорогой,
Что славы блеск не стоит
Одной слезы людской.

Ребенка защищая,
Мы счастье утвердим.
Что слава мировая
Пред этим счастьем? – Дым!

Увы, богатство тленно,
И слава, и почет.
Лишь доброта бесценна.
Лишь правда не умрет.

В жестоком мире этом
Для правды, сын, живи.
Твой труд да станет светом,
Источником любви.

Пройди с неправдой в споре,
Свой честный, долгий путь,
И в радости и в горе
Ты человеком будь!»

3

По делу в край далекий
Поехал Бузжигит.
На улице широкой
Сын зодчего стоит.

Красавица, сверкая,
Проходит перед ним, —
Красавица такая,
Что свет мы с ней сравним!

Она земли касалась,
Как нежная весна,
И юношу, казалось,
Заметила она.

И девушка и свита
Вошли в богатый дом,
Оставив Бузжигита,
Объятого огнем.

Ее глаза блеснули,
Как две звезды в листве.
Была в ней стать косули,
Бегущей по траве.

Земля пред ней робела,
Смущаясь все сильнее,
И тополя несмело
Склонились перед ней.

Она вгоняла в краску
Людей, как жар костра,
Все превращала в сказку,
Как юности пора.

Казалось, свет нетленный
Она дарит земле,
А без нее Вселенной
Пришлось бы жить во мгле,

На светлые поляны
Сползли бы ледники,

Подули б ураганы,
Засохли б родники.

Не стряпалась бы пища,
Погасли б очаги,
И мирные жилища
Разрушили б враги!

Так думал в то мгновенье,
Пылая, Бужжигит.
Душа его в смятенье
Ликует и дрожит.

На дом глядит в тревоге.
Уйти б, уйти б назад!
Но подчиниться ноги
Безумцу не хотят.

Как встречи с ней добиться?
Кто, кто она? Чья дочь?
Беда – в нее влюбиться,
Но как беде помочь?

Вкруг дома он кружился,
Вздыхая и горя.
Покоя он лишился,
С собою говоря:

«Я обезумел разом.
Как вырвусь из огня?
Любовь, верни мне разум,
Спаси, спаси меня!

Я не увижу неба
Отныне без нее.
Забуду запах хлеба
Отныне без нее.

Что мне трава под зорькой
Отныне без нее?
Вода мне станет горькой
Отныне без нее!»

Так до глубокой ночи
Бродил он взад-вперед.
Поклялся юный зодчий,
Что девушку найдет!

4

Ушел он, смуты полон.
Кругом – ночная мгла.
К старухе в дом вошел он,
Что рядом с ним жила.

Соседке он открылся,
Как матери родной,
Что в девушку влюбился,
Что потерял покой.

С т а р у х а

Я поняла, не глянув:
Дочь хана – страсть твоя.
К ней сватаются ханов,
Султанов сыновья.

Ее назвать мы вправе
Отрадой наших дней.
Нет девушки в державе
Красивей и умней.

Б у з ж и г и т

То, что она прекрасна,
Я сразу понял сам:
Поверил не напрасно
Я собственным глазам!

Мне на земле веселья
Не будет без нее,

Вся жизнь – как подземелье
Мне будет без нее!

С т а р у х а

И ты, сынок, приходишь,
Чтоб радовать людей,
Жилье, где день проводишь,
Становится светлей.

Она тебе желанна,
Друг другу вы под стать,
Но разве дочке хана
Ты можешь мужем стать?

Б у з ж и г и т

Мне чаянья такие
Открылись в краткий миг,
Что я забыл впервые
Про ханов и владык.

Как будто в мрак темницы
Низринут с давних лет,
Я в первый раз денницы
Увидел добрый свет.

Куда я взор ни кину, —
Я зорче стал теперь.
О мать моя, как сыну
Мне помогай и верь!

Старуха

Но ханы к просьбам глухи,
И знаю наперед,
Что речь простой старухи
До хана не дойдет.

Бузжигит

Просить тебя не стану
С ним попусту болтать:
Известно мне, что хану
Сын зодчего — не зять.

Но к дочери владыки,
Прошу тебя, приди,
Поведай про великий
Огонь в моей груди.

Старуха

Пойду! Пусть разразится
Беда у ханских врат,

Пусть мне грозит темница,
И пусть меня казнят, –

Тебе хочу я с честью
Помочь как жениху.
Пойду – и чудной вестью
Утешу Зулейху.

5

Старуха с тонкой речью
Проникла во дворец,
Устроив тайно встречу
Двух любящих сердец.

Душа душе открыта,
И льются, как стихи,
Признанья Бужжигита
И юной Зулейхи.

Свиданья – все любовней,
Но ясен ей конец:
Не даст на брак с неровней
Согласья хан-отец.

Они решили оба
Бежать из той страны,

Везде, везде до гроба
Любви своей верны.

Но полон мир коварства.
Доносят хану: прочь
С любовником из царства
Бежать решила дочь.

Хан вызвал дочь и гневно
Грозил ей допоздна,
Но понял, что царевна
Решимости полна.

Да, понял хан жестокий:
Сильнее эта страсть,
Чем ласки, и попреки,
И мстительная власть.

Х а н

Смирись! Конец обидам!
Не мучь обоих нас!
Я за Зейтуна выдам
Тебя в счастливый час.

Блестящие наряды,
Нет счета жемчугам!

Служанки будут рады
Упасть к твоим ногам!

Богата несказанно,
Поймешь, что мир хорош,
С Зейтуном, сыном хана,
Ты счастье обретешь.

И что ни день – все новый
Верблюдов караван
С алмазами, с обновой,
С парчой из дальних стран.

Д о ч ь

Я клятвы не нарушу.
Не мучь меня, отец.
Оставь, оставь мне душу:
Мне дал ее творец!

К чему мне роскошь юга,
Парча и бирюза?
К чему вдали от друга
Мне зрячие глаза?

С алмазами верблюды
Пусть радуют других,–

Пусть их прельщают груды
Товаров дорогих.

Мне Бузжигит дороже
Всех царских сыновей,
Чем всей земли вельможи,
Мне взор его милей!

Х а н

Дитя! В державе целой
Ты мне – как солнце дня.
Я очень стар. Не делай
Посмешищем меня.

Д о ч ь

Над сердцем я не властна,
Прости меня, прости!
Любовь моя злосчастлива,
Нельзя меня спасти.

Х а н

Последнее ли слово
Сказала не шутя?

Что сделал я плохого
Тебе, мое дитя?

Д о ч ь

Ты дал мне жизнь, веселье,
Я без забот росла.
Ни разу мне доселе
Не причинил ты зла.

Прости, даруй мне милость!
Люблю тебя, отец,
Но твердо я решилась
Покинуть твой дворец.

6

Хан понял: страсть такая
Одержит верх в борьбе
Остался он, вздыхая,
А дочь пошла к себе.

Подумал хан-убийца:
Опасен Бузжигит.
Здесь кровь должна пролиться, —
Да будет он убит.

Содеяли насилье
Подвластные ему:
Строителя схватили
И бросили в тюрьму.

Его во мраке ночи
Убили палачи...
Не ведал старый зодчий,
Что сын убит в ночи,

Что сердце Бузжигита –
Падучая звезда,
И вот в земле сокрыто
То сердце навсегда!

Погибли эти руки,
И мастерство, и дар,
И зрелый свет науки,
И сердца первый жар.

Как проклинали б камни,
Имея голоса,
Как плакали бы камни,
Будь у камней глаза!

Земля, твоих рыданий
Что может быть страшней?

Он столько светлых зданий
Возвел бы из камней!

Когда бы солнце знало,
Насколько гнет жесток,
Надел бы покрывало
Печальное Восток.

Холодным льдом покрыты,
Замолкли б родники,
Известьем злым убиты,
Увяли б цветники.

Узнав об этом горе,
Засохли б деревья
И почернела б вскоре
Зеленая трава.

Увы, закрылись веки,
Померкли звезды глаз,
Для Зулейхи навеки
Их гордый свет погас.

Возлюбленный не дышит,
Она еще жива,
Но больше не услышит
Зовущие слова.

Пусть близко и далече
Восславит мой рассказ
Его дела, и речи,
И звезды чистых глаз.

Балкарский стихотворец,
Кязим стихи творит, –
Да знает каждый горец,
Как умер Бузжигит.

Кто полюбил свободу,
Кто светел был душой,
Тот каждому народу –
Родной, а не чужой!

Стиху всем сердцем верьте:
Людей, чья жизнь прошла,
Стих сохранит от смерти
Заветы и дела.

7

Решив, что, Бузжигита
Убив, он дочку спас,
Что прошлое забыто, –
Хан повелел тотчас:

«Устроить пир должны мы,
 В веселье – нет греха!»
 О том, что мертв любимый,
 Не знает Зулейха.

На пир она явилась,
 Печальна и смутна.
 Что солнце дня затмилось,
 Не ведает она.

Спросила дочка хана:
 «К добру иль не к добру
 Вы собрались неожиданно
 Сегодня на пиру?»

З у л е й х а

Что, если устремится
 На ваше торжество
 И звать начнет орлица
 Орленка своего, –

Скажите: к ней, несчастной,
 Орленок прилетит?
 Он с вами ли, – прекрасный
 Орленок Бузжигит?

Один из толпы

Несчастливая орлица,
Рыдай, рыдай навзрыд:
Среди нас не веселится
Орленок Бузжигит!

З у л е й х а

Овце нужна защита:
Придет к вам поутру, —
Ягненка Бузжигита
Найдет ли на пиру?

Один из толпы

О, не зови, родная!
К тебе не прибежит,
Овечка дорогая,
Ягненок Бузжигит!

З у л е й х а

Ответьте, мусульмане:
Но где же верный друг?
Глаза мои в тумане,
Смертелен мой недуг!

Один из толпы

Был схвачен твой любимый
И умерщвлен в тюрьме.
Погас, неукротимый,
Как молния во тьме.

...Не пряча в сердце рану, —
Стал черен день, как ночь, —
К отцу, к убийце-хану,
В слезах явилась дочь.

Х а н

Все на пиру расселись,
А ты? Ты слезы льешь!
Свою девичью прелесть
Слезами ты убьешь!

Д о ч ь

Тебе не дочь отныне,
Я от тебя уйду.
Смотри, земля в унынье,
Весь мир познал беду!

Палач, убийца злобный,
Ты враг мне с этих пор.
Отец, тебе подобный,
Для девушки – позор.

Х а н

Дитя, не плачь от боли!
Кто смерти избежит?
Ведь сам, по божьей воле,
Скончался Бузжигит.

Д о ч ь

Нет, дочерью, презренный,
Меня ты не зови!
Твой двор, твой сад и стены –
В крови, в крови, в крови!

Твой дом – приют могильный,
Где мертвые сердца.
Нет у меня, бессильной,
Ни дома, ни отца!

Х а н

Две тысячи отменных
Я дам тебе коней,

Сто тысяч драгоценных
Пришлю тебе камней.

Я с золотом верблюдов
Сгоню к тебе во двор,
И блеском изумрудов
Ты свой утетиши взор!

Д о ч ь

К чему, к чему мне камни
И золото казны?
Одежда не нужна мне
И кони не нужны!

Мой светлый мир убили,
Убили солнце дня:
Оно лежит в могиле,
К себе зовет меня!

Х а н

Даруй мне, дочь, прощенье!
Скончался Бузжигит,
А мертвых возвращенье
Живой не сотворит.

Живой скорбит о многом,
А мертвый – мертв навек
Могу ли спорить с богом
Я, слабый человек?

Гробницу я построю
И Бузжигита прах
В гробнице успокою
У времени в руках.

8

И вот, как знатный воин,
Сын зодчего лежит.
Навеки успокоен
В гробнице Бузжигит.

Но с Бузжигитом рядом
Отцом погребена
И дочери отрада,
Надежда и весна.

Не слышали в столице,
Что плачет Зулейха,
Что заперлась в гробнице
У гроба жениха.

Здесь, здесь – любимой место:
 Любовь зовет сюда!
 С возлюбленным невеста
 Осталась навсегда.

Жестокость разучила
 Влюбленных молодых,
 Но спрятала могила
 Их, мертвых, от живых.

Никто с тех нор поныне
 Не смог открыть врата, –
 Прочней, чем все твердыни,
 Гробница заперта...

Познав судьбы суровость,
 Но, подвижны добром,
 Мы тоже нашу повесть
 На все замки запрем.

Влюбленные! Рыдая,
 Склоняется рассказ:
 Поэзия седая
 Оплакивает вас.

Пускай узнают горцы,
 Как, дни связав свои,

Погибли ратоборцы
Раздавленной любви.

Но, чтобы в человеке
Свет мысли не погас,
Огонь любви навеки
Горит для нас— и в нас.

О нем, живом, победном,
В любой своей строке
Кязим поет на бедном
Балкарском языке.

1910–1917   *Перевел С. Липкин*

ЖЕЛТЫЙ КОШ

Поэма

1

Иные склонность к дикости и злобе
Впитали с материнским молоком –
А может быть, они еще в утробе
Готовились к расправе с бедняком?

Они совсем лишили нас покоя,
Насилье – вот единственный их Бог.
Мы трудимся – они, по-волчьи воя,
Уносят все, как бешеный поток.

...Сегодня вновь волков свирепых стаю
Призвал к себе всесильный князь Чона:
Нацелились опять к чужому краю –
Чужим добром натешиться сполна.

Вот по загонам собрана скотина,
Вот туч покров на лунный диск упал...
Чона, а с ним и алчная дружина,
Достиг тропы на перевал Мужал.

Ржет конь его не как перед забегом –
Так только перед схваткой кони ржут.
Чона же говорит своим абрекам,
Указывая путь, что темен, крут:

– Эй, соколы Сванетии! Немало
Мы одолели трудных горных троп,
Вот только по ту сторону Мужала
Давно лихих коней не слышен топ.

У горцев память, видимо, увечна –
О нас забыли, ропот их утих.
Пока они вкушают сон беспечно,
Мы молнией обрушимся на них!.. –

На Безенги, себя не обнаружа,
Несется волчья стая во всю прыть,
Чтоб силою коварства и оружия
Себе шальную прибыль раздобыть.

2

Все знают, но напомнить не мешает,
Что жизнь в горах отменно тяжела.
Никто там в одиночку не свершает
Несметные насущные дела.

И глыбы сообца таскать сподручней,
И скот пасти, и тяготы нести,
Которые заоблачною кручей
Даруются нам в жизненном пути.

На Желтом коше многие опору
Себе находят, хоть и нелегка,
Как и везде – что под гору, что в гору, –
Здесь сумрачная участь бедняка.

Но не желали б лучшей себе доли
Десятка два семейных очагов –
И скот у них пасется на приволье,
И нет у них завистников-врагов.

Ведь все же добрым было то ущелье,
Чей склон крутой всходил на перевал –
Не знали горя здесь, и об ущербе
Здесь никогда никто не горевал.

Такое разнотравье здесь кружилось,
Вкусна была так зелень и сочна,
Что всем, кто содержал на склоне живность,
Была другая вовсе не нужна.

Из Безенги стада на Желтом коше
Держать привыкли летом с давних пор,

И из Шики отары гонят тоже
На благодатный луговой простор.

Ботташев Жашико, седлая мула,
Пасет на коше живность земляков –
Такие чабаны не смотрят снуло,
От взгляда их уйти – что от оков.

Гайда с Тахиром в глубь ущелья смотрят,
Чтоб недругов заметить наперед;
Чуть что – раздастся сразу гневный окрик,
Их бдительность лишь гибель отберет.

На Желтом коше время не напрасно
Идет – благословил Аллах Сары!^{*}
По мере сил сбивают горцы масло,
Готовят всевозможные сыры.

И часто вниз, ослов сполна навьючив,
В родные села юноши спешат
С дарами коша, лучшими из лучших, –
По многу раз челночный путь вершат.

Вкус калачей, на коше испеченных,
В себя вбирает солнечный простор,

---

* Сары – желтый (балк.).

А запах пенок – розовых, сушеных –
 Всегда в восторг приводит их сестер.

На коше никогда не забывают
 И редкостный готовить *мёрезе**,
 Когда ж в гостях здесь путники бывают,
 То нет тогда нехватки и в бузе.

... Часы так долго тянутся ночные,
 Когда взираешь пристально во тьму!
 Зуха поет тихонько, остальные
 Припевом вторят слаженно ему.

Одежда, что намокла, просыхает
 У очагов, где тлеют кизяки.
 Зуха меж тем и сказок много знает,
 А с ними – ни тревоги, ни тоски.

К чему потоки сетований, жалоб,
 Когда доволен тем, как ты идешь?
 Конечно, загадать не помешало б,
 Чтоб Желтый кош не выкосил падеж.

Да не покинут травы добрых склонов,
 Покуда в очаге горит огонь!

---

* Мёрезе – каша с сыром.

Коль псы стада доводят до загонов,
Да не схлестнемся с яростным врагом!

Развеются пусть замыслы злодеев,
Вовеки не коснутся голытьбы...
Зачем, скулеж бессмысленный затеяв,
Еще просить чего-то у судьбы?!

Всегда в трудах, в покое жить старались
Шики с долиной – в этом всякий схож.
В Усхуре и Тотуре собирались
Все те, кого сдружил единый кош.

3

Тахир той ночью старшим был в дозоре –
И в этом ему опыт помогал.
Однако же, себе и всем на горе,
Он князя-пса едва не проморгал.

Злодеи подошли совсем уж близко –
Дай знак тревоги! Кош оповести!
Что принесли с собою слуги риска?
Не смерть ли всем, кто встанет на пути?

Как волчья стая, крадучись и рыща,
На перевал разбойники взошли,

Со скал вершинных вглядываясь хищно
В пределы горцам служащей земли.

И тут Тахир сказал Молле чуть слышно:
– Ты слышишь шум? Винтовку заряди:
Пожалуй, что на мушку взять нелишне
Злодея, что крадется впереди! –

Молла окинул гребень взором быстрым:
Десятка два «гостей»... Ну, брат, стой!
Прицелился джигит, и грянул выстрел –
Упал злодей с пробитой головой.

Обрублена у древа яда ветка –
А скольких отравить она могла!
Хвала тебе, что так стреляешь метко,
Сын Исмаила, доблестный Молла!

Услышав выстрел, свора их, зверея,
Вперед метнулась, ярости полна.
Прицелился Молла – и вновь злодея
Сразил он с ходу, словно кабана!

А Шамсудин, стрельбу услышав тоже,
В село отправил тотчас паренька,
Чтоб всех там известил: у них на коше
Ярится враг, придя издалека.

А сам он поскакал туда, где схватка
Все жарче разгоралась; рвался в бой
Не за себя – за всех, кому несладко
Живется, изнуряемым судьбой.

В Гайду шальная пуля угодила,
От раны руку сразу же свело...
Хоть молод Шамсудин, но зрела сила,
Тем более – за ним его село.

Однако враг, настырность обнаружа,
Числом, конечно, их превосходил,
К тому ж почти и не было оружия
У пастухов, и бой неравным был.

Свистели вражьи пули – несть числа им –
И высекали искры из камней.
Вот Шамсудин схлестнулся с негодяем –
И пал, сраженный в голову, злодей.

(Откуда они только появились,
Мерзавцы, псы ночные, в душах – мгла?..)
Но храбрецам Аллах дарует милость –
Будь славен, сын Шаваевых, Молла!

Он, бросившись, свалил с коня абрека,
Скрутил его, коленом придавил –

На такое мужество от века
У тех, в ком дух горит, достанет сил!

*Всех мышц его так выпирала лепка,
Что хватку и борец бы не разжал...
Врагу он стиснул руки-ноги крепко,
Проворно и надежно их связал.*

Все жарче битва в сумрачной долине,
Но толку что всего от двух стволов?
И все ж джигитов не берет унынье,
Любой из них пойти на смерть готов.

Вот князь Чона вперед аллюром быстрым
Бросается на белом скакуне,
Но грянул из винтовки меткий выстрел,
Дорогу преградив ему вполне.

Он в сторону метнулся, зажимая
Рукою рану – упадет ли вновь?
Ведь рана в поясницу – непростая,
Отхаркивать заставить может кровь!

Увидев это, волки задрожали –
Да, оборот подобный нехорош...
Одни, однако ж, биться продолжали,
Другие же пустились на грабеж.

Зуху, что из Боттаевых, избили,
Над ним поиздевались, как могли, –
У них повадки эти в изобилье, –
Связали, а кобылу увели.

Коров, овец – добычу ночи злую –
Погнали спешно всадники к себе.
Пустынен кош, разграблен подчистую –
Еще один удар в лихой судьбе...

Разбойники забыли и о князе,
И о своем дружке, попавшем в плен, –
Свои спасти бы шкуры! Безобразье?
Но ведь чужая жизнь для них что тлен!

Молла, напрасно времени не тратя,
Свою винтовку перезарядив,
Воззвал ко всем: «Скорей в погоню, братья!» –
Двоих с Гайдой и пленным отрядив.

4

Хусей, что из Анаевых, подросток,
Хоть икры от усталости свело,
Хоть путь отнюдь не мягок был, а жёсток,
Поспешно злую весть принес в село.

Мужчины, как один, нахмутив брови,
 Коней мгновенно снарядили в путь.
 Все поняли: не обойтись без крови –
 Иначе угнанного не вернуть.

Тебо, что из Жабоевых, собрался –
 И Ахия, живущий в Безенги;
 Халим, Шамиль – любой из них старался
 Поспеть туда, где скрылись их враги;

Биберт, что из Холама, торопился –
 И Жарамук, с кем я в Шики мужал;
 И Махайа с Жашуком – всяк стремился
 Не дать злодеям скрыться в свой Мужал.

Все остальные помогали рьяно –
 Оружием снабдили, как могли,
 Напомнили при том, что очень странно,
 Коль псы такие топчут лик земли.

Князь горский, на коне гарцуя статном,
 К ним с речью обратился вот какой:
 «Коль не дадим отпора супостатам,
 То в села к нам не явится покой!

Пощады нет им – души их померкли!
 А то и света не было вовек...

Достойны, чтоб огонь спалил их церкви,
Те, кто коварный учинил набег!»

Бойцы, в пути не растерявши пыла,
Достигли вмиг подножия горы.
Решенье их и впрямь суровым было:
Прикончить всех, напавших на Сары!

На перевале где-нибудь засаду
Устроить и злодеев поджидать –
Расправиться, затем, подобно граду,
На села их обрушиться: воздать

За все сполна! Шами, что из Усхура,
Сказал: «Да что нам этот перевал!
Навалимся на земли их, как буря, –
Вернем им порожденный ими шквал!»

Горяч Шами, отчаян до предела,
И конь его во всем ему под стать:
Упрямы, ретивы, берет преграды смело;
Еще немного – смог бы и летать...

«Вполне, Шами, с тобою я согласен, –
Сказал Биберт. – Кто ж спрячется, как крот,
Кто будет безмятежен, безопасен,
Когда безвинный мучают народ?!

Но знайте: не народ их стал нам розным –
С бродягами, с абреками вражда,
Что собственные села гнева гроздьям
Подставили, не ведая стыда!»

Биберт был рассудителен, спокоен
И чем-то на наставника похож.
Оставив в седлах их, пастух и воин,
Коня направил он на Желтый кош.

5

Да выльется, расплавившись, в предгорье
То золото, что кроется в горе!
Вдове Чоны познать такое ж горе,
Какое испытать пришлось Сарé!

Да, ждут вдову Чоны теперь рыданья:
Сара недаром слезы пролила –
Ведь князя (что принес ей все страданья,
Убив Гайду) сразил джигит Молла.

Средь созданных когда-либо Всевышним
Прекрасных и высоких душ нигде
Души подобной, верно, мы не сыщем,
Что им была дарована Гайде...

Он золотом Саре своей был милой,
Ее он от Шаваевых взял в дом;
Боттаева Шако он главной силой
Был... В гибель его верится с трудом!

Всю жизнь отнюдь не в праздности проведенный,
Рук не щадивший так же, как и ног,
Сегодня наш Гайда на Желтом коше
Испил последний свой воды глоток.

Святой наш покровитель и опора
Всех пастухов, великий Шогайып,
Что нас в горах не бросит без призора,
Убережет от падающих глыб,

К Гайде явившись, завещал бедняцкой
Быть живности хранителем, и он,
Лишь совесть себе выбравший указкой,
С отарами излазал каждый склон.

Бывало, пробирался меж расселин –
Ведь он всегда без устали искал
Участки, где всего сочнее зелень,
При этом одолев немало скал.

Для «подопечных» ни воды, ни соли
Он не жалел, все знают, никогда,

И можно утверждать, что поневоле
Тучнели им ведомые стада.

Как много в жизни троп крутых прошел он –
И не за мзду трудился, не за страх...
Но враг, известно, подл и вероломен –
Несчастливого не спас и сам Аллах.

Одна из пуль ему попала в руку,
Другой он был и в сердце поражен.
Познать теперь Саре печаль и муку –
Не выставить беду из дома вон...

6

Тахир и Шамсудин, подъехав к кошу,
Разбойника на привязи вели
И тяжкую неимоверно ношу –
Погибшего Гайду они везли.

Следы беды пред ними простирались –
Все в прах здесь обратилось и в труху...
Они, конечно, сразу постарались
Освободить от крепких пут Зуху.

Совсем он ослабел уже, бедняга,
Все члены посинели, затекли –

Он не сумел не то что сделать шага,
Но даже оторваться от земли.

Тахир и Шамсудин присели рядом,
Вздыхая и кляня свою беду:
Обзаведемся утварью и стадом,
Но как вернуть нам доброго Гайду?!

Погоревав, беднягу уложили,
Как подобает. «Посох и седло
Хозяина лишились, – рассудили. –
Что ж, подождем – гонцов пришлет село...»

А князь Чона, разбойный путь избравший,
Гайды проливший праведную кровь
И солнце у Сары навек укравший, –
Он зря спастись пытался, прыгнув в ров!

Нет, грабить ему больше не придется –
Своей же кровью захлебнулся он.
Погиб от справедливой кары горца
Тот, кто сказал: «Беспечен горцев сон!»

Приволокли и князя, уложили
Поодаль от Гайды. Беда – одна,
Но до того по-разному прожили
Они свой век, что схожесть не видна.

Один трудился, устали не зная,
И никому не причинял вреда;
Другого же вела стезя иная –
Он зло творил, не ведая стыда.

Один, чтоб гор смягчилась стужа злая,
Кизяк в очаг свой бережливо клал;
Другой, кичливо саблю обнажая,
Насильников таких же возглавлял.

Один всегда по воле жил Аллаха,
О Судном дне вовек не забывал;
Другой был верен силам зла и страха,
Молитв же никаких не признавал.

Один, и лишний час на сон жалея,
Работал так, чтоб дом не голодал;
Другой, жить задарма мечту лелея,
Хотел, чтоб тот, кто трудится, страдал.

И вот Чона окончил век свой вздорный,
И пленнику дороги нет назад –
Он, как и князь, ступил на путь позорный,
Который всех приводит только в ад.

Три пастуха заспорили, гадая,
Не сразу ли его и порешить –

Разбойника, подонка, негодяя,
Лишившегося права дальше жить.

Гнев праведный сердца им так и гложет,
Их разум убеждая вновь и вновь,
Что горе по Гайде смягчит, быть может,
Злодеем черным пролитая кровь...

7

Биберт, от горя еле узнаваем,
Подъехал; понял он, что в душах их
Творится. «Пленных мы не убиваем», –
Напомнил. Голос был печален, тих.

Услышав слово старшего, смутились,
Пыл мщенья поумерив, пастухи;
А пленник к жерди был привязан, слясь
Понять, простят ли здесь его грехи.

Биберт окинул строгим, скорбным взглядом
Разбойника застывшие черты.
Юнец ведь! – а уже отравлен ядом
Насилья... только в казни правоты

Не будет, хоть понятен гнев, понятен...
К Тахиру он подъехал и, склонясь,

Сказал: «Я понимаю – неприятен
Вам даже его облик; но, озлясь,

Не стоило бы выносить решение.
Взгляни – он даже бороду не брил!
Прости, но у меня такое мненье,
Что я бы его взял да отпустил.

Закон: «Кровь смывает кровь!» – добро сминает.
Виновен он, конечно, спору нет,
Но только мать сейчас он вспоминает –
Простим ему по молодости лет!»

Тахир, нахмурясь, на Биберта глянул,
Потом проговорил, потупив взор:
«Биберт, но если враг на нас нагрянул,
То добрым быть – стыдобище, позор!

Как можешь говорить ты о прощенье,
Когда пришел он грабить, убивать?
Пускай забудет он о возвращенье,
Пускай навек свою забудет мать!

Не лучше ли последовать за ними,
Найти и отобрать свои стада,
А их – убить! Уйдут от нас живыми –
Как зваться нам мужчинами тогда?!»

И Шамсудин, словам Тахира вторя,
Сказал: «Я тоже думаю – нельзя
Прощать всем тем, кто псами зла и горя
Ворвался к нам, и грабя, и разя.

Те подлецы, что из-за перевала
Явились, все тропинки знают тут.
Коль действовать сейчас мы будем вяло,
Они уйдут, от мести ускользнут». –

«Аланы, уж поверьте, мне известно
Все то, о чем твердите вновь и вновь.
К врагам, конечно жалость неуместна,
Но я боюсь, что зря прольется кровь.

Юнец пред нами – все мы это знаем.
Порой наивны юные сердца
И могут, повстречавшись с негодяем,
Попастся в сети хитрого лжеца.

Отец и мать его за перевалом
От горя будут чахнуть, изнывать:
Ведь горе это будет небывалым,
Врагу не пожелал бы испытать!

К тому ж у нас подобные «джигиты»
Встречаются не реже, чем везде, –

И судьбы ими многие разбиты,
И многих привели они к беде...

Шакманов Даулет без наставленья
Нас не оставил – он сказал, чтоб мы
Спалили все их горные селенья,
Повергли в ужас души и умы.

Все верно: их злодейство, их коварство
В который раз узнали мы сполна,
Но все одним насилием коваться
Не может, потому что жизнь сложна.

Чона всю жизнь злодеем был позорным –
Аллах управу скорую нашел.
Всегда стремился князь к дорогам черным –
По черной же дороге и прошел.

Но не равнять же нам теперь всех сванов
С их князем злополучным! Их народ,
Как мы, бредет вслепую среди буранов,
Как мы, кряхтит под тяжестью невзгод...»

Задумался Тахир: как тут поспоришь?
Насчет невзгод Биберт, конечно, прав.
А пленник их и впрямь юнец всего лишь...
И он сказал, крутой смирив нрав:

«Да, это так. Коль смерть на смерть помножим,
 То никогда не кончится она.
 На поле боя смерть – одно, положим,
 Но пленников касаться не должна».

Биберт кивнул: «Его вы захватите,
 Пусть тропки вам укажет по пути.
 А там, на перевале, отпустите,
 Велев домой, к родителям идти.

Быть может, он тогда нам станет другом,
 А если вновь пойдет войной на нас,
 Тогда уже получит по заслугам –
 Пускай не ждет он в следующий раз

Пощады. Впрочем, смерть в бою почетна,
 Ее благословляет сам Аллах;
 Но вряд он против нас пойдет охотно –
 Когда не понимание, то страх

Его удержит... Ладно, вам – в дорогу,
 А кош пока оставьте на меня.
 Дождусь, пока пришлют сюда подмогу,
 Доставят *деревянного коня*... »

---

* Устойчивая метафора, обозначающая носилки для похорон.

Встав в скорбный круг, молитву сотворили
 Они по убиенному; потом
 Три пастуха в погоню поспешили,
 Взяв пленника своим проводником.

В тот день, однако, им на перевале
 Не удалось настичь своих врагов:
 Чуть опоздали – и не отобрали
 Они отар балкарцев-бедняков.

Лишь за полночь, уставшие безумно,
 Все к кошу воротились наконец
 И стали возмущаться – горько, шумно, –
 Что не настиг абреков их свинец...

8

Народ угрюмо, хмуро собирался
 На площади селения Мужал –
 Он грозовою тучею казался;
 Восторга здесь никто не выражал,

У берега остатки видя стада
 Украденного – крут был перевал,
 И, словно цвет весны во время града,
 Скот по дороге таял, убывал.

Не видят люди, всюду озираясь,
Чоны на статном белом скакуне;
Стоят, не замечать их глаз стараясь –
Глаз тех, кто крал добро на стороне.

Абреки же, горды собой, столпились
Вокруг скота, что вскормлен был не тут;
Добиться одобренья схода силясь,
Они похвал, приветствий жадно ждут –

От землешцев, от каменотесов,
От пастухов, что так же скот пасут,
Как те, что за грядою скал, утесов
Украденный оплакивают труд...

В молчании стоят односельчане
И родичи разбойников лихих,
И лишь в Бесо, могучем великане,
Огонь, с утра пылая, не затих –

Он в ярости... Является священник
Мужала – золотая цепь его
Слепит глаза; бородка, словно веник,
Топорщится, а в глазках – торжество.

Он ударяет посохом о землю
С хозяйским видом. Ясно по всему,

Что к вере он относится, как к зелью,
Которое способно дать ему

Сельчан всех подчинить своей лишь воле,
Надеясь, что на каждый его чих
Наздравствуются... Нынче он доволен
Деяньями разбойников своих.

«То было не насилье – справедливость! –
Кричит он. – Захребетных лютых псов
Сознание до того уже растлилось,
Что крест топтать любой из них готов!

Не мы ли подвергались их набегам –
Безбожников, живущих за горой?!
Давно пора отпор дать их абрекам,
Младенцев похищающим порой!

А Журтубая разве вы забыли,
Разграбившего наш священный храм?!
Он крест золотой, что мы века хранили,
Похитил – это памятно ли вам?

Тот крест золотой, что озарял нам лица,
Господь когда-то сванам завещал,
И, если нашим людям заблудиться
Случалось, их на путь он возвращал.

Когда же он исчез, благословенье
Господне нас покинуло, и вот
С тех пор скорбит и бедствует селенье,
Народ в нужде и голоде живет...

Мы не творили им такого горя!
Долг, сами понимаете, за кем!
Когда б угнали мы весь скот Загорья
И данью обложили весь Чегем,

То и тогда креста святого благость
Для нас не возместилась бы ничуть...
Так кто кому – скажите, люди! – в тягость?
Нас не в чем басурманам упрекнуть!

Мы мстить должны проклятым басурманам!
И ненависть должна в сердцах гореть!
Пусть каждый, кто себя считает сваном,
Не забывает этого и впредь!»

Кому-то эта речь пришлась по нраву:
Довольны богачи, довольна знать –
Они, что те абреки, на расправу
Горазды – и способны их понять.

Все родичи Чоны, друзья и свита,
Хватаясь за кинжалы, гомонят,

Что вражья свора в землю будет вбита,
Что вырежут чегемцев – всех подряд.

Село, что мирным было, будоража,
И стар и млад старясь с толку сбить,
Они уже того достигли ража,
Когда грозятся горы сокрушить!

Но злобствующим их безумным крикам
Сельчан не удастся обмануть:
Они, о преступленье зная диком,
К насилью не склоняются ничуть.

И вот, чтоб не взошли ростки дурного,
Чтоб раскрутить обратно колесо –
От зла к добру, – берет бесстрашно слово,
Суть дела доводя до всех, Бесо:

«Не раз, не два гостили мы в Чегеме.
Кто там бывал, прекрасно знают, сколь
Они радушны – помыслами всеми!
Едали мы их хлеб – и сыр – и соль...

А ведь в горах куда как камня больше,
Чем хлеба! Им за это – исполать!
А наши псы такое в мирном коше
Устроили... в аду бы им пылать!

Народы наши вместе всё решали,
Соразмеряли все свои шаги:
Теперь же – из-за их и нашей швали –
Мы не друзья, а лютые враги!

На кош чужой набросились абреки,
Пролили человеческую кровь,
А поп зовет нас в новые набеги,
Насилие благословляет вновь...

С лихвою натерпелись мы коварства,
Нам не нужны ни злоба, ни разбой.
Со всеми в мире надо оставаться,
Нужны нам: мир – согласие – покой!»

Промолвив это, глянул он сурово
На всех, кто стал оружием бряцать,
На «воинство святое», что готово
Иную веру напрочь отрицать.

Продолжил он: «Вражда нам – только бремя,
Что ж спорить, если доводы ясны?
Сейчас, считаю я, настало время
О теле позаботиться Чоны».

Священник же опять твердит упорно,
Напрасно уповая на успех,

Что храма разорение – позорно
Прощать; что надо вырезать их – всех!

(Да, правда то, что некогда в Чегеме
Атаев Журтубай, абрек и вор,
«Прославился» деяниями теми,
Чья слава на поверку – лишь позор.

Но правда также то, что он ни разу
Порога храма не переступал –
За мерзкою проказою проказу
Творил, но до подобного не пал.

К чему ж плести такие небылицы,
Что сеют меж народами вражду?
Промчались годы, как по небу птицы, –
К чему ж черпать из прошлого беду?)

...Селенье разделилось на две части:
Решила не сдаваться беднота,
Не уступать богатству, силе, власти,
Не осквернять неправдою уста.

Решили без пальбы уладить дело
Те, у которых нечего отнять;
Решили, чтоб враждебность ослабела,
Усилья к примиренью предпринять.

Ведь это так естественно, так верно –
Согласием вражду переломить!
Народы были б счастливы безмерно
Соединить разорванную нить...

За перевал посланников собрали,
И во главе с Бесо они пошли,
Гоня с собой овец, что вырастали
На землях, вдруг оставшихся вдали.

Зухи кобылу прихватили даже,
Чтоб тоже стать свидетельством могла:
Не псы в Чегем идут, не ради кражи, –
Друзья идут... да сгнула бы мгла!

9

Чтоб краденых овец, что уцелели,
Вернуть, не быть в постыднейшем долгу,
Посланцы тяжкий путь преодолели
И оказались возле Булунгу.

В долину Мелюшки они вступили
И всадников приметили вдали –
Их взгляды беспокойны явно были,
Но зла таить как будто не могли...

Али быстрее всех был возле сванов,
 Зухи кобылу сразу же узнал –
 И удивился: надо же, раз канув,
 Пришла обратно через перевал!

Пришельцы, спешась, видно, собирались
 О чем-то толковать... Друзья Али
 Подъехали, тревожно озираясь
 На скалы, замеревшие вдали.

Зухи кобыла радостно заржала
 И тотчас, напряженность разрядив,
 К хозяину поспешно подбежала,
 В глазах людей улыбки породив.

Увидев это, поняли чегемцы,
 Что мести им сейчас искать не след,
 Что с миром к ним явились иноземцы,
 А это – лучше воинских побед!

Приглядываются они к пришельцам –
 Стоят, смиренно головы склонив...
 Бесо их поражает, на чистейшем
 Балкарском языке заговорив:

«Пришло к вам горе из-за перевала,
 И выстрелы в ночи гремели вновь –

То наши нечестивцы, из Мужала,
Невинную пролить явились кровь.

Скорбим об этом... На добро позарясь
Чужое, потеряли они стыд –
Бездельников всегда снедает зависть!
Такое, знаю, вряд ли кто простит.

Но для посланцев нет угрозы смерти,
Поэтому, явившись ныне к вам,
Я говорю: накажем мы, поверьте,
Тех псов, что навлекли позор и срам

На нас на всех... Народ их осуждает,
Он хочет мира с вами, не войны.
Война покой, столь нужный всем, раздавит...
Но, впрочем, только вы решать вольны,

Явиться ль к нам друзьями, не врагами:
Вина здесь целиком лежит на нас,
И вы, прошу, теперь судите сами –
Припас народ наш камень, не припас.

Пусть даже будет ваш ответ стократен,
Виной лишь мы, я повторяю вновь:
Ваш справедливый гнев нам всем понятен,
Хотя бы вы и кровью смыли кровь...»

Биберт взглянул на спутников в смущенье:
 Те вроде тоже были смущены.
 Хотя пылали раны, примиренье
 Сияло солнцем из-за пелены.

Биберт о пленном сразу снова вспомнил:
 Да, надобно его освободить –
 Не до конца ж Чона его наполнил
 К насилью жаждой... к сванам отрядить...

Сказал он: «Нам, чегемцам, это ясно:
 В том, что случилось, вовсе не народ
 Виновен – как и нас, их ежечасно
 Пытают горы тяжестью невзгод.

Подлец произрастает повсеместно,
 Не хочет жить он праведным трудом,
 Но кто жесток к соседу, тот, известно,
 И в собственный стрелять способен дом.

Нам ведомо, что вы не из незрячих,
 Добры вы, трудолюбья не отнять.
 Мы верим, что своих собак бродячих
 Вполне вы сами сможете унять!»

Друг другу они руки протянули
 И, помирившись, разом поклялись

Отныне впредь не слать друг в друга пули,
От мести и от крови отреклись.

В чегемских кошах сванов привечали,
Соседей потчевали, как могли, –
Так люди, что душой не измельчали,
Себя ведут во всех концах земли.

Наутро и Бесо пошел с гостями
К себе обратно через перевал...
С соседями, как с добрыми друзьями,
Приветлив был заоблачный Мужал.

Котлы – их девять – с лучшим угощеньем
Дымятся на дворе Бесо; вражда
Ушла, сменясь всеобщим примиреньем;
Отведена безумная беда.

На длинные столы кладут баранов
Зажаренные туши, и блестит
Янтарное вино соседей-сванов,
Торжественный придав застолью вид.

Любой, кому предоставляют слово,
Согласье восхваляет, славит мир, –
Да сгинет из сердец корысть и злоба:
В честь этого устроен ныне пир.

Нередкой гостьей смерть в горах бывает,
 Не реже на равнину держит путь;
 Беда дороги к нам не забывает –
 Домов бедняцких ей не обогнуть.

Но те, кто жив, должны всегда стремиться
 К согласию – и к правде – и к добру;
 Открытыми да будут наши лица –
 Без разницы, в труде ли, на пиру.

Создателю возносим ныне славу,
 Что достает у человека сил
 На зло внутри себя найти управу,
 Преодолеть воинственный свой пыл!

Тот, кто живет насильем да разбоем,
 Своим да будет промыслом казним!
 Враждою меж людей обеспокоен,
 Слагал свои стихи хромой Кязим.

Молюсь, чтоб побеждали те, кто правы,
 Чьи искренни и праведны сердца,
 А те, кто захотел кровавой славы,
 Пускай ее познают до конца!

1916

Перевел Г. Яропольский

ТАХИР И ЗУХРА*

З а п е в

Бог единый – вот начало всех начал,
Тем опора, кто душой не измельчал.

Бог единый! Дай умения перу,
Чтоб поведать про Тахира и Зухру.

О Аллах, мой труд, прошу, благослови,
Озари мое лицо огнем любви.

Горе мне: на глаз остер, но нищ язык.
«Помоги!» – к тебе взываю, как привык.

Я труды других поэтов изучал –
И во всех, Аллах, я свет твой различал.

Я познал Якуба горестный удел,
Я с Юсуфом в заточении сидел.

Тридцатидвухлетний срок преодолен.
И наукам, и хадисам слал поклон.

---

* Ряд исследователей оспаривают авторство Кязима.

Назидал я тех, кто медлил и петлял,
А влюбленных добрым словом окрылял.

Сам любил. Был верен кузнице отца –
И, хромой, ковал железо без конца.

Я оплакивал Тахира и Зухру:
О Аллах, даруй умения перу!

Как Тахир, страдают многие у нас,
И сердца кровоточат у них подчас.

Как Зухра, сгорают многие дотла
В этом мире, где безбрежны силы зла.

Кто любовь в железной смел держать узде,
О грехах своих узнают на суде.

Жар любви лишит их зренья на пути,
К саду райскому вовек им не прийти.

Мы же будем помнить это, как урок,
Чтобы праведными свет покинуть в срок.

Проследим же путь Тахира и Зухры:
К молодым да будут судьбы их добры!

Бог единый – вот начало всех начал,
Так внимайте же, пока не замолчал.

Сказывают, жил некогда владетельный хан Бабахан. Все у него было – и богатство, и воинство, но, несмотря на все щедроты судьбы, не ведал он душевного покоя: не было у него детей. Думы о том, что после своей кончины он не оставит сына, который правил бы его ханством, порой приводили хана в неистовство.

Он с куполом златым владел дворцом,
Но горевал, что стать не мог отцом.

Его добра никто не смог бы счесть,
Шел слух: «Навряд ли хан державней есть!»

Уже и старость в дом пришла к нему,
Но нет детей. Весь мир ушел во тьму.

Для хана дети в радость, для слуги,
А без детей не видно нам ни зги.

Они – опора даже для вдовца,
А что без них роскошество дворца?

Ему пытались знахари помочь,
Но тщетно все, беды не превозмочь.

Хан и казну готов был растрясти,
Наследника бы только обрести.

Так проходили годы. Бабахан окончательно потерял веру в людей и не ждал уже милости и от самого Аллаха.

За городом у него раскинулся чудесный сад, слава о котором распространилась далеко за пределы ханства. Какие бы горести ни томили сердце, стоило только войти в этот сад, как все печали отступали и душа наполнялась добрыми предчувствиями и сладкими надеждами. Только здесь убитый горем Бабахан мог забыть о своих невзгодах; только отсюда он возвращался в город, обретя душевный покой.

Однажды, пригласив с собой визиря, хан в очередной раз отправился в любимый сад. По дороге им встретился немощный нищий старик. Хан и визирь остановились, но нищий не попросил милостыни, а сказал:

– От имени того, кто даст мне тысячу золотых, сотворю молитву, и сбудутся его самые заветные пожелания.

Хан обернулся к визирю и заметил:

– Немало знахарей я одаривал, да толку от этого не было. Может, на этот раз Аллах смилостивится, услышит молитву этого старца! Дам я ему тысячу золотых. Если бы появился наследник, то и тысячу тысяч не пожалел бы!

Дал хан монеты нищему, попросил сотворить молитву.

Как хан, визирь отцовства был лишен,
Вся жизнь, казалось, лишь протяжный стон

Он хану со слезами на глазах
Поведал, что от горести зачах.

«Великий хан, любимый властелин!
В бездетности удел у нас один.

Хоть золота в мошнях у нас полно,
Но лишь проклятьем кажется оно.

Засохли мы с тобой, как дерева...
Что наша жизнь? Пожухлая трава!»

Бахир терпенья птицу упустил,
На землю пал, крича что было сил:

«За что горим? За что казнишь, Аллах?
Одна зола в холодных очагах!

Слуг верных пожалей ты, наконец,
Согрей детьми пустынность их сердец!

Что в мире есть прекрасней, чем дитя?
Познаем рай, потомство обретя!

Дойдет молитва – впору льду кипеть,
Но без детей нам камни грызть и впредь!»

К земле припав, он небо молит вновь,
А бороду не слезы моют – кровь.

Печаль свою поведал каждый сам.
Казалось, небо вняло их мольбам.

Молились рядом, как, служа стране,
Плечом к плечу стояли на войне.

Аллах мольбы услышал, наконец,
И черный узел с бедных снял сердец.

Достигнув сада и спешившись, они увидели
под деревом человека в белом, перед кото-

рым на белом же покрывале лежало множество книг. Глаза у него были прикрыты, и он казался отрешенным от всей мирской суеты.

Хан подошел к нему и поздоровался.

– Кто ты? И о чем говорится в твоих книгах? – спросил он.

– Я звездочет и прорицатель, – отвечал незнакомец. – Читаю небо, как книгу, и узнаю, что на сердце у человека.

– Узнай, что у меня на сердце, – сказал хан. – Тогда я поверю, что ты в самом деле прорицатель.

Тот протянул ему перо:

– Поведай ему, что у тебя на сердце, а я угадаю все твои мечты и заботы.

Хан взял перо и шепнул ему: «О Всевышний! Будет ли у меня когда-нибудь ребенок?» Затем он передал перо визирю, и тот тоже попросил Аллаха вознаградить его потомством.

Звездочет-прорицатель, получив перо обратно, начертал на свитке некие надписи и вывел на нем ряд чисел. Затем обернулся к ним:

– Один из вас – хан, а другой – его визирь. Вы оба бездетны, и от этого сердца ваши полны печали. Все ваши мечты и устремления об одном – обрести потомство.

Хан и визирь обрадовались.

– Ты доказал нам свою прозорливость,
свое призвание, – сказали они, по очереди
пожимая ему руку.

Он к свитку обратил свой мудрый взор,
Затем его к светилам он простер.

Все тайны неба с легкостью постиг
И с ними поделился в тот же миг:

«Есть новая звезда в семье планет,
Устойчив ее ход и ярк свет.

То весть о том, что сгинет ваша ночь:
Узрите скоро сына или дочь.

Молитву пусть возносит тот, кто рад, –
Обоим вам дарует небо чад.

Коль мальчики родятся в должный срок,
Дружить до гроба им поможет Бог.

Из одного сосуда им пивать
И вместе тайны мира познавать.

Да будут их сердца всегда чисты,
Да будут вечно светлыми мечты.

А дочери родятся – две луны, –
Как сестры, будут век они дружны.

Пусть чистота сияет в их сердцах,
Пусть души их всегда хранит Аллах.

А коль у одного родится сын,
А у другого – дочь, то путь один:

Узнав, чего желают их сердца,
Пребудете близки вы до конца.

Любовь лишь небу ниспослать дано,
И этому противиться – грешно.

Тогда влюбленных только гибель ждет,
А в Судный день отмщение грядет.

Мир в жизни вам, и радость, и успех!
Да будет уготован рай для всех!»

Хан молвил: «Если сына, наконец,
Увижу, то ждет вестника дворец!

Я дочь Бахира сделаю снохой
 Пред тем, как удалиться на покой.

А если дочь Аллах решит мне дать.

То ей, Бахир, твоей невесткой стать».

Бахир сказал в ответ: «Мой хан,
 У нас различны кровь и сан,

Я – твой слуга, ты – господин,
 Как дочь твою возьмет мой сын?

Но, твой визирь, я твоему
 Всегда послушен был уму,

И, коль ты истину изрек,
 Не человек ты, а пророк!»

А Бабахан сказал в ответ,
 Что он исполнит свой обет.

Пожатье рук с тех самых пор
 Скрепило этот договор,

Что скоро исполненья ждет,
 Чему свидетель – звездочет.

Прорицатель, довольный решением хана, достал яблоко, разрезал его и предложил обоим съесть по половине. Он скрепил их договор молитвой, а затем поздравил их.

Удивленные хан и визирь решили между собой одарить звездочета тысячей золотых, но тот в мгновение ока исчез, как исчезло и его покрывало вместе с книгами. Их словно и не бывало.

Долго искали они звездочета, но так и не нашли.

К вечеру хан и визирь вернулись домой. Поужинав и сотворив намаз, оба отошли на покой. В эту же ночь их жены понесли. Через девять месяцев Аллах вознаградил Бабахана дочерью, а Бахира – сыном.

Ниспослал Аллах страдальцу чудо-дочь,
Смог ему любовью щедрою помочь.

Различался в ней свет солнца и луны,
Все, кто видел, изумления полны.

Барабаны били, радость не тая,
Весть о чуде разнеслась во все края.

Хан от счастья словно сам помолодел,
Пир в честь дочери устроить повелел.

Чтоб ей имя дать – большое торжество! –
К нему съехались все родичи его.

Поразил всех своей щедростью Бахир,
С колыбелью золотой придя на пир.

Восхищен был дочкой каждый из гостей,
Долго имя все подыскивали ей.

Чтобы споры прекратить в конце концов,
Даже знахарей призвали и певцов.

Толковали с ними с ночи до утра,
Порешили: имя лучшее – Зухра.

На быстрых крыльях пролетели годы.
Молва о небывалой красоте Зухры докатилась
до самых отдаленных окраин ханства.

Нежнейшим был лица ее овал –
Мир красоты подобной не знавал.

Жемчужинами черными глаза
Сияли, ослеплением грозя.

Ее румянец был, как свет зари, –
Нет, не опишешь, что ни говори!

Художник нужен, чтоб изгиб бровей
Изобразить; и только соловей

Сумел бы ее речи подражать,
А стан ее тростинке был под стать,

Цвет губ напоминал тех ягод цвет,
Свежей которых в целом мире нет.

Любой из Хансарая – стар и млад –
За жизнь ее свою отдать был рад.

По сорок няnek с каждой стороны
Ей были угождать во всем должны.

Знать во дворец сзывает Бабахан,
И сад его опять благоухан.

* * *

И Бахир на склоне лет вознагражден –
Хоть и поздно, но обрел дитя и он.

Пусть бы каждый, кто родится, был здоров,
Как Бахира сын, явясь под отчий кров.

Получив с небес какой-то тайный знак,
В тот же миг Бахир жене промолвил так:

– Наречем Тахиром сына своего,
И да сбудутся все помыслы его.

Мой орленок, соловей мой, мой джигит,
Он Аллаху всей душой принадлежит.

Лучшие кормилицы при служанках
вскармливали Тахира и Зухру. Уже с двух-
летнего возраста они играли только вместе,
всегда искали друг друга, а если не находили,
отчаянно плакали. Достигнув семи лет, они с
помощью назначенного им наставника стали
постигать суть вещей и явлений мира. Все
поражались редкостным способностям этих
малышей. Вместе учась и играя, они относи-
лись друг к другу как брат и сестра.

Тахиру было от роду семь лет,
Когда его отец покинул свет.

Достоинo проводил Бахира хан,
Почтил визиря честь, заслуги, сан.

Он долго поминал его добром,
Гордясь своим духовным с ним родством.

Зухра стала испытывать некую тягу, влечение к Тахиру. Что неудивительно – ведь на всем свете не сыскать подобной пары.

Любовь Зухры росла с каждым днем, лишая ее терпения, спокойствия, кротости. Однажды, когда Тахир спал, она тихонько подошла к нему, поцеловала в румяную щеку и тут же отбежала. Тахир, однако, проснулся и глянул вслед красавице, которая как ни в чем не бывало собирала цветы.

– Что за шутки, Зухра? Или ты позабыла, что мы брат и сестра?

Зухра, смутившись, уронила букет и бросилась к себе. С тех пор она, стесняясь Тахира, стала являться на учебу одна. Но чем сильнее старалась она отдалиться от юноши, тем жарче разгоралась ее любовь.

В один из дней она вновь подошла к спящему Тахиру и нежно провела ладонью по его щеке. Тахир мгновенно проснулся: она

стояла возле него на коленях. Сочтя такое поведение непристойным и дерзким, Тахир ударил ее по щеке. В ту ночь, терзаясь своим положением, Зухра говорила прерывистым голосом:

Любовь пришла, отчаяньем душа.
Я вся в слезах, живу едва дыша.
Бессонница мои сжигает ночи.
За что страдает юная душа?

Придет ли помощь? Можно лишь гадать.
Не знаю я, чего мне завтра ждать.
Нельзя ли половину этой муки
Мне милому Тахиру передать?

Ужель ему не жаль меня ничуть?
Ужель не видит, как пылает грудь?
Нельзя ль хоть частью этого недуга
С Тахиром поделиться как-нибудь?

Огня любви не зная струй тугих,
Страданья не познав от сих до сих,
Поймет ли он накал моих мучений
Без откровений, Господи, твоих!

О, Устроитель судеб на века!
 О, Утешитель! Доля нелегка!
 Не вижу я конца своим мученьям,
 Просвета не обещано пока.

Встречаю дни с молитвой на устах –
 Надежда никогда не канет в прах.
 Избавь меня от этого недуга,
 Прошу тебя я трепетно, Аллах!

Половина любви, ниспосланной Зухре, отошла к Тахиру и принялась все сильнее и сильнее его терзать. Несчастный, не находя себе места, повсюду искал свою Зухру. И дни, и ночи влюбленные, не желая ни пить, ни есть, проводили в тоске и мучениях. Сладко-голосый Тахир, что пел, состязаясь с ветрами и реками, с пернатыми певуньями и тихим шелестом листвы, загрустил, и песни его стали печальными. От этого загрустили и деревья, и ручьи меж ними, и лани лесные. Одна лишь Зухра делала вид, что ей ни о чем неведомо.

Бабахан после рождения Зухры велел построить в чудном саду дворец для нее, чтобы милая дочь могла проводить там часы досуга так же счастливо, как он сам.

Однажды Зухра, наигравшись с подружками, решила прогуляться по этому цветущему саду. Напевая грустные песни, она присела под одним из деревьев.

Тахир, весь как в огне, прижимая к груди ладонь, чтобы унять бешено стучащее сердце, последовал за Зухрой и склонился над нею. Познав муки внезапной любви, Тахир понял, что Зухра ему не сестра. Она – дочь всесильного хана, а он – сын его визиря. Зухра, не глядя на Тахира, пропела:

Попутчик мой, что дан мне навсегда,
 Душевный друг, горю я от стыда.
 Тахир мой нежный, убери ладони,
 Ведь ты мне только брат, вот в чем беда.

Т а х и р

Да, я попутчик, я твой нежный друг,
 Но как понять внезапный твой испуг?
 Визиря сын, скажи ты мне на милость,
 Как хана дочке братом станет вдруг?

З у х р а

Зеницей ока чтила я тебя,
 Любой твой вздох, любой твой шаг любя.

Но помнишь, как пощечиной ответил
На чувство, навсегда его губя?

Т а х и р

Познал я жар любовного костра –
Ты видишь, как я таю в нем, Зухра?
Прости меня за то, что я ошибся, –
Не ведал я, что ты мне не сестра.

З у х р а

Любовь моя безбрежнее стократ,
Чем море, – это слезы подтвердят.
Тахир, ты весь – души моей движенье,
Отныне ты любимый, а не брат!

Т а х и р

Когда вишневый сад омоет свет
И вишня расцветет, прекрасней нет
Мгновения – лишь встреча двух влюбленных
Сердец сравнится с ним в потоке лет!

С этими словами Тахир обнял Зухру,
крепко прижав ее к своей груди. Влюбленные

души обрели друг друга. Яркий румянец вспыхнул на бело-розовом лице смущенной Зухры. Отвечая ласкам Тахира, она обвила руками его шею, не в силах скрыть пылающего чувства. Затем, взявшись за руки и напевая песни любви, они отправились на занятия. От доброго наставника не укрылась приподнятость их духа, которая не замедлила проявиться и на уроке: голоса обоих были куда прозрачней и чище, чем когда-либо. А при малейшей возможности они обращались друг к другу со словами, полными нежности ликующей любви. Красота их сияла еще лучезарнее, чем в годы ранней юности.

Когда они снова встретились у золотого чертога, Тахир, терзаемый душевными муками, произнес такие слова:

Зухра моя, ты крови моей зов,
 Ты сердце избавляешь от оков.
 Всю душу, что дарована мне Богом,
 Я в жертву принести тебе готов.

З у х р а

Тахир, меня ты смог заморозить,
 Тебе я буду преданно служить.

Ты сам давно моею стал душою,
Мне без тебя минуты не прожить.

Т а х и р

Но ждет ли счастье нас? Дочь хана ты,
Притом – невероятной красоты!
Что, если твой отец меня не примет,
Разрушит наши светлые мечты?

З у х р а

Любимый, без тебя вся жизнь как ночь,
Лишь ты развеять мрак сумел помочь.
Не думаю, что мой отец заставит
Рыдать свою единственную дочь.

Т а х и р

Знай: если мне в другом пылать огне,
Другую полюбить придется мне,
То пусть своей мечты я не достигну,
Пускай она покоится на дне!

З у х р а

А если я помыслю о другом,
Пусть станет целый мир моим врагом!

Мне рай вовек пристанищем не станет,
И только ад разверзнется кругом.

С этими словами Зухра набрала в ладони воды из родника, облицованного мрамором, и напоила ею пылающего Тахира. Испив воды, тот прижал руки Зухры к своей груди и промолвил:

Зухра, моя ты радость, вот ты где!
Ты – лебедь на предутренней воде.
Коль без тебя останусь в этой жизни,
То большей не бывать со мной беде!

Подобно Зухре, он набрал в ладони воды и напоил ею свою возлюбленную. А та, прижав к груди ладони Тахира, промолвила:

Тахир, мое сокровище, поверь, –
Вконец ты покоришь меня теперь.
Я лишь тогда свое нарушу слово,
Когда за мною смерть захлопнет дверь.

Т а х и р

Зухра, ты видишь, слез я не сдержу!
Вовек не уподоблюсь я ужу,

Решенье изменю свое тогда лишь,
Когда на плахе голову сложу.

Дни проходили за днями, и не ведали горя Тахир и Зухра. Лишь в книгах находили они примеры несчастной любви – и никак не могли помыслить, что подобное может коснуться их самих.

В те времена большая любовь почиталась за умопомешательство. Сочувствие же и помощь влюбленным рассматривались не как благое, но как пустое дело. Влюбленные почему-то считались безумцами, одержимыми. Бытовало и такое правило: «Глупцу невесту не привозить, гордячку замуж не выдавать». Объятым любовью Тахиру и Зухре все это казалось диким. Не знали они, что в жестокие века самовластья многим влюбленным суждено было стать несчастными.

Однажды Тахир, спешивший на встречу с любимой, услышал вдруг дивную музыку, ласкавшую слух и заставлявшую души раскрываться навстречу друг другу. Высокий рыжебородый мужчина поочередно играл на сазе, скрипке, свирелях, и замороженные толпы народа внимали ему. Тахир, обладавший музыкальным даром, был потрясен искусст-

вом виртуоза, игравшего на разных инструментах. Он слушал и боялся только одного – как бы это чудо не кончилось. А сам то плакал, то счастливо смеялся. Наконец, рыжебородый музыкант, по-видимому, утомился. Когда люди стали расходиться, Тахир подошел к незнакомцу. «Салам алейкум!» – сказал он, пожимая ему руку. Представившись, он попросил мастера научить его этому чуду – игре на сазе. «Что ж, дитя мое, буду рад поучить тебя, – отвечал рыжебородый. – Чувствую, твое желание подкреплено и незаурядными способностями к музыке. Ступай за мной». С того дня он стал обучать Тахира игре на двенадцати видах саза. Ученик оказался столь даровитым, что схватывал уроки на лету. Он вмиг, не искажая, повторял то, что играл учитель. Вскоре тот сам стал с наслаждением внимать игре своего ученика.

Прослышав об успехах Тахира, и Зухра вознамерилась научиться игре на сазе. Для этого она нашла музыкантшу, способную передать свое мастерство прилежной ученице. Вскоре молодые, освоив игру на сазах и флейтах, о любви своей стали изъясняться языком чудесных мелодий.

Однажды объятый любовью Тахир, играя на сазе, пропел своей возлюбленной такие слова:

К тебе любовью я навек пленен,
 До капли ею гордости лишен.
 Надеюсь, ты, Зухра, не возгордишься,
 Поймешь моей души печальный стон.

З у х р а

Тревогу вижу в блеске милых глаз,
 Стараюсь, чтоб ее умерил саз.
 Что б ты ни говорил, слова не в силах
 Добиться, чтоб огонь любви погас.

Т а х и р

Твое я имя славлю каждый миг,
 С тобой надежды благодать постиг.
 Сгорая, я уже почти стал пеплом –
 И словно к роднику теперь приник.

З у х р а

Твоих мелодий нежный ручеек
 Смутил мой ум, из сердца жар извлек,

А стоит взгляда милого коснуться,
Кто я и где – мне сразу невдомек.

Т а х и р

Испробовал напиток я любви –
И запылал пожар в моей крови.
Невозмогу, когда тебя нет рядом,
Любой мой вздох, прошу, благослови!

З у х р а

Твоя улыбка нежности полна,
Слова же – слаще лучшего вина.
Не заставляй меня дружить с тоскою,
Явись ко мне! Как долго ждать должна?

Т а х и р

Как солнце, ласков глаз любимых свет,
Во всей земле ему подобья нет.
Сравниться с ним посмеет лишь подснежник,
Явившийся сквозь талый вешний снег.

З у х р а

Мы рядом, и мы счастливы вдвоем,
Лишь о любви безмерной мы поем.

Продолжится ли наше ликованье?
Навеки ли мы счастье обретем?

Т а х и р

Как правда, что Тахиром я зовусь,
Что саз из серебра мой, – так, клянусь,
Пусть даже хан меня и обезглавит,
От верности тебе не отрекусь.

З у х р а

Пускай хоть сотне сазов заиграть –
Тебе лишь быть их музыкой под стать.
В Аллаха волю свято верить будем:
Нас никогда друг с другом не разьять.

Добрые люди тех времен, видя большую любовь молодых, желали им добра и счастья. Птицы на небе, муравьи на земле – и те славили любовь Тахира и Зухры. С приходом тепла, когда зеленели сады, они встречались под их цветущей сенью, чтобы обменяться словами о любви, и не было сил, способных разлучить их в эти часы.

Когда же наступала зима, Зухра, лишенная возможности покинуть свой золотой дворец,

так тосковала по любимому, что слезы ее мешались с кровью. Если же Тахиру удавалось проникнуть во дворец, она бросалась к нему в объятия, без конца наслаждаясь счастьем мимолетной встречи.

Когда Тахир, перебарывая себя, пытался уйти от нее, Зухра ему говорила:

Мою ты ранишь душу! Знаешь сам,
 Как я тоскую по твоим глазам.
 Неужто невозможно в этом мире
 Не разлучаться любящим сердцам?

Т а х и р

И ты мне душу ранишь! Но когда
 Ты рядом, то прохладная вода
 Ее мне омывает. Наше счастье
 Во встречах, а разлука нам – беда.

З у х р а

Как правда то, что палец мой кольцом
 Украшен, так уверена я в том,
 Что выйду за тебя, – таков обет был,
 Когда-то ханом сделанный – отцом.

Т а х и р

Я знаю, что в разлуке я горю,
Что все слова от сердца говорю,
Но только как могу я верить хану –
Вдруг май его подобен декабрю!

Обменявшись такими речами, они брались за руки, и слезы застилали их глаза. Были, были причины для этих слез, да только не ведали они о них до поры...

В любовных муках прошло еще немало дней и ночей. Обуреваемые пожаром страсти, Тахир и Зухра, тревожась за судьбу своей любви, доходили и до предчувствий предстоявших им бедствий.

Невлюбила Тахира ханша, не одобряла она свиданий молодых. Черный вихрь, пока неведомый Тахиру и Зухре, следил и следовал за влюбленными.

Когда приходит в этот мир любовь,
То одаряет нас теплом весенним.
Так птица из силков взмывает вновь
И радуется сердцу своим спасеньем.

Является любовь к нам с давних пор
 Ростком, что и сквозь камень рад пробиться,
 И всадником, что мчит во весь опор,
 Чтоб тем помочь, кого тсмит темница.

Полна она, пришедшая к двоим,
 Той добротой, которой мир спасется,
 Она рождает свет, и скалы им
 Согреты, как самим сияньем солнца.

Неведомы влюбленным козни, месть,
 Корысть, лукавство, хитрость или злоба.
 Они считают: все, что в мире есть,
 Сочувствует тому, чем дышат оба.

Влюбленные – два дерева в цвету,
 Они не ждут ни града, ни бурана.
 Их души вознеслись на высоту,
 С которой о вражде и думать странно.

Но мы готовы цепь сковать для них,
 Стремимся навязать им нашу волю,
 Сердец по-настоящему родных
 Мы раны норовим посыпать солью.

Преследуя влюбленных, точно псы,
 Себя грехом позорным покрываем;

Не в силах в нашу сторону весы
Склонить, от злобы жгучей завываем.

Завидуя счастливым, смотрим вслед
И замыслы коварные лелеем,
Как будто дали нечисти обет,
Забыв добро, навек пристать к злодеям.

Тахир с Зухрою сгнули в чаду
И саже, что рождает только зависть.
Зачахнет даже дерево в саду,
С душою подлеца соприкасаясь.

Проклятье им свое пошли, Кязим, —
Лжецам и ими слаженным оковам!
Да будет по достоинству казим
Любой из них твоим правдивым словом!

Был, сказывают, у Бабахана некий Арап —
склочник, завистник и лжец, самый непра-
ведный из всех слуг. Больше всего он преус-
певал в том, чтобы опорочить чье-нибудь
доброе имя. Все во дворце презирали этого
Арапа. Хан порой избивал его ногами, прого-
няя прочь от себя, до того тот был противен
даже ему самому. Несколько раз он отправлял

его и на виселицу. Вот только не вешал. Не мог повесить, ибо такие вот подонки весьма угодны ханам и их приспешникам. Ведь именно такие способны очернить кого угодно, погубить безвинных. Получается, что и хан без них не мог быть ханом. У каждого хана и падишаха было по четыре руки: левая, правая, виселица да темница. Кого хотел уничтожить быстро – правой рукой посылал на виселицу, кого помедленнее – левой рукой отправлял в темницу. Ну а такие, как Арап, стремились быть четырьмя руками одновременно. Такова была их природа со дня сотворения мира, есть они и сейчас, не исчезнут, к сожалению, и в будущем.

Узнав о любви Тахира и Зухры, Арап воспытал злобой и завистью и принялся за свое грязное дело. Кровь его от черной зависти так и бурлила.

Однажды Тахир и Зухра условились встретиться в саду, чистом и благоуханном, как юная любовь. Прознав об этом, злодей Арап опередил их и укрылся за деревьями рядом с местом их встречи. Недолго пришлось ему ждать: Тахир и Зухра остановились совсем рядом. Речи влюбленных всегда об од-

ном – о любви. Тахир и Зухра, словно на первом свидании, не могли насладиться друг другом, все говорили и говорили. Арап, до конца выслушав речи влюбленных и их песни, на завтра же поспешил к матери Зухры – злобной ханше, чтобы поведать об увиденном и услышанном:

Не с ложью явился к тебе,
Не козни задумал плести.
Хан счастье изведаль в судьбе –
Хочу это счастье спасти.

Да мало ли в мире таких,
Кто б хану стать зятем хотел?
Любой из джигитов лихих
Польстится на этот удел!

Да только Зухра у нас есть,
Как солнце на небе, одна.
Какой же неслыханной честь
Ее жениха быть должна!

Кто солнце посмеет сорвать
С небес и на землю швырнуть?
Кто сможет уздою прервать
Звезды ослепительной путь?

Так кто же в цветущем саду
 В объятиях тайных лежит?
 Сгорая в любовном бреду,
 Постыдно на встречи бежит?

Поверь мне: Тахир и Зухра
 Затеяли эту игру!
 В саду обнимались вчера –
 Я сам это видел, не вру!

Злодей пробрался во дворец,
 Подобный лисе среди людей.
 Посмешище хочет глупец
 Из дочери сделать твоей.

Темно у Тахира в душе,
 Коварство не ведает дна.
 Красавица наша уже
 Осунулась, стала бледна.

Выслушав такой рассказ, мать Зухры разгневалась, расшумелась и – бросилась к хану. Добавив немало измышленных ею самой подробностей, она изобразила Тахира злодеем и лжецом, коварным и алчным волком. Бабахан крепко призадумался – и вспомнился ему обет, который он когда-то давал отцу Та-

хира. «А ведь пришло время женить молодых, достойный свадебный пир учинить», – подумал он. И, обратив взор на ханшу, промолвил:

Из всех невзгод, из разных бед
Всегда есть выход, и простой.
Достойнее Тахира нет –
Пора бы нам готовить той.

Устроим пир мы на весь мир,
Пусть каждый в наш приходит дом.
Коль станет зятем нам Тахир,
Молва окончится на том.

Шербетов надо наварить –
Гостям ни в чем отказа нет! –
И ладно свадьбу сотворить –
Ведь я на то давал обет.

На золотые деревца
Рассадим птичек золотых,
Чтоб пир наш длился без конца,
Чтоб шум веселья не затих.

Потом, в разгаре торжества,
Устроим скачки, чтоб у всех

Пошла бы кругом голова,
 Был полный празднества успех.

Пора Бахира помянуть
 И с ним скрепленный договор.
 Тахир отца продолжит путь –
 Уверен в этом с давних пор.

И мы приданое должны
 Для милой дочери своей
 Собрать, чтоб перед ней вины
 Не чувствовать, да поскорей!

Разделим поровну добро,
 А часть – в дары, чтоб каждый гость
 С собой взял злато-серебро –
 Так исстари у нас велось.

Нам черствость, право, не к лицу,
 Влюбленным следует помочь.
 Аллах дарует дочь отцу,
 Отец дарует зятю дочь!

Пуще прежнего рассвирепела ханша.
 – Э-э, господин, хоть и правишь ты огромной державой, да в голове, видно, совсем уж пусто! Да, пусто, если готов ты выдать

дочь за сына того, кто был твоим слугой! Да что в тебе от хана останется, если допустишь подобный позор! – возопила она так, что у нее словно искры сыпались изо рта. – Если ты так поглупел, то уж я-то белены-дурмана не объелась! Чем же, скажи, я хуже других ханш? Почему вдруг моя Зухра, красотой затмевающая других девиц, стала такой же, как все остальные? Почему я должна ее унижить, выдав за того, кто подола, рукава ее недостойн? Ханские сваты с караванами алмазов и жемчуга томятся в ожидании, а я стану ее выдавать за служивого отпрыска? Хан, чтобы выдать единственную дочь, решил пир учинить, пригласить затейников, скачки устроить... Да разве можно такое и в мыслях допустить! Ты что же, позабыл, как трепетали перед тобой другие ханы, как враги, пав на колени, молили о пощаде?!

Откричавшись, ханша захрипела, задержалась, как умалишенная, и лишилась сознания. На ее хрипы и стоны сбежались служители со всего дворца. Бабахан изрядно осерчал:

Прелестных женщин знал ли лучше свет?
Сварливых женщин хуже в мире нет!

Создателю хвала – не дал я миру
Узнать, что я сказал тогда Бахиру!

Хан, однако, решил держать свое решение в тайне. Он вновь обратился к пришедшей в себя ханше:

– Слушай, высокая госпожа! Ничего не увидев своими глазами, не следует доверять рассказам этого плута Арапа. Ведь его ложь способна разжечь зловещий костер!

– Я и слышала, и видела, а теперь узи и ты – ведь как-никак хан! – опять принялась за свое ханша. – А коль у тебя неостанет сил проучить этого Тахира, тайком проникающего в твой сад, я сама найду на него управу! – с этими словами она удалилась.

Хан окончательно рассвирепел и велел позвать Арапа.

– Как узнаешь, что Тахир и Зухра опять встречаются в саду, сразу же дай мне об этом знать, – приказал он ему.

В ту пору чудесный ханский сад был в разгаре цветения. Когда всемирное светило, пройдя над садом, покинуло окоем, Тахир и Зухра явились в сад с сазами в руках. Арап, проследивший за ними, тотчас бросился к ха-

ну. Бабахан в его сопровождении прошел в сад и стал наблюдать за молодыми. А те, не ведая о том, что за ними наблюдают, веселились и резвились на зеленой лужайке. Потом завели любовные разговоры, стали петь песни. В глазах их горели искорки неизбежного счастья и бесконечной радости. Они как будто плыли в беззаботной ладье молодости. А Арап все терзался: «Вот бы сейчас обнялись, вот бы расцеловались!» Они, однако, лишь пели о своей любви – и не более.

Тахир наигрывал на сазе грустные мелодии, сопровождая их такими словами:

Неужто не случится ничего,
 Что грусть развеет сердца моего?
 Неужто хан свое не сдержит слово,
 Не даст любви изведать торжество?

З у х р а

Ты говоришь: в душе твоей печаль,
 Но сам бы у нее спросил: вечна ль?
 Два мира, верь, сольются воедино,
 Ведь слово, ханом данное, – что сталь.

Т а х и р

Неправедно, что видим мы вокруг.
Возможна ль в этом мире встреча рук,
Давно друг друга ищущих? Придет ли
Тот день, когда вся грусть исчезнет вдруг?

З у х р а

Неправеден, но обновляем мир,
И мы соединимся, мой Тахир!
Велик наш хан, и слово его крепко,
А стало быть, нас свадебный ждет пир!

Накануне Тахиру приснился недобрый сон, поэтому-то и был он так печален. Во сне он бежал, устремляясь к Зухре, а та стояла на другом берегу реки и звала его, поторапливала. Тахир ускорил свой бег, но путь ему внезапно преградил свирепый черный пес. Потом вдруг появилась не менее свирепая сука, и обе собаки стали рвать и терзать бедного Тахира. С трудом избавившись от них, он оказался в черном болоте, в топкой трясине. Пытался выбраться, но его затягивало все глубже и глубже. Он проснулся в горячем поту, все тело его пылало.

Тахир истолковал свой сон так, что ему предстоит не только печаль, но и горе. Решил было не говорить об этом Зухре, однако, не в силах утаить дурное предзнаменование, пропел:

Тревожный я сегодня видел сон:
К тебе спешил, к тебе был устремлен,
Но пара псов дорогу преградила,
И встречи оказался я лишен.

Негаданно мне стали на пути,
К любимой не позволили пройти.
Кошмаром этим словно одурманен,
Не в силах я и дух перевести.

З у х р а

Тахир, твой сон тревожен, видит Бог!
Он не к добру. Ну что ж, всему свой срок.
Какой бы жребий смертному ни выпал,
Никто еще судьбу сменить не смог.

Тень вражья между нами проскользнет,
Сомненьями нам душу изгрызет.
Упорно разлучая нас с тобою,
Нам кто-то раны в сердце нанесет.

Т а х и р

Какое горе! Всюду – силы зла.
Уже не человек я, а зола.
Куда ведет лихое это время?
О, как дорога наша тяжела!

Что письма сулят мне на руке?
Как видно, мне томиться вдалеке
От девы милой – от тебя, родная,
И слезы в безысходной лить тоске.

З у х р а

Да, трудно слез не лить! Глаза свербя,
Они вскипают, зрение губя.
Тахир, весь мир, опасный и тревожный,
Нисколько мне не нужен без тебя.

Ведь если из парящей пары птиц
Падет одна – другая грянет ниц.
Лишусь тебя – и тут же потускнеет
Огромный мир, не знающий границ.

Хан, не видя перед собой ничего, кроме
чистой любви, засомневался. В словах ханши

узрел он коварство и обман. И вновь вспомнил об обете, данном перед Всевышним.

«Надо выдать Зухру за Тахира. Иначе не миновать смертельного греха», – подумал хан. Он призвал к себе неугомонную ханшу и сказал ей обо всем, что видел и слышал в саду. Повелел начинать приготовления к свадебному пиру.

Ханша слов хана не одобрила, но открыто перечить ему не посмела. Ушла прочь, не оставляя своих злобных замыслов, направленных против союза молодых. Втайне от хана она принялась плести зловещую сеть козней.

Неподалеку от дворца жила одна знаменитая знахарка. Ханша послала за нею своих служанок, посвятила ее в свои зловещие планы и сказала:

– Делай что хочешь, но придумай способ, как добиться, чтобы хан невлюбил Тахира. Вот тебе сто золотых. Останусь тобой довольна – получишь еще сотню.

Знахарка отправилась домой, едва ли не приплясывая от радости. Дома раскрыла бурдюк, набитый колдовскими наговорами. Стала метаться, бегать, прыгать и нашептывать то один наговор, то другой. Когда взошла ве-

черная звезда, она отправилась на кладбище и взяла горсть земли со свежей могилы. Замешала ее на каком-то таинственном зелье, продолжая бормотать наговоры. Наутро принесла комок глины ханше.

– Когда хана будет мучить жажда и он попросит шербета, раствори кусочек этого зелья и дай ему. Увидишь настоящие чудеса.

«Ну что ж, проверим, чье слово сильней», – подумала ханша и последовала совету колдуньи. Однако ее зелье на хана не подействовало.

Шли дни, во дворец приезжали сваты от могущественных ханов, но Зухра всех их решительно отвергала, хотя и понимала желание ханов сблизиться, став родственниками.

В один из таких дней хан все же взбеленился и закричал, потрясая бородой:

– Не позволять встречаться Тахиру и Зухре! Пусть Тахир держится подальше от дворца! Чтоб не смел приближаться к Зухре!

Было совершенно очевидно, что хан нарушил священный обет, забыл собственную клятву и этим разлучил влюбленных. И померк для них белый свет и тесной стала вселенная. Их жалели птицы на небе, им сострадали травы на земле. Тахир искал успокоения

в грустных мелодиях саза. Вот что пропел он
о разлуке с Зухрой:

Друзья, меня не стоит осуждать:
В душе моей покоя трудно ждать!
Меня с Зухрой любимой разлучили,
И словно повернуло время вспять.

Я слезы лью. Кругом – сплошная тьма.
Мне кажется, что я схожу с ума.
Мой мир и пуст, и тесен в то же время,
Жизнь без Зухры возлюбленной – тюрьма.

С ийнарами о любви к Зухре Тахир обращался к рекам, дорогам. Те, кто на себе испытал муки любви, собирали эти ийнары, записывали их и пели на площадях, где собирались люди. Иные из них доходили и до слуха Зухры.

Однажды Зухра попросила отца:

– Великий хан, любимый отец! Повели построить мне дворец, который стоял бы на перепутье дорог, идущих на запад и на восток. Пусть окна в нем будут такие, чтобы я могла видеть всех путников на этих дорогах. Чтобы цепь караванов рассеяла мою печаль, мои сердечные страдания.

Мольба Зухры растопила сердце жестокого хана, и он обещал выполнить ее просьбу.

– Хорошо, дочь моя, я велю построить такой дворец, – сказал он.

Лучшие мастера и зодчие тотчас приступили к исполнению воли всемогущего хана, и вскоре был построен дворец, блеском своим ослепляющий взоры: его стены сверкали, как огромные зеркала. А окна дворца давали возможность со всех сторон рассмотреть и то, что вблизи, и то, что вдали. И путники-купцы, и неприкаянные дервиши, и правоверные паломники – все дивились этому чудесному дворцу.

По завершении строительства Зухра поселилась там вместе со своей кормилицей и никого на свете не подпускала к себе, кроме нее. Как-то раз она сидела и грустно пела, вторя себе на сазе. Прервавшись, обратилась к кормилице:

– Хочу задать один вопрос, а ты ответь, пожалуйста, без утайки. Ведь просит тебя та, что белым твоим молоком была вскормлена.

– Спрашивай, дитя мое. Если знаю ответ, то ничего не утаю, – отвечала та.

– Почему Тахира изгнали из ханского дворца? Почему отдалили его от меня?

С печалью поведала молочная мать:

– Зухра моя милая, доброе мое дитя, судьба твоя тяжка, и нет избавления. Кто в этом мире не пытался затушить нежный очаг любви? Ты пострадала от зависти и произвола. Ваша с Тахиром любовь стала жертвой злобного Арапа. Он вас выслеживал, подглядывал и подслушивал, и каждое ваше слово было его достоянием. Обо всем он доносил жестокой ханше. Твоя мать, Зухра, не желает единения влюбленных сердец, потому и приставила к вам этого Арапа с черной душой. Он водил великого хана в сад, чтобы тот тоже проследил за вами. Но хан, сжалившись над вами, решил сотворить той и женить вас, о чем и сказал ханше. Та, конечно, растревожилась и решила обратиться за зельем к колдунье, чтобы хан возненавидел Тахира. Вот все, что я знаю.

Этот рассказ так потряс Зухру, что она упала в обморок. Кормилица, собрав разные лечебные травы да добавив к ним соков, растирала Зухру и приводила ее в чувство. Та же, приходя в себя и не обнаруживая рядом Тахира, опять теряла сознание. Глаза, еще недавно сверкавшие что звезды, потускнели, и

кормилица всерьез стала жалеть о том, что поведала Зухре всю правду.

Приходя в себя, Зухра подходила к окну, вновь и вновь устремляя взор на бескрайний и полный коварства мир. Однажды она увидела путника, певшего любовные ийнары Тахира. Услышав их, Зухра опять разволновалась, расплакалась, стала рвать на себе одежду. Служанки и кормилица бросились успокаивать, утешать ее, но от жалости к ней сами не смогли сдержать рыданий.

Не лучше приходилось и скитальцу Тахиру. Бездомный и несчастный, он бродил вдали от ханского дворца, распевая свои ийнары на караванных путях. В один из дней он прибыл ко дворцу Зухры и, остановившись под ее окном, стал петь, чтобы она узнала своего возлюбленного:

Хоть взглядом одари меня, Зухра,
Ведь ты ко мне всегда была добра.
Ну что поделать, если ты забыла
То слово, что давала лишь вчера!

О друге, чей рассудок не вернуть,
Слыхала ты хотя бы что-нибудь?

Судьба тебе, как видно, не позволит
Соединить с возлюбленным свой путь.

Тахир-бродяга вновь нашел твой дом,
Во тьме стоит он под твоим окном.
Послушай же, Зухра моя, послушай, –
О чувстве я спою тебе своем.

Весенний сад мой – век тебе цвести!
От черных глаз мне душу не спасти...
Одно лишь красноречие – мой спутник,
Товарищ мой в неведомом пути.

Моя ты радость! Хоть на миг приди –
Я ничего не вижу впереди.
Яви свой свет и нежным словом снова
Пылающее сердце остуди.

Приди, мой олененок! Звук шагов
Твоих – меня избавит от оков.
Тахир, слуга твой верный, не дожидется
Тебя: вокруг него полно врагов.

Пусть их, зверью подобных, и не счесть,
Решаюсь я подать сегодня весть
О том, что лишь к тебе душа стремится,
Одна лишь ты на свете этом есть.

Ты – как заря, что свет дарует дня.
Прошу, открой мне дверь,пусти меня,
Враги вовек не смогут нас настигнуть –
Звенит свобода, нас к себе маня.

Коль здесь есть та, которую люблю,
Поймет она, что я в душе коплю?
Оценит ли возлюбленной душою,
Какую муку ныне я терплю?

Зухра, услышав голос Тахира, бросилась
к окну. Кормилица попыталась ее удержать:

– Вот увидят те враги, которых помянул
Тахир, и замучат вас обоих!

Зухра, однако, не вняла ее мольбам, вы-
глянула из окна и пропела:

Я не свободна – связана судьбой!
Не согрешила я перед тобой.
Я точно так же, как и ты, страдаю,
В душе давно не пение, а вой.

Пылает рана в сердце у меня.
Устала я от этого огня.
Спросил бы, как я мучаюсь, терзаюсь,
Тот день, когда расстались мы, кляня!

Тахир, моя душа! Мне нет пути,
 Но я готова в жертву принести
 Саму себя, я умереть готова,
 Тебя бы лишь от горести спасти.

Тахиру, когда он увидел и услышал Зухру, стало так дурно, что он едва не потерял сознание. «За что Аллах сотворил меня таким несчастным?» – безмолвно жаловался он воде и камням. Немного придя в себя, он пропел:

Тахир готов в честь высшего Творца
 Свет воспевать любимого лица,
 Но ныне услышал слова такие,
 Что трудно им поверить до конца!

Впрочем, в песнях Тахира много говорилось и о «Зухре несчастной». Слыша эти слова, она еще яснее поняла всю безысходность своего положения. В самом деле, кто в мире несчастнее ее! Таковы они оба – Тахир и Зухра.

Много сказали они друг другу печальных слов. «За что нам такое наказание!» – воскликнул Тахир. Зухра поведала ему о том, что слышала от кормилицы, и на протяжении все-

го рассказа жемчужные слезы обильно стекали ей на грудь.

Тогда-то и застали их враждебные злобные взгляды: ее – у окна, его – под окном. Кто-то поспешил донести об увиденном Арапу, а тот, в свою очередь, сразу же доложил обо всем хану. Но завистливое окружение хана и без того успело обо всем донести, вызвав у него новый приступ гнева.

Арап словно масла подлил в огонь: гнев всемогущего хана утроился. Он срочно отправил за Тахиром своих стражников. Когда те прибежали, Тахир и Зухра все еще вели между собой беседу. Стражники вмиг окружили Тахира и схватили его. Он же, не отрывая взгляда от Зухры, повторял и повторял ее имя.

Тахира доставили к беснующемуся хану: в тупой ярости и бессмысленной злобе он не находил себе места.

Слову хана кто посмеет возразить?
Правоту свою никто здесь не докажет.
Его суд готов и слабого разить,
Доброту всегда насилие накажет.

Это верно, что туманна ханов речь:
Всех их некто от правдивости избавил,

Верность клятве не должны они беречь –
Обитает в душах их незримый дьявол.

Да, незримый дьявол в душах их живет
И всегда казнить добро повелевает:
Их всесилие – не милости оплот,
Их бессмертье – смерть других предполагает.

Каждый хан, кичась своим златым дворцом,
Справедливейшими мнит свои решенья.
Он всегда укрыт за дьявольским щитом,
И черны в его руках бразды правленья.

– Эй, головорезы! Немедленно сюда! – закричал хан. – Казните этого ослушника! Голову ему с плеч! Бейте в барабаны, созовите народ, и пусть все, кто ему сочувствует, узнают наконец, что пощады от меня никто не дождется!

В тот же миг все визири распластались перед ханом, целуя золотые полы его халата:

– Оставь на сей раз судьбу этого несчастного нам!

Из их возгласов было ясно видно, что им очень жаль сына покойного визиря Бахира, и хан поумерил свой гнев:

– Ладно, будь по-вашему. На этот раз пусть избежит смерти! Я пощажу его в вашу честь. Немедля гоните его в город Мардин, заточите там в темницу! А если он когда-нибудь вздумает вернуться, то слово свое я сдержу – велю палачам отрубить ему голову.

Так визири, помнившие отца Тахира, вырвали его из рук палачей. К нему по обе стороны приставили охрану и отправили его в далекий город. Дорога в изгнание проходила и мимо дворца, в котором томилась Зухра. Когда охрана повела его рядом с ним, сердце Тахира учащенно забилось, а глаза обратились к заветному окну. С пылающим лицом, с трудом переводя дыхание, он выговорил такие строки:

Мы дружбе от рождения верны,
В любви друг к другу нежности полны,
Но нас с тобой сегодня разлучают...
Будь проклят тот, кто наши рушит сны!

Меня схватить отец твой повелел,
Изгнанье – мой единственный удел,
Но запретить душе с тобой остаться
Меня взнуздавший деспот не сумел.

Душа моя томится и болит
 Из-за вражды, несправедных обид,
 И вряд ли пребывание в разлуке
 С любимой мне душу исцелит!

Пусть тяжелы оковы на ногах,
 Желание не ввергнуто во прах:
 Возлюбленный всегда готов вернуться
 К любимой, несмотря на боль и страх.

Хан душу мне терзает день и ночь,
 Пьет кровь мою, и некому помочь.
 Прошу тебя, Зухра моя, запомни,
 Что я скажу пред тем, как мчаться прочь.

Судьбою я в далекий путь гоним,
 Печаль и грусть – вот все, что вслед за ним.
 Как видно, нам судьба велит расстаться,
 Чтоб врозь глотать разлуки горький дым.

Когда-то мы одну сосали грудь
 И доводилось рядом нам соснуть.
 Когда-то мы клялись не расставаться,
 И путы не страшили нас ничуть...

Коль будешь в крепость ты переезжать
 И встретишь по дороге мою мать,

Которая, конечно, пожелает
Хоть что-то о судьбе моей узнать, —

Скажи ей обо всем, что сотворил
Со мною хан, как «щедро» одарил!
Прошу тебя, почтительна будь с теми,
Кто бедному Тахиру был так мил!

После этих слов окно во дворце распахнулось, и Зухра, помутившимся взглядом посмотрев на возлюбленного, напутствовала его такими словами:

Коня, Тахир, не сам ты оседлал —
Ты злую долю пленника познал,
Но тем сгубил Зухру свою родную,
Живьем ее ты в землю закопал.

Охранники с тебя не сводят глаз,
В руках же золотой ты держишь саз.
Тахир мой, пусть цветы перед тобою
Повсюду раскрываются тотчас!

Пускай удача будет твой оплот,
А спутником Хизир-Ильяс идет.
Коль загрустить когда тебе придется,
Зухра пусть соловьем тебе споет!

Заброшен будешь в дальние края –
 Тебя оборонит любовь моя.
 Одно, Тахир, мне не дает покоя:
 Совсем одна, как справлюсь с горем я?

Скованный цепями по рукам и ногам Тахир, чье сердце пылало от любви, а лицо – от степных ветров, отправился в путь изгнанника. Проехав изрядно, он вновь обернулся: Зухра, высунувшись из окна, застыла, провожая любимого взглядом. Густые ее волосы расплелись, и их развеивал ветер. Тихо позвякивали оковы на руках и ногах Тахира. Терзаемый горькой участью, он сказал:

Вослед мне направляя горький взгляд,
 Ты слезы льешь, и так они горят,
 Что с легкостью умножить могут вдвое
 Отчаянье, которым я объят.

Родной мой кров остался вдалеке.
 Где песнь любви? Пою лишь о тоске.
 Где те цветы, которые в счастливом
 Саду срывали мы, рука в руке?

Дни беззаботных игр и беготни,
 Уроков первых трепетные дни,

Что единенье душ нам даровали, —
Увы, бесследно канули они!

Мы родились в один и тот же час,
Кормилица одна была у нас...
Душа моя, Зухра моя, сегодня
Я ранен видом слез из милых глаз!

Слова любви не в силах нам помочь,
Дни поглотила мертвенная ночь.
Навеки нас теперь лишили счастья,
И солнце навсегда умчалось прочь.

Любви напиток вместе довелось
С тобою нам испить; и вот пришлось
Нам испытать вдвоем с тобой иное —
Безумство мира, блажь его и злость.

Зухра моя, черничные глаза!
Теперь, когда вокруг гремит гроза,
Будь умницей — смирись перед судьбою:
Не сломится, кто гибок, как лоза.

Тронутые роковым положением Тахира, охранники и те не смогли сдержать слез жалости. Даже вконец окаменевшие души таяли

от слов Тахира, которые поневоле заставляли испытывать к нему сочувствие. Каждый готов был поклясться, что дотоле не ведал подобной любви и не слышал таких проникновенных песен. Охваченный безграничной любовью, Тахир обратил взор к небу, затем прикрыл глаза, раскинул руки и, обратясь в сторону Мекки-Медины, сказал широко раскинувшейся степи:

– О Создатель, я иду по тропе произвола! Даже охранники, чьи сердца подобны камню, оплакивают мое горе! Что мне делать, разлученному с бедной моей матерью, с детства любимой Зухрой? Мир произвола поверг меня наземь... Аллах великий, неужели ты не видишь моих страданий, страданий душ, Тобой сотворенных? Или наша любовь тебе досаждает? За какие прегрешения, о Аллах, послал Ты нам эти муки?

Охранники, ведшие Тахира в Мардин, томимые стыдом и жалостью, отводили взгляд от бедного юноши, но ничем не могли ему помочь. Мир перед измученным Тахиром словно опрокидывался, ему казалось, что дрожит земля, рушатся села и города, и в этом светопределении перед его взором возникала несчастная Зухра, тщетно ищущая своего Тахира.

Путь, длившийся семь дней и семь ночей, пришел, наконец, к завершению: миновав опасные леса и крутые горы, они вышли к широкой степи и вскоре достигли Мардина. Расспросив жителей, нашли в этом городе темницу и препроводили в нее бедного Тахира. Когда охранники стали собираться, он сказал им напутственные слова:

— Доброго вам пути! Не зная невзгод, возвратитесь к себе домой и всем передайте привет от узника Мардина. Скажите Зухре, чтобы помнила заветные слова! Да не изгонит она из своей памяти несчастного узника мардинской тюрьмы!

Семь дней и семь ночей спустя охранники достигли ханского дворца, вручив хану свидетельство о доставке узника и рассказав о выполненном поручении. Хан, наконец, успокоился, сердце у него поостыло.

А несчастный Тахир сидел в мардинской темнице, терзаясь своей горькой судьбой да памятью о прекрасной возлюбленной.

Из темницы на волю он переправлял свои любовные стихи, и люди, читая их и перечитывая, становились соучастниками его любви. В их сердца одновременно вселялись и

жалость, и сладость. Стихи эти заучивались наизусть, как суры Корана, настолько близки они были сердцам людей. Тех же, кто терзал и мучил влюбленных, все осыпали проклятиями.

Семь лет длились страдания Тахира, который и в бреду не переставал твердить имя милой Зухры. В один из дней сложил он такие стихи:

Он настанет ли, миг, чтоб увидел я снова
 Ненаглядную радость – Зухру?
 Мое сердце от муки несносной готово
 Славить день тот, в который умру.

Он настанет ли, день, чтобы вестники света
 Помогли этот мрак разломать?
 И дождутся ль когда те молитвы ответа,
 Что давно вознесла моя мать?

Он настанет ли, день, чтоб сбылись все молитвы,
 Чтобы ясным мой сделался путь?
 Я дождусь ли, чтоб, светом небесным облиты,
 Все печали покинули грудь?

Я дождусь ли, чтоб зажили гнойные раны
 От оков, истязавших меня?

Чтоб Аллахом наказаны были тираны –
Я дождусь ли подобного дня?

Я семь лет уже узник, измучился очень,
Сил осталось, быть может, на стон.
Высоки эти стены, и камень их прочен,
И со всех они встали сторон.

Моя радость, Зухра! О глазах твоих милых
При рождении каждого дня
Вспоминаю... вот только писать уж не в силах –
Ведь рубашка моя из огня.

Что пришлось мне испытать без тебя, так похоже
На горячую алую кровь...
Начинается день – и печаль моя тоже,
Как заря, разгорается вновь.

Однако Тахир и в темнице не терял надежды, он всячески старался сам себя вдохновить и поддержать. Сколько бы ни отнимал у него сил мрак темницы, они вновь и вновь возвращались к нему. Поэтому железо оков не перерезало ему ноги, а уверенность в том, что все переменится, не иссякала, а множилась. Снова и снова звучала его песнь:

Не плачь, душа, хоть свет не мил,
 День гаснет – новый возгорит.
 Тот, кто печалью наделил,
 Глядишь, и счастьем наградит.

Не плачь, душа моя, поверь:
 Уйдет все то, что ввергло в прах,
 И тот, кто запер эту дверь,
 Ее откроет, даст Аллах!

С тех пор, как Тахира сослали в Мардин, Зухра стала вянуть, как цветок, попавший в заморозок. Она таяла каждую ночь, как восковая свеча. Редкий день обходился без того, чтобы она не проливала слез, смешанных с кровью. В краткие минуты просветления она вспоминала о Тахире, положив голову на колени кормилице, которая тщетно пыталась утешить несчастную словами, полными любви и участия.

Пытаться утешать влюбленных – это вздор,
 Беспомощен и пуст подобный разговор.
 Коль рядом нет того, на ком весь свет сошелся,
 Не выручит ничем словесный этот сор.

Так шло время. Каждый раз с приходом весны сад одевался в нежный зеленый наряд, и тогда Зухра ходила с подружками по тропкам, по которым некогда ступал и возлюбленный Тахир. Она обретала какое-то успокоение, когда касалась ветвей, знавших прикосновения руки любимого, прижимаясь щекой к камням, которые, казалось, хранили тепло его рук. Когда же наступала осень и начинали нещадно хлестать ветры предзимья, Зухра опять впадала в тоску и уныние. Снова и снова она смотрела из окна дворца на дорогу, мечтая получить от Тахира хоть крохотную весточку. Когда очередной караван поравнялся с дворцом, Зухра обратилась к купцам с зыбкой надеждой:

Как знать, не ваш ли караван
Даст исцеление от ран?
Быть может, от Тахира весть
Несете вы из дальних стран?

Среди караванщиков был один сладкоголосый певец. Услышав голос Зухры, он взял свой кобуз и пропел в ответ:

Да, наш торговый караван
 Пришел сюда из дальних стран,
 Но кто такой Тахир? О нем
 Ответ не будет нами дан.

Караван направлялся в Мардин, куда и прибыл через семь дней и ночей. Он остановился на площади, неподалеку от темницы, в которую был заключен Тахир. Ночью, когда караванщики принялись за трапезу, из недр темницы донесся жалобный голос. «Что это, кто там говорит?» – стали вслушиваться караванщики. А Тахир через решетку обратился к приехавшим издалека с такими словами:

Вот караван, и я смущен:
 Из дальних стран явился он.
 Меня же тешит только саз –
 Ведь я с Зухрою разлучен.

Певец, что был в караване, взял кобуз и ответил Тахиру так:

Печалью сердце мне не рви –
 Оно от жалости в крови.
 Скажи мне, как сюда попал,
 Свое мне имя назови.

Т а х и р

Несчастный – так меня зовут.
Страданья душу мне гнетут.
Зухру вам встретить не пришлось?
Ее я дух почуял тут.

П е в е ц

Тебя томить мне смысла нет,
Я сразу дам тебе ответ:
В пути встречали мы Зухру,
И шлет она тебе привет.

Услыхав имя любимой, Тахир потерял сознание. А когда очнулся и посмотрел на площадь, то лишь тлеющие угольки оставались от костров каравана. Слезы застилали его глаза, и он, полагая, что караванщики снова могут встретить по пути Зухру, с тоской сказал: «Стать бы мне одним из верблюдов этого каравана! Повидал бы тогда свою Зухру... Хоть диким зверем стать готов, лишь бы рассказать ей о своей сердечной тоске и тут же умереть!» И вознес Тахир молитву:

Аллах, всю глубь сердечной муки
 поймет ли кто-нибудь, как Ты;
 поймет, как Ты, всю боль разлуки,
 тоску бессонной маеты?

Семь лет вокруг меня темница,
 мне остается только вой.
 Душа гнетется и томится,
 но у надежды – облик Твой.

Я без родных камней тоскую,
 семь лет в тиши я гробовой
 сижу – и солнца лишь взыскую...
 но у надежды – облик Твой.

Юсуфа вызволил Ты, знаю,
 что в заточенье был томим;
 того, кто стал так близко к краю,
 пророком сделал Ты Своим.

Жунуса, что в китовом чреве
 томился сорок лет, Ты спас...
 не плевел я в Твоем посеве,
 будь милосерд и в этот раз!

Помолившись, Тахир лег и уснул.

Певец из каравана, узнавший историю Тахира и Зухры, вернулся все-таки обратно и дал тюремщику большие деньги, чтобы тот отпустил Тахира. Он сам мучился из-за несчастной любви, и потому состояние Тахира было ему близко и понятно. Измученному Тахиру спросонья показалось, что к нему явился сам пророк Хизир, и он поклонился, приветствуя нежданного посетителя темницы. Певец, разделявший душевную боль Тахира, пропел:

Не плачь, не надо плакать, брат!
Близка мне боль твоя, Тахир:
Когда с любимой разлучат,
Холодным делается мир.

Мне тоже муки не снести,
Я тоже в горе – с головой...
Что может в мире нас спасти,
Что помогло бы нам с тобой?

Но – люди мы, не дети тьмы,
И если кто-то ввергнут в ночь,
К нему спешим отважно мы,
Стараясь чем-нибудь помочь.

Помолчав, он добавил:

– Тахир, твои муки заставили меня вернуться. Даст Аллах, увидишь свою Зухру, насладишься мгновениями любви. Может, и обо мне когда-нибудь вспомнишь. Меня зовут Келулан.

С этими словами он взглянул на тюремщиков, которые тотчас сняли с Тахира цепи. Узник воспрянул духом и встал на ноги.

– Поторопись, – сказал Келулан, выведя Тахира из темницы и указывая на быстроходного верблюда, стоявшего на улице в ожидании. – Полезай, Тахир, не медли. Бедная Зухра в ожидании тебя чуть не ослепла от слез...

Счастливый Тахир, предвкушая встречу с любимой, даже не знал, как благодарить своего нового друга.

Могучий верблюд за семь дней и ночей привез Тахира к золотому дворцу. Как раз начинал алеть восток. Тахир слез с верблюда, припал к родной земле, его впалые щеки ощутили прохладу родного края. Окна дворца были закрыты. Тахир, встав под окном, пропел:

В рассветный сон погружена,
Проснись, проснись, моя Зухра!

Сон – это дивная страна,
Но ты покинь ее, пора!

Мягка, пышна твоя постель,
Сон сладостней, чем этот мир...
Совсем забыт тобой ужель
Изгнанник, мученик Тахир?!

Семь лет темницы, горя, мук;
Семь лет – как семь ступеней вниз...
К тебе пришел твой верный друг,
Проснись, душа моя, проснись!

Тахир пришел, как встарь, влюблен,
Измученный, к стене приник...
Как по тебе томится он,
Как жаждет твой увидеть лик!

Преодолел он сто дорог –
И вот, оковы сбросив с рук,
К тебе прийти свободным смог...
Проснись, Зухра, проснись, мой друг!

Зухра накануне вечером долго беседовала с кормилицей, и было уже очень поздно, когда она, помолившись, отошла ко сну. Пока Тахир пел свои стихи, Зухра пребывала во

власти сновидений. Ей снилось, что железные оковы разорваны, железные двери сокрушены, а Тахир, обратившись в орла, вылетел из темницы. Тотчас развеялись черные тучи, и небо вновь засияло синевой. Зухра, обернувшись белокрылой горлицей, тоже взлетела в синее небо. Теперь они были вместе и вдвоем наслаждались свободой. Тахир вдруг взмыл вверх, и Зухра полетела вслед за ним. Затем она увидела всадника, мчавшегося по небу на вороном коне, и в нем опять узнала Тахира. Камча, которой он взмахивал, порождала сверкающие молнии, а стук копыт был подобен грому. Испарина его коня предстала проливным дождем. Молниями были и искры, которые высекали копыта вороного. Из ноздрей коня вырывались черные тучи. Вот сейчас Тахир, миновав одну из гор, окажется у дворца...

Но что это?! Черная гора внезапно раскололась надвое, и Тахир провалился в бездну... О-о...

Зухра с ужасом пробудилась от кошмара. По лбу стекали струйки холодного пота. Вдруг ее как подбросило – она услышала под окном знакомый голос. Распахнула окно, а там – какой-то истощенный оборванец. Зухра

не смогла его сразу признать, настолько исказили любимый и знакомый облик Тахира те семь лет, что он провел в мардинской темнице. Но вскоре сердца, истерзанные разлукой, узнали друг друга, Зухра в мгновение ока оказалась рядом с любимым и стала вытирать его слезы нежными ладонями. Тахир гладил ее лицо, волосы, прижимался лицом к ее рукам. Невозможно передать, как счастливы были они в эти минуты. Глядя на них, прослезилась бы и дикие звери.

Опомнившись наконец, Зухра вынесла из дворца пригоршню золотых монет и вручила их Тахиру:

– Приведи себя в надлежащий вид, соловей мой измученный! Навести свою бедную мать, порадуй ее. И постарайся не попадаться на глаза своим врагам. А о времени и возможности свидания я тебя извещу.

С этими словами Зухра проводила Тахира потайным ходом, а тот, простившись с ней и удаляясь от дворца, поминутно оглядывался. Наконец он разыскал свой небогатый дом, но двери его оказались запертыми изнутри. Он постучал.

– Кто ты? Чего тебе надо? – услышал он голос матери.

Дверь наконец отворилась, но старая Хубан не сразу признала в незнакомце своего сына. Лишь голос его не изменился, и, обрадованная, она обняла многострадального Тахира. Проплакавшая все глаза, она была вне себя от страха, что сына вырвут из ее объятий. Опасаясь, как бы кто его не увидел, она даже не отпустила его в баню: сама его помыла, а затем подала одежды, что так долго его дожидались. Мать усердно потчевала сына, а Тахир рассказывал ей обо всех злоключениях, испытанных им за годы разлуки. Мать то плакала, то смеялась. Так они провели какое-то время.

В один из дней Зухра написала Тахиру письмо и вручила его кормилице:

– Передай это моему Тахиру...

Письмо было доставлено без промедления. «Тоскую по тебе, хочу увидеться, приходи во дворец, когда все уснут. И не забудь свой саз, мой любимый», – вот что было написано в послании Зухры. Не находя себе места от радости и волнения, Тахир в то же время испытывал и приступы жгучей тоски. «Неужели Аллах не дарует мне даже этих мгновений счастья?!» – думал Тахир, для ко-

того часа, остававшиеся до желанного свидания, тянулись так же мучительно долго, как годы пребывания в Мардине. Он часто выходил и смотрел на солнце. «Неужто ты остановило свой ход? – мысленно вопрошал он его. – Может быть, я твой давний должник?» Наконец наступили долгожданные сумерки. Скоро весь мир погрузился в умиротворенную тишину. Тахир взял саз и устремился ко дворцу Зухры.

Зухру не меньше Тахира истомило мучительное ожидание. «Что-то задерживается любимый, не видно его на дороге», – терзалась она. Наконец в лунном свете показалась фигура человека, и по походке Зухра узнала родного Тахира. Вот он подошел к самому дворцу, и их влюбленные взгляды как будто засветились во мраке. Они забыли все слова, что теснились в груди, и говорили друг с другом только взглядами. Затем Тахир тронул струны саза:

Не ты ль нежней мягчайшего руна?
Не ты ли света дивного полна?
Не ты ли в моем сердце поселилась,
Как ласковое солнце, как луна?

З у х р а

Зари моей желанной нежный свет,
Тебя прекрасней в целом мире нет.
Тахир, навек в душе ты поселился,
Ты – властелин мой до скончанья лет.

Т а х и р

Моя ты двухнедельная луна!
Твоя душа луной освещена.
Душа моей души, тебе я в жертву
Был рад бы принести себя сполна.

З у х р а

Тебя из сотен тысяч изберу,
Души моей лекарство! Я умру,
Коль снова ты исчезнешь вдруг из виду,
Оставив свою бедную Зухру!

Много ийнаров прозвучало в ту ночь. На рассвете Тахир ушел к своей матери. Прошло несколько дней, показавшихся вечностью. Тахир ждал новой весточки от возлюбленной – и дождался: кормилица принесла очередное послание. «Тахир мой, приходи ко мне после вечерней трапезы. Буду тебя ждать!» – вот что в

нем говорилось. И вновь остановилось солнце над Тахиром, опять мучительно долгими показались часы, отделявшие от счастливого мгновения. Когда Тахир тенистой тропкой пришел к возлюбленной, та раскрыла окно и сбросила вниз сплетенный из шелковых нитей канат. С его помощью Тахир поднялся, и вновь, как в первый миг после семилетней разлуки, полноводно разлились мгновения любви, но радость вскоре сменилась грустью. «До каких пор мы будем прятаться, неужто этому не будет конца?» – думал Тахир. Заметив, что Зухра обеспокоена его настроением, он взял свой саз и пропел:

Пожалуй, слов на свете нет,
 Чтоб ключ найти к сердечным тайнам.
 Неужто не узрим мы лет,
 Когда счастливыми мы станем?

Зухра, проникнувшись его грустью, ответила другу так:

Ты прав, что слов на свете нет,
 Чтоб ключ найти к сердечным тайнам.
 Кто ж будет очевидцем лет,
 Когда счастливыми мы станем?

Сорок дней продолжались эти свидания, сорок дней звучали любовные ийнары и сияла бескрайняя радость встреч. Забывались печали и горести, и они вновь и вновь вместе встречали свет нового утра. Томила их только разлука, и когда Тахиру пора было уходить, Зухра, обнимая возлюбленного, просила его задержаться.

Однажды Тахир, отвечая на расспросы матери, рассказал ей о ночных свиданиях, о канате, с помощью которого он взбирался к возлюбленной. Мать встревожилась:

– Сынок, ты знаешь, как много у тебя врагов... Не ходил бы больше во дворец! Лучше встречайтесь в каком-нибудь другом месте...

Мир устроен так, что у друга есть друг, а у врага – враг, но все переменчиво, все готово обернуться своей противоположностью. Как зима сменяется летом, как ночь сменяется днем, как мраку противостоит свет, так же происходит извечная борьба между добром и злом. Если у Тахира и были друзья, то уж врагов было намного больше. Если бы его отец, бывший визирем у Бабахана, не умер, то, возможно, тех, кто желал ему зла, было бы меньше. Но Тахир был одинок – у бедняков

нет родственников. И все свои дни проводил в познании мудрости ушедших, за чтением хадисов.

Ночью, накануне которой прозвучало предостережение матери, ему приснился сон: он направлялся к Зухре, и вдруг его со всех сторон окружили четыре черных оскалившихся пса. Тахир пытался убежать от них, но из этого ничего не вышло. Все четыре пса набросились на него...

Проснувшись в холодном поту, Тахир сотворил молитву. И вспомнил: «После подобного кошмара меня отправили в мардинскую тюрьму... Что-то ждет нас теперь? Видно, враги нас уже выследили...» После этого Тахир несколько дней не показывался к Зухре.

Тахир оказался прав в своих предположениях: Арап и в самом деле проведал о тайных свиданиях влюбленных. Он подыскал в саду укрытие и стал оттуда выслеживать Тахира. В одно из свиданий, состоявшееся в полнолуние, Арап наконец увидел Тахира, взбиравшегося по канату, и стал дожидаться его возвращения. Убедившись, что это действительно Тахир, он бросился к хану.

– О мой господин, великий хан! Дурные дела совершаются во дворце – дела, оскорб-

ляющие твою гордость, твое ханское величие. Твой враг, посмевающий вернуться в город, опять оскверняет золотой дворец... Тахиром кличут этого злодея – он дерзнул послушаться тебя и опять тайно встречается с Зухрой... О, всемогущий наш хан, поправший своею пятой многих врагов, неужели ты не найдешь управы на этого ничтожного Тахира? Нет слов, как сильно оскорбили твою честь Тахир и Зухра! Я даже не смею откровенно поведать о том, что творится между ними...

Взбешенный хан вскочил с трона и стал так колотить посохом об пол, что было слышно по всему дворцу.

– Эй, Арап! Повелеваю тебе... Если этот наглец вновь окажется в пределах дворца, немедленно схватить его и доставить ко мне! Если кто-нибудь увидит его и не схватит, то лишится головы!

Арап немедленно собрал стражников и расставил их в укромных местах.

И снова наступила лунная ночь. Вершины деревьев качались под порывами теплого восточного ветра. Вскоре весь мир погрузился в объятия тихой ночи. Несчастный Тахир, палимый неугасимым пламенем любви, забыл о предостережении матери и стал собираться.

Мать взмолилась: «Враг зорок, у него повсюду глаза, не ходи!» – но и это не могло его остановить. Он сам не заметил, как оказался возле дворца Зухры. Зухра сбросила ему канат, но в этот миг Тахир вдруг вспомнил свой сон, до его сознания дошли наконец слова матери, его одолели сомнения, и он не стал подниматься. Некоторое время они так и смотрели друг на друга: Зухра сверху, а Тахир снизу. Истомившись от ожидания и видя, что Тахир не торопится подниматься, Зухра сказала ему:

Моей усладой был бы ты,
Пускай бы мне грозил весь мир!
Ты медлишь – разве теплоты
Твоей лишилась я, Тахир?

Т а х и р

Повил бы день могильный мрак,
Лишись моей ты теплоты.
Но, чу! Следит за нами враг,
И зря меня торопишь ты.

Услышав это, Зухра сама почуяла недоброе и заплакала. В предчувствии неминуемой

разлуки загрустил и Тахир. Сердце у Зухры билось, как птица, угодившая в силки, а жемчужные слезы тяжело падали ей на грудь. Невольники жестокой судьбы тянулись друг к другу, но между ними словно разверзлась пропасть.

А тем временем к ним подкрадывались те, кто уготовил им суровый капкан. Они еще не решались на роковой шаг – у них пока не было приказа.

И вдруг... Загремел барабан произвола! Засверкали мечи и копья, готовы были засвистать смертоносные стрелы. Увидев ханских стражников, Зухра, забыв о своих слезах и думая только о том, как бы спасти Тахира, обратилась к нему со словами:

Тахир, спешу тебя я остеречь!
 Вложи скорей обратно в ножны меч –
 Ведь это стража хана, не иначе,
 Не торопись свой гнев в их кровь облечь.

Ты лучше подошел бы к хану сам –
 Порой не вредно кланяться врагам.
 Коль нет на свете милости к влюбленным,
 Я в жертву за тебя себя отдам!

Настанет новый день, коль будешь цел.
Да кто б свалить влюбленного посмел!
Ведь есть же что-то, что меча острее, —
Смиреньем облегчишь ты свой удел!

Пускай язвит страдальческий венец,
Когда-нибудь всему придет конец.
Для нас настанет миг соединенья —
Давал же в этом клятву мой отец!

Сама сейчас отправлюсь я к нему,
Любовь свою до солнца подниму.
Коль он услышит клятвенное слово,
У всех врагов тебя я отниму!

Тахир внял словам Зухры и вложил меч в ножны. Но, видя безнадежность своего положения и усомнившись в исполнимости наивного желания Зухры, он сказал:

Мужчине верить в женские слова?
У них всегда непрочная основа.
Порой от них кружится голова,
Но кто из женщин сдерживает слово?

З у х р а

Тахир, не говори речей таких –
Все меж собою женщины не схожи.
Найдется и такая среди них,
Чье слово золотым предстанет тоже!

Увидев, что Тахир вложил меч в ножны и склонил голову, хан подъехал к нему вплотную. Тахир, сняв ножны, протянул их хану. Тот велел своему визирю принять оружие Тахира. Когда приказ был выполнен, хан злобно ухмыльнулся и сказал:

– Слушай меня, глупец! Я растил тебя как сына, а ты из близкого стал врагом. Если бы потерпел еще малость, я, возможно, и выдал бы за тебя Зухру. Имел бы терпение – заслужил бы все мое ханство. А теперь – руки за спину! Да поумерь свой воинственный пыл.

Тахир послушно завел руки за спину и еще ниже склонил голову.

– Слышишь, Тахир! Если стражники не против, я хотел бы лично сковать тебе руки! Не возражаешь? – с этими словами хан спешился и, получив от визиря оковы, надел их на запястья Тахира. Затем он снова уселся в

седло и пнул Тахира ногой, толкая его в руки стражников. Пленника приторочили к седлу и увезли прочь, а хан вернулся в свой золотой дворец. Вскоре он пригласил к себе стражников, приказав привести и Тахира.

– Лишите головы этого бесстыжего наглеца! – приказал Бабахан.

Но воители, все еще помнившие Бахира, вновь пали перед ханом ниц и стали наперебой его умолять:

– О, великий хан Востока! Ради тебя мы готовы лишиться жизни кого угодно, мы сами готовы лишиться своих голов! Но только не губи Тахира, не верь словам подлеца Арапа! Такие храбрецы, как Тахир, еще не раз понадобятся нашему ханству. Не отнимай у него жизни, всемилостивейший хан! Не губи, даже если бросишь в темницу! Не убивай доблестного Тахира!

Хан опять вспомнил о словах своей супруги и повернулся к визирям. Те, кланяясь, попятились назад. И тогда Тахир, звеня цепями на ногах, выступил вперед и сказал:

Не черные ли к нам явились дни,
Коль хан и тот сдержать нет может слово?

Покинуть мир, что лишь цепям сродни,
Должна ль душа Тахира быть готова?

Не то ли время ныне к нам пришло,
Когда любовь коварством придавило,
Когда добро повержено, а зло
Гордится тем, что служит ему сила?

Ужель того, кто ханом был пленен,
Освободить бы он не согласился?
Ужель простить того не в силах он,
Кто, голову склонив, к нему явился?

Коль мне велят предаться палачам,
Приказу я перечить не посмею —
Я голову свою на плаху сам
Не положить, конечно, не сумею.

А если б вновь увидел я Зухру,
Была бы в этом истинная милость —
Душа б за миг пред тем, как я умру,
Ее чертами снова насладилась.

Тогда мне под топор или под меч
Свою подставить шею было б просто.
Как эта голова лишится плеч,
Пусть видят все, кто встанет у помоста!

Мать Тахира, вдова первого визиря Бахира, была в свое время одной из самых уважаемых женщин при ханском дворе. Долгие годы она дружила с ханшей: они одновременно познали радость обретения детей и делились друг с другом своим счастьем. При жизни Бахира и Бабахан с почтением обращался к этой женщине, уважая ее как жену своего визиря. Но дружба эта, до поры не знавшая никаких изъянов, пошла прахом, когда умер Бахир, а Тахир и Зухра полюбили друг друга. Не в силах стерпеть наступившее охлаждение, Хубан отдалилась от двора.

Когда Тахира впервые заковали в цепи и отправили в Мардин, несчастную Хубан так и не допустили к хану. На этот раз ей удалось прорваться сквозь стражу, пройти к владыке и пасть к его ногам. При визирях и вооруженных стражниках она сказала такие слова:

Коли внемлешь, властелин, моим словам,
Душу в жертву я тебе свою отдам.

Ты расставил сеть орленку моему,
Захотел обрезать крылья ты ему.

У тебя в ногах с мольбой лежит Хубан –
Пощади, уважь ее, почтенный хан!

Не губи дитя, убей взамен меня,
Да, убей, но не лишай сиянья дня.

Мухаммедом заклинаю я тебя,
Словом тем, что ты когда-то дал любя,

Милым обликом Зухры тебя молю,
А поручкой седину возьми мою,

Славным тронем я молю: не осуди,
Целым ханством заклинаю: пощади!

Даровавший счастье нам великий хан,
Пусть отбой головорезам будет дан!

Ты во имя всех несчастных, всех сирот
Отпусти орленка, пусть он поживет!

Ради хана что огонь нам, что вода?
Нас добру и злу лишь ты учил всегда.

Коль орленок угодил в силки любви,
Не казни его ты, а благослови!

Я молю: не месть, но милость выбирай:
Тот, кто милостив, заслуживает рай.

Не лишай орленка крыльев, пусть летит,
Пусть подругу с ним ничто не разлучит.

Для любви имеет меру лишь Аллах –
Пеленой она порой стоит в очах!

Разлученные нашли друг друга вновь,
Только хан разбить задумал их любовь.

Хан, не будь с решеньем черным слишком скор –
Погубить любовь не доблесть, но позор!

Ты орленка кровью руки не омой,
Пусть Зухра не станет девственной вдовой!

Много лет молил Аллаха ты о ней,
Ну а ныне с каждым днем ей все больней.

Много черных во дворце творится дел –
Ах, за что нам этот горестный удел!

При дворе твоём служу я с юных лет,
Помню дни, когда народу нес ты свет!

Был внимателен к отважным, к удальцам,
Понимая, что нуждаешься в них сам.

Неужели ныне дух твой так ослаб?
А быть может, ханом стал теперь Арап?

Целый мир ты покорял – смирялся он.
Может, сам теперь злодейством покорен?

Хан великий, всем стремившийся помочь,
Может, ты возненавидел даже дочь?

Для страны творивший мудрые дела,
Ныне жизнь не к палачам ли привела?

Слово клятвы ты с Бахиром разделил –
А сдержать его найти не можешь сил?

Ты б одумался! К тому препятствий нет,
Ведь от предков к нам дошел такой завет:

В этом мире могут править зло и ложь,
Но с собою ничего не унесешь.

Никому конца Вселенной не видать –
И бессмертным, будь ты трижды хан, не стать.

Не тверди и ты, что весь твой белый свет,
И не жди одних брильянтов да монет.

Не считай, что золотой твой вечен трон, –
Опасайся нанести Зухре урон.

Караваны с уймой жемчуга придут,
Но Зухре покой душевный не дадут.

Ложный мир, его богатства, трон и власть
Никогда не смогут, кажется, упасть.

Но на деле трон ничей не уцелел,
Ждет земля раба, царя – един удел.

И возлюбленный Аллахом, наш пророк, –
Умер тоже, от судьбы уйти не смог.

*Не уверуй ты в палаческий топор –
Многих ханов обманул он до сих пор!*

*Нам Аллах и Мухаммед смогли внушить:
Чтобы править хорошо, нельзя спешить!*

Не спеши, останься предан доброте, –
Мне же дай орленка видеть в высоте!

Слушая мудрые слова Хубан, хан и в самом деле возомнил себя мудрейшим из правителей. Его охватило приятное волнение, и ему захотелось немедленно освободить Тахира и выдать за него Зухру, чтобы обрадовать этим не только вдову Бахира, но и собственных воинов. Тряся бородкой и округлив глаза, хан осмотрелся вокруг. В эту минуту гневно зазвенели ожерелья из драгоценных камней на шее ханши, засверкали ее бриллианты и жемчуга, а сама она смертельно побледнела. На глаза хану не преминул попасться и Арап, суетливо сновавший между ханшей и стражниками. Этого было достаточно, чтобы лицо Бабахана опять сделалось суровым, а мимолетно посетившие его жалость и сострадание бесследно улетучились. Решительным взмахом руки он повелел стражникам увести Хубан с глаз долой. Те мгновенно схватили ее под руки и удалили из дворца. Хан, однако, не предал Тахира в руки палачам, а приказал бросить его в темницу.

В холодном мраке темницы Тахир провел три дня. А Зухра, не ведая, что случилось с ее возлюбленным, терзалась и плакала, не имея возможности покинуть дворец. Она хотела

встретиться с отцом, но тот велел передать ей: «В ближайшее время выдам замуж, так что пускай готовится».

На четвертый день хан приказать позвать плотников, которым повелел соорудить кладбищенские носилки, а на них водрузить большой сундук. В этот сундук надлежало затем поместить Тахира, запереть его и бросить в реку Шат.

Мастера исполнили волю хана. Посадили Тахира в сундук, заперли его и бросили в Шат.

Узнав о страшном повелении хана, Зухра и ее подруги как раз в это время подбежали к берегу реки. Увидев, как сундук с сильным всплеском погрузился в воду, Зухра потеряла сознание. Подруги с трудом привели ее в чувство, и она, спотыкаясь и падая, бросилась по берегу вслед за сундуком, уплывавшим по реке. Услышав горестные крики Зухры, скованный Тахир, собрав все силы, пробил головой крышку сундука и сказал Зухре такие слова:

Тоска мою сдавила грудь,
Уводит к морю горький путь,
Вовек не стать ему обратным,
Но ты, Зухра, счастливой будь.

З у х р а

Кто б мог любить тебя сильнее?
Моя ты радость с детских дней!
Судьбы решение – разлука,
Будь мужественным в споре с ней!

Т а х и р

Прошла пора счастливых встреч,
Свиданий радость не сберечь.
Как жаль, что подлому Арапу
Не отомстил мой острый меч!

З у х р а

Орлу с орлицею вдвоем
Не обозреть весь окоем...
Да сгинет этот мир проклятый –
Сердца влюбленных стонут в нем!

Т а х и р

Счастливым был бы наш союз,
Но краток срок любовных уз.
Мой верный друг, мой друг сердечный,
С тобой познал любви я вкус.

З у х р а

От скорби слепну я порой.
 «Дорогу к милому открой!» –
 Так не прикажешь произволу...
 Что станется с твоей Зухрой?

Т а х и р

Коль нас поток с тобой разнес,
 Что толку от горячих слез?
 Что толку от постылой жизни,
 Что проведем с тобою врозь?!

З у х р а

Умчалось лето прочь от нас,
 Счастливый месяц наш погас.
 Как я могу теперь не плакать,
 Когда пробил разлуки час?!

Т а х и р

Зухра, закатная звезда,
 Ты – ласк прозрачная вода.
 Любить другую не смогло бы
 Тахира сердце никогда.

З у х р а

Властитель сердца моего,
 В искусствах знавший торжество!
 В твоих руках Зухры уздечка,
 Тахир, – и больше никого!

Буйный Шат, ударяясь о желтые скалы и обрывы, уносил злосчастный сундук в сторону багдадских долин. Тахир, не погибший от голода и холода, полный любви и отчаянного стремления к жизни, по-прежнему грезил одной Зухрой. Через три дня он увидел в небе свободно парящих орлов и позавидовал им: им никто не мог воспрепятствовать увидеть его Зухру. В один из дней, глядя на них, он так обратился к этим свободным птицам:

Орлы, всегда парящие в зените!
 Узнайте, что теперь с Зухрой моей –
 Жива ль, здорова ль... К ней сейчас летите,
 Я буду ожидать от вас вестей.

Орлы, свободно в небе вы парите,
 Сверните по пути в чудесный сад –
 Пускай соединят с любимой нити
 Тахира, что уносит буйный Шат.

Орлы, вы ко дворцу ее летите,
 Где башни ожидают вас, остры, –
 Рассевшись там, подобны будьте свите
 Страдающей, рыдающей Зухры!

Широкие зеленые степи, по которым протекал Шат, принадлежали падишаху Гулу. По берегам сверкали его крепости и дворцы, окруженные зелеными садами. Зухра знала, что река, унесшая Тахира, течет среди этих садов. Она переписывалась с дочерьми Гула, поэтому и решила немедленно известить их о несчастном Тахире. Призвав к себе гонца, она, вручая ему изрядную мзду, сказала:

– Да будет твой конь резвее реки! Доставь моим подругам эту весточку.

– Тебе – счастливо оставаться, а мне – доброго пути! – сказал гонец и тотчас бросился в дорогу, подобно стремительному орлу. Зухра обращалась к подругам в стихах:

Подруги, шлю письмо в далекий путь:
 Пусть только радость вам стесняет грудь!
 (Отец ваш Гул, надеюсь, вас не выдал
 Насильно замуж за кого-нибудь?)

Письмо мое – сплошь деготь, а не мед,
 Такое вряд ли в голову придет:
 Отец мой заточил в сундук Тахира
 И в Шат швырнул – мол, пусть себе плывет!

Да, невзлюбил любимого отец...
 (Злодеями кишит его дворец!)
 О клятве позабыв, страдать заставил
 И – в реку его бросил наконец!

Сундук помчался – да и был таков.
 Сама я – как под тяжестью оков...
 Подруги, вы его не упустите,
 Когда достигнет ваших берегов!

Тахира ваша помощь пусть спасет,
 И окажите вы ему почет;
 Скажите на пиру в честь избавленья
 От бед, что для любви цена не в счет!

У горя одинаковы черты:
 Сегодня я горюю, завтра – ты.
 Все люди в этом мире неизбежно
 Несут свой груз невзгод и маеты.

Семь дней и семь ночей мчался, не отды-
 хая, всадник и, наконец, достиг пределов

дворцов падишаха Гула. В тот день он отправил своих дочерей на прогулку, приставив к ним старушку-служанку, чтобы та за ними присматривала. Всадник учтиво поздоровался с ней и сообщил о цели своего приезда. Служанка немедленно передала его слова господам, и те, вскрыв письмо, прочли слова приветия и просьбы Зухры. Девушки велели своим служанкам быть начеку и сразу же сообщить им, если что-нибудь покажется на реке.

Шат нес свои воды через бескрайние долины. Наконец среди его волн показался какой-то предмет, и служанки немедленно известили об этом дочерей Гула. Старшая из них сказала сестрам:

– Спойте кто-нибудь ийнара. Если в сундуке Тахир, он обязательно на него ответит – ведь он сам замечательный певец и мастер ийнара.

Когда сундук приблизился, самая сладкоголосая из сестер пропела:

Давайте, девушки, взлетим,
Над Шат-рекою воспарим:
Коль там плывет Тахир пригожий,
Мы возвратимся вместе с ним.

Дочери Гула призвали к себе пловцов и ныряльщиков, и те вытащили Тахира из воды. Красота юноши совершенно очаровала сестер. Они, как и просила Зухра, устроили той в честь его избавления от водного плена. Потчевали Тахира изысканными яствами и сладостями, облекли в красивую дорогую одежду. Никто из девиц не мог оторвать от Тахира глаз, все наперебой вздыхали и охали – так очаровал их Тахир. Одним словом, все дочери падишаха Гула влюбились в него и стали таять от этой любви. Не в силах сдержать чувств, старшая из них, Махим, пропела Тахиру такой ийнар:

Ты, как огнем, нас опалил
Красой неслыханной своей.
Сияешь – вынести нет сил,
Ты словно соткан из лучей.

Т а х и р

Мне в сердце самое проник
Твоих сережек дивный свет;
Запал мне в душу гордый лик –
Его прекрасней в мире нет.

Но если клятву мы даем,
То навсегда, не до поры,
И в сердце царствуют моем
Черты возлюбленной Зухры.

Лишь поздней ночью стихло празднество на берегу Шата. Дочери Гула отвели Тахира во дворец. Махим так написала Зухре: «Дорогая Зухра, дочь хана Бабахана, прими приветы от меня и сестер, и пусть сердце твое успокоится. Мы вызволили Тахира из вод Шата. Уважая тебя, постарались достойно исполнить твою просьбу. Если на то будет воля Аллаха, то для вас настанет счастливый день встречи. Ныне же главное – терпение. Дочь падишаха Гула Махим».

Махим вручила письмо старушке-служанке, а та передала его гонцу от Зухры. Быстроногий конь гонца, как птица, устремился в обратный путь. Достигнув ханского дворца, гонец передал письмо кормилице Зухры. Щедро вознагражденный, он откланялся и ушел. Зухра, волнуясь и плача, прочла письмо, после чего слезы ее стали мешаться со смехом. Она взяла свой золотой саз и пропела:

Всевышний в мудрости своей
Красой, не счастьем наградил.
Он создал равными людей,
Но жить по-разному судил.

Я пролила немало слез,
От горя почернев лицом.
Свободна ль я? Сказать всерьез –
Тюрьма прикинулась дворцом.

Что толку плакать? Не пойму.
Слезам Тахира не вернуть...
Слезами растопить тюрьму
Случалось ли кому-нибудь?!

Дочери падишаха Гула на сороковой день после спасения Тахира опять устроили праздник, а после этого обеспечили ему спокойную, безмятежную жизнь во дворце. Но Тахир ни на минуту не забывал о своей возлюбленной. Не радовал его дворец падишаха Гула – весь ум его был объят помыслами о Зухре.

Дочери Гула, влюбленные в Тахира, тоже не ведали покоя. Старшая дочь – Махим – открыто, средняя – Шахим – тайно, младшая – Шахумжан – в сердечной тоске, – все всегда стремились видеть Тахира, быть с ним рядом.

Каждая старалась привлечь его внимание.
Однажды Махим пропела ему такой ийнар:

Тахир, глаза твои – что смоль
И сердцу причиняют боль.
Зухра на свете не одна,
Других заметить соизволь!

Т а х и р

Любовь от внешнего порой
Нас ограждает, как корой.
Красивы вы как на подбор,
Но полон я одной Зухрой.

В другой раз и Шахим, блистая красотой,
села рядом с Тахиром и пропела:

Взгляни на семь чудесных кос,
Румянцем восхитись моим.
Пускай к Зухре душой прирос,
Но ты порадууй и Шахим!

Т а х и р

Твои глаза – что виноград,
Прекрасна ты, сомнений нет,

Но лишь Зухре душой я рад,
Она одна мне солнца свет.

Так проводили дни дочери падишаха, так проводил нескончаемые дни и Тахир. Томимые безответной любовью, они пребывали в том же положении, в каком когда-то была Зухра. Три красавицы, не желая уступать Тахира одна другой, постепенно стали враждовать между собой. Каждая стремилась безраздельно завладеть его сердцем.

В один из дней они рассорились окончательно...

Поначалу Тахир, не подозревая о чувствах сестер, жил во дворце довольно спокойно, хотя ни наряды, ни яства его не радовали – все очень быстро стало напоминать железные пределы мардинской темницы, и он все чаще задумывался о возвращении домой. Когда же ему пришлось случайно услышать, как ссорятся из-за него девицы, то поневоле подумал: бедный Тахир, неужто ты для того избавился от рокового сундука, чтобы стать невольником обезумевших поклонниц? Что он мог поделать? Страсть и красота стали, по сути, его врагами. Неужто теперь за спасение надо платить неволей? Неужто придется на-

рушить священную клятву? Зная такие истины из мудрости прошедших веков, Кязим не зря когда-то сказал:

Не доверяй бушующей реке
И зубы обнажающему зверю.
Коль коршун воспарил невдалеке,
К его когтям вовек не быть доверью.

Нет веры человеку, если он
С мечом или ружьем – возможно буйство.
Коль хан, то помни, кем ты окружен,
А коли слаб, то к сильному не суйся.

Желанен путь – не встретишь крутизны,
Но веры нет девицам перезрелым:
Разрушить целый мир они вольны,
Ничто им не покажется пределом!

Тахир, наконец, понял, что среди этих девиц ему несдобровать. Дождавшись ночи потемнее, он сбежал из дворца и стал пробираться на родину.

Дни стояли знойные, а дорога пролегла среди песков, удушливых пустынь, где невозможно было найти воду для питья. На грани смерти, ведомый лишь неубывающей тя-

гой к Зухре, Тахир все шел и шел. Его ступни были разбиты в кровь, его изнурили голод и жажда, но он не сдавался, хотя даже не знал, правильным ли идет путем. На седьмой день он как подкошенный упал рядом с хрустально-чистым родником, спасительная влага которого оросила растрескавшиеся от жажды губы. Он омыл ею лицо, но сразу припасть и пить не решался – это в его состоянии было опасно. Немного погодя он сделал трубку из стебля камыша, опустил ее в воду и стал пить мелкими глотками. Напившись, уснул и, как рассказывают, беспробудно проспал семь дней и семь ночей. Вдруг в его слух ворвался громкий верблюжий крик, и Тахир проснулся. Вскочив, он увидел невдалеке от себя караван. Головной всадник остановился и поприветствовал Тахира. Тот ответил на приветствие и тут же лишился чувств.

Караванщики намеревались отдохнуть возле родника. Поняв, что Тахир упал в голодный обморок, один из караванщиков не спеша напоил его верблюжьим молоком. К утру Тахир понемногу пришел в себя.

– Кто ты, странник, откуда и куда путь держишь? – спросили его.

Из слов Тахира караванщики узнали, что в странствие его погнала любовь. Преисполнившись жалости к несчастному влюбленному, они решили взять его в попутчики. Как выяснилось, в караване все были наслышаны об истории Тахира и Зухры.

На сороковой день пути караван достиг пределов ханства Бабахана и подошел к дворцу Зухры. Тахир, не веря собственным глазам, спрашивал себя: «Сон это или явь?» Караванщики, знавшие не только о его сердечной муке, но и о том, что Бабахан готовился выдать дочь замуж, на прощание лишь сочувственно склонили головы. Они расстались с ним неподалеку от дворца, пожелали здоровья и продолжили путь.

Тахир стоял и в замешательстве оглядывался вокруг. Он узнавал дома, улицы, до него доносились знакомые голоса. Опомнившись, он отправился домой.

– Мать, я жив! Я вернулся! А как здоровье Зухры? – воскликнул он прямо с порога.

Мать, почти совсем ослепшая, тщетно вглядывалась в дверной проем, потом подошла к порогу и стала ощупывать лицо, брови, руки сына. Узнав Тахира, она, не в силах заплакать, молча прижала его к груди. Чуть

позже он рассказал ей обо всех своих злоключениях. Три дня и три ночи проспал Тахир, изнуренный тяготами долгого путешествия. На четвертый день, в который он решил встретиться с Зухрой, до его слуха донеслись звуки зурны и стук барабанов.

– Что за праздник? Почему играют кобузы? – с тревогой спросил Тахир у матери.

Та, повинившись, что утаивала это от него раньше, сказала:

– Бедное мое дитя! После того, как повелел швырнуть тебя в Шат, злодей хан решил выдать Зухру замуж за сына падишаха. Уже неделю длится этот той...

При этих словах Тахир содрогнулся, лицо его покрылось испариной, и, не в силах устоять на ногах, он упал на глинобитное ложе.

– Она по любви выходит? – спросил он непослушным голосом.

– По любви, сынок, по любви, – печально ответила мать. – Ты бы забыл ее, сынок! Ведь сколько страданий ты уже вынес, посчитав себя ровней ханской дочери. Нет, ханская дочь предназначена хану, а бедняцкая – бедняку. Если тебя схватят теперь, сынок, то уж точно не оставят в живых!

В горе и тоске провел эту ночь Тахир, терзаемый радостными мелодиями, долетавшими их ханского дворца, где не прекращалось празднество.

Наутро Тахир попросил мать найти ему женское платье.

– Зачем тебе, сынок, женское одеяние? – удивилась мать.

– Надену его и проникну на той к Зухре.

– О, дитя мое ненаглядное! Я и так уже почти ослепла, неужели ты хочешь, чтобы и рассудка теперь лишилась? Нет для тебя отныне Зухры, забудь эти помыслы напрочь! Я найду для тебя бедную девушку, красотой и умом не уступающую Зухре.

– Мать, зачем же мне жизнь, если рядом со мной будет не Зухра?

Видя тщетность своих слов, мать принесла нарядное женское платье, и Тахир, облачившись в него, отправился на той Зухры. Он уселся в укромном уголке и, не открывая лица, стал наблюдать за празднеством. Взоры всех присутствующих были устремлены на Зухру. На ней были шитые золотом одеяния, а волосы, уши, шею и руки украшали жемчуга и бриллианты, рубины и сапфиры. Брасле-

ты на запястьях и кольца на пальцах слепили глаза сверканием драгоценных камней. Она восседала на почетном месте, и голову ее венчала золотая шапочка. Гости хана окружали весь дворец. На площади собрались воины, музыканты, гимнасты, силачи, и каждый показывал, кто на что горазд. В степи проходили скачки: вдали состязались кони, а поближе – жеребята...

Но, хоть и излучала Зухра свет, подобный солнечному, не было на ее лице улыбки. Она не обращала внимания на окружавших ее дочерей ханов-гостей, визирей и военачальников. Казалось, что не слышит она и бесчисленных припевок, ийнаров, музыкантов, игравших на полнозвучных сазах. Убитый горем Тахир чуть было не воскликнул: «О, моя Зухра!» Он успел заметить, что радостное празднество проходило без какого-либо участия Зухры.

На другой день Тахир увидел ту же картину. Зухра вела себя так же, как и накануне.

На третий день Зухра позвала к себе юных певиц – попыталась хотя бы их песнями развеять одолевавшую ее тоску. Иногда она сама брала саз и пробовала петь. Одна из певиц

положила саз, и тогда к ним подошла некая женщина и взяла его в руки. Нетрудно догадаться, что под личиной женщины скрывался Тахир.

Огонь овладевает всей душой...
 Не знаю, в честь чего сегодня той.
 Сегодня день печали – разлучаюсь
 Я со своей любовью золотой.

Когда-то врозь не знали мы игры
 И были неразлучны – до поры...
 Так чьи же раздаются песнопенья
 На празднестве пленительной Зухры?

Очарованные чудесным пением, все девушки окружили Тахира. Они по-прежнему не узнавали его в «незнакомке». Пребывая в замешательстве, они попросили спеть что-нибудь еще. Попробовали было состязаться, но очень скоро признали себя побежденными.

Одна из девиц рассказала о случившемся Зухре, сидевшей немного поодаль. Та, взволнованная странным предчувствием, попросила «певицу» подойти поближе. Выполняя ее волю, Тахир подошел, испил из кубка sherbet, тронул струны кобуза и пропел:

Любовь не ведала преград,
 Теперь живьем швырнула в ад.
 Скажите, девицы мои,
 Как душу вызволить назад?

Зухра тут же узнала его по голосу, до слез обрадовалась и спела, вкладывая в слова потаенный смысл:

Мой взгляд в тумане слез угас,
 И мир померк для этих глаз.
 Все вопрошают, что со мной...
 Сама не ведаю сейчас!

Т а х и р

И ты любила точно так,
 Как я... Но пыл мой не иссяк.
 Ты рядом, так спроси скорей,
 О чем я думаю и как!

З у х р а

Не побоялась я рискнуть
 В любовном море утонуть.

Одна жемчужина в руках –
Но от цены спирает грудь.

Т а х и р

В любви пучине навсегда
Я исчезаю без следа,
Но кто полюбит хана дочь,
Тот знай: не стоит и труда.

З у х р а

Создатель может всем помочь –
Достойных он не гонит прочь.
Но, видно, тяжело на душе
Тому, кто любит хана дочь.

Т а х и р

Четыре заповеди сам
Аллах послал ученикам.
На море есть одна мечеть,
Но кто в мечети той имам?

З у х р а

Я школу вспомнить не боюсь.
Перо в руке – бесценный груз!

Мечети, что плывет меж волн,
Имамом сам пророк Жунус.

Т а х и р

Влюбленным не пора ль двоим
Своей тоски развеять дым?
Неужто ввек наедине
Не суждено остаться им?

З у х р а

Горит душа моя в огне,
И грудь он опалает мне.
Мечта влюбленных об одном:
Остаться б им наедине!

Т а х и р

Та, что дворец надежды вдруг
Из нежных выпустила рук,
Не веря собственным глазам,
Считает: рядом с ней не друг!

З у х р а

Неужто снова на руке
Орел, что скрылся вдалеке?

Порукой будет ли Аллах,
Что не помстилось то в тоске?

Т а х и р

Слова, что произнесены,
Лечь на мелодию должны.
Но у девицы на пиру,
Как знать, чем помыслы полны?

З у х р а

Пролиться может кипяток,
Назад вернется дней поток.
Влюбленные, соединясь,
Удвоят счастье, видит Бог!

Бабахан не вполне доверял дочери и поэтому окружил свой дворец, в котором проводился той, соглядателями, стражниками и воинами. В самом же дворце было много именитых гостей. Волнами колыхались толпы восторженных зрителей, собравшихся, чтобы увидеть небывалые торжества. Никто в этой толпе не узнавал Тахира, переодетого в женское платье. Он доносил до Зухры свои мысли посредством иносказаний, и вскоре все,

позабыв о других развлечениях, обратили
взоры к сладкоголосой «певице».

Т а х и р

Мой голос лишь тебе поет,
Мой взор одной тобой живет...
Но верить как твоим словам,
Хоть и сладки они, как мед?

З у х р а

Той в честь мою – во всех дворцах,
Да сохранит тебя Аллах!
Но что сомнительно, скажи,
В моих бесхитростных словах?

Т а х и р

Не бить крылами птице той,
Что разлучилась с высотой.
Та, чей возлюбленный вдали,
С другим справлять не станет той.

З у х р а

Орленку ль расправлять крыла,
Когда вокруг темницы мгла?

Узнай, душа, что той не твой,
Чтоб успокоиться смогла!

Т а х и р

Любимого узнаешь ты,
Взглянув на бледные черты,
А коль орленка той не ждет,
Пути обратные просты.

У Зухры затрепетало сердце, и вся она покрылась холодным потом. Но сдержалась, никому не дала повода для любопытства. Подойдя к кормилице, она сказала:

– Дорогая мать, прошу тебя, приюти эту певицу во дворце.

Кормилица, предчувствуя недоброе, была недовольна такой просьбой, но отказать Зухре не могла:

– Как скажешь, так и будет. Вот только бы не заметили люди, не стали бы злословить.

Зухра одарила «гостью» за труды, за прекрасные песни золотыми монетами, которые были приняты с благодарностью.

Вновь начались развлечения, игры, зазвучали танцевальные мелодии. Тахир снова стал петь.

Когда наконец все завершилось, кормилица провела Тахира в уединенную комнату во дворце. Вскоре туда явилась и Зухра. Они сомкнулись в горячих объятиях.

– Свет очей моих, отрада сердца, родной мой Тахир! – прошептала Зухра. – Я в неволе. Отец решил насильно выдать меня за сына падишаха. Но, что бы ни случилось, мое сердце всегда с тобой.

Зухра разрыдалась. Тахир, успокаивая любимую и терзаясь сам, пропел ей песню, полную сердечной боли:

В любой из клятв, что во дворце звучат,
Обман коварным промыслом взлелеян.
Великий той был хан устроить рад,
Но сходен он со светопреставленьем.

Струятся слезы по лицу Зухры,
На струйки крови красные похожи.
Мне произвол явил свои дары,
С избытком и Зухре досталось тоже.

«Как же бороться с насилием, что можно против него предпринять?» – задумался Тахир.

Зухра, немного успокоившись, сказала:

– А с суженым моим я разберусь быстро. Убью его, а потом и себя. Кто может посягать на душу, дарованную Аллахом...

Несчастные влюбленные, слившиеся душами и объединенные горькой судьбой, от безысходности своего положения таяли, как свечи.

Зухра сказала:

– Счастье уже то, что нам довелось увидеться. Может, судьба все же сжалится над нами, будет снисходительной...

«Сжалится? С чего бы это ей сжалиться над нами, родная моя?» – тяжело вздохнув, подумал Тахир.

– Я знаю, как нам спастись, – сказала вдруг Зухра. – Утром меня поведут в баню, и я не стану брать с собой многих попутчиц. Со мной пойдешь ты, кормилица да две служанки. А после бани... После бани мы сбежим! Пожнем то, что судил нам Аллах...

Тахир поразмыслил и пришел к выводу, что стоит попробовать. В их душах снова затеплелась надежда.

Ночью Тахир, глядя на яркие звезды и на караванные пути, долго не мог уснуть и все

думал и думал. В окно задувал горячий ветер, дувший со стороны Мардина. Перед взором Тахира проходили дни и годы страданий, перенесенных им в недрах мардинской темницы, мучения, которые он испытал в сундуке, плившем по водам Шата. Куда-то теперь погонят их горячие ветры судьбы? Что ожидает их на раскаленных зноем песчаных дорогах? Какие испытания подстерегают их наподобие злобных взглядов Арапа?

Зухре тоже не спалось. Не таясь от кормилицы, она готовила в путь быстроходных верблюдов, подбирала верных попутчиков. Молочная мать, всю жизнь бывшая любимицей Зухры, не в силах с ней расстаться, добровольно обрекала себя на все тяготы и муки, предстоявшие ее питомице. Зухра восторгалась верностью своей кормилицы и со слезами на глазах обнимала ее.

Стало светать. И птичьи, и человеческие гнезда начали оживать. С высоких белых минаретов долетали голоса муэдзинов. Не теряя ни мгновения, Зухра и ее спутники уселись на верблюдов и отправились в баню.

Неугомонный Арап даже по ночам предпочитал обходиться без сна, лишь бы не пре-

рывать слезку за Зухрой. Он тут же погнался за ними и, заглянув Тахиру в лицо, громко пропел, обуреваемый самыми мрачными подозрениями:

Вот два верблюда вдаль идут...
 О люди, свой вершите суд:
 То не могучий ли Тахир
 Предстал в обличье женском тут?

Услышав это, Тахир решил повернуться и ответить, но Зухра, заметив его побуждение, шепнула:

– Постарайся ничем себя не выдать!

Не обращая внимания на Арапа, они проследовали дальше и в скором времени достигли бань. Сердце Зухры было охвачено тревогой. Поспешно закрыв двери бани, она сказала:

– Тахир, похоже, подлец Арап нас все-таки узнал. Сейчас же будет у отца и обо всем донесет. И тогда – горе нам. Если с тобой что-нибудь случится, я наложу на себя руки.

– Как же мог Арап узнать? – возразил Тахир.

– Тахир, душа моя! – взмолилась Зухра. –

Послушайся меня: возьми самого быстроходного верблюда и скачи прочь, пока здесь не появились стражники. Будем живы, и я последую за тобой позже. Найдем друг друга, не сомневайся!

Но Тахир не внял ее словам. Его целиком поглотили думы о побеге вместе с Зухрой, о том, как дальше сложится их жизнь. Не чувствуя, какая беда готова на них обрушиться, он сказал:

Не схватят, коль схватить не суждено,
А суждено – погибну все равно.
Не верю, что в неведомые дали
Тебе за мной последовать дано.

Истерзан испытаниями я,
Пылала сотни раз душа моя.
Зухра моя, души моей спасенье,
Я без тебя не мыслю бытия!

Между тем гонимый своей подлостью Арап не мешкая явился к хану и поведал ему о Тахире и Зухре. Взбешенный хан тотчас кликнул всех своих стражников и приказал трубить тревогу. Воины при полном воору-

жении вышли на площадь и мгновенно окружили бани. Без оружия был только Тахир.

Тахир и Зухра в отчаянии переглянулись. Они поняли: черной беды не избежать.

– Да, Зухра, душа моя, ты оказалась права! – сокрушался Тахир.

Его голос с трудом пробился сквозь лязг оружия и грозные окрики. Он с тревогой смотрел на Зухру: взор ее был затуманен, она, казалось, ничего не видела и пребывала в полной растерянности. Не зная, о чем и говорить в эти последние мгновения, они стали прощаться.

– Что ж, Зухра моя милая, в этом мире нам, пожалуй, больше не свидеться. Тесным и темным стал он для нас. Что делать, если Создатель наделил нас любовью, но забыл позаботиться о судьбе! Похоже, нам суждены лишь горе да слезы, а радость в этой жизни не про нас. Может, в мире ином будет лучше... Если тебе, Зухра, дано будет жить в этом мире, не забывай, прошу тебя, своего Тахира!

После этого он обратился ко всем, кто сочувствовал влюбленным:

Давно отец мой не со мной,
 Нет рядом матери родной,
 А стражники – рукой подать,
 И бесполезен с ними бой.

Не в силах я скалу сломать
 И крепостью не в силах стать.
 Никто от хана не спасет,
 Уговорив его опять.

Кто мой услышит горький плач?
 Кто – жалобу? Один палач!
 Кто матери доставит труп –
 Найдется ли хоть пара кляч?

Кто будет тело омывать,
 Рыдать и пряди вырывать,
 Кто в белый саван обрядит
 И долго будет горевать?..

На Тахира набросили аркан, связали, мигом сковали по рукам и ногам и приволокли к ногам хана.

– Зачем мне смотреть на этого наглеца! – вскричал Бабахан. – Немедленно отрубите ему голову!

Стражники и палачи, в руках которых

сверкали мечи и секиры, быстро окружили Тахира.

И на этот раз мудрецы, звездочеты, наставники, а с ними и судья с визирями, заступаясь за Тахира, стали искать для него способ спастись. Верховный мудрец воскликнул:

– О великий хан! Мы служим тебе, изучая звезды, думая о прошлом и будущем. Если ты убьешь Тахира, на твой дворец и на всю страну нашу могут обрушиться неисчислимы беды. Пощади Тахира, великий наш хан, не сотвори непоправимого зла!

– Не гневи Аллаха! Ты нарушаешь Его предписание и собственную клятву! – добавил судья.

– Великий хан, враги твои стали поднимать головы, и такие стальные джигиты, как Тахир, нам скоро очень понадобятся! – присоединился к просящим за Тахира и военачальник, прижимая руку к груди и склоняясь в низком поклоне перед ханом.

Все были охвачены единым желанием, и в это мгновение откуда-то появился худощавый благообразный незнакомец с большой книгой в руках. Остановившись на значительном расстоянии, он спокойно и внятно проговорил:

– Раб Аллаха Бабахан! Ты остался мне

должен. В тот раз, когда мы встречались в саду, мне надо было спешить, но теперь я вернулся за своим долгом. Да продлится твое ханство по воле Аллаха!

Хан покосился на одного ему знакомого звездочета и приказал страже:

– Уберите его с глаз долой! У Бабахана нет никаких долгов!

Стражники вырвали у незнакомца книгу, а самого поволокли прочь.

– Ничего не желаю больше слышать! – отрезал хан. – Убейте этого негодяя, посмевшегося пойти против шариата! Сколько раз я его щадил! Дьявол ему друг, этому выжившему из ума упрямцу!

Даже палачи при этих словах замешкались, не двигаясь с места.

Хан немного успокоился и тоном тише проговорил:

– Ладно. Если уж вы так хотите спасти Тахира от смерти, то пусть он пропоет три ийнара, не упоминая в них ни меня, ни Зухру. Тогда я дарю ему жизнь. А упомянет – не взыщите, судьба его окажется в руках палачей. И все его заступники тоже получают по заслугам.

Тахира вывели к народу. Он чуть помолчал и пропел первый ийнар:

Любовь нахлынет в душу вдруг –
Согнет здорового недуг.
В горах, как некогда Меджнун,
Тахир лишится всех вокруг.

По толпе пробежал одобрительный гул. Тахир, сосредоточившись, пропел второй ийнар:

Тюремный холод мне знаком,
Я Шатом к гробу был влеком –
Так что ж я миру сотворил,
Что в горле вечно слезный ком?

Когда Тахир, призвав на помощь всю свою бдительность, чтобы не попасться во вражеские сети, качивал второй ийнар, из бани выбежала Зухра. Она увидела толпу, поющего ийнар Тахира, и ей вдруг подумалось: «Хан готов выдать меня за Тахира!» Об условиях, выдвинутых ханом, она ничего не знала. Недоумевая, почему Тахир не упоминает в ийнаре о ней, Зухра устремила на него пристальный взгляд. Несчастный, встретив

его, разволновался так, что у него потемнело в глазах. Забыв обо всем на свете, он спел третий ийнар:

Быть может, я во власти сна?
 Душа смятения полна.
 Я белым светом озарен –
 Зухра ли это иль луна?

Тиран, услышав этот ийнар, злорадно усмехнулся и приказал:

– Ведите его к плахе! Пусть распрощается с буйной своей головой!

Зухра бросилась ему в ноги, взмолилась:

– О дорогой мой отец! О великий хан Востока! Пощади Тахира, освободи его! Я, дитя твое, умоляю – не терзай нас, не губи! Не обращай свет, не лишай его жизни!

Хан в ярости оттолкнул дочь ногой и отвернулся от нее. А мудрецы, визири и судья просить больше не осмеливались – вид и поведение хана внушали ужас.

Верховный палач, взяв в руки смертоносный топор, повернулся к толпе и сказал:

– Что ж вы молчите, люди? Слово приказа может и попятиться, но однажды отрубленная голова обратно не прирастет! Скажите хоть что-нибудь!

Но никто не пришел Тахиру на помощь. Опасаясь разгневанного хана, собравшиеся молчали, хотя по многим лицам стекали слезы.

– Руби! Руби ему голову! Чего ты еще ждешь? – в бешенстве надсаживался хан.

Зухра бросилась к Тахиру, но стража, хоть и с трудом, оторвала ее от возлюбленного. Тахир, поняв, что спасения ждать больше нелегко, сказал, глядя на Зухру:

Бессмертья нет, напрасно слез не лей,
Уйдет любой, смирись с судьбой своей,
Как вихрем дождь гоним, так все на свете
Исторгнутся навек из белых дней.

Не ведали печали я и ты,
Учились вместе, верили в мечты,
Но, как бывает с теми, кто полюбит,
Назначенной не взяли высоты.

Любовь не ставя в грош, отец твой смог
Нам жизнь разрушить, души наши сжег.
Но все-таки с небес грядет возмездье, –
Что на земле творится, видит Бог!

После этого Тахир не мешкая положил голову на плаху, знавшую немало голов. Но па-

лачу не пришлось поднимать топор: Аллах принял душу Тахира без его помощи, и тело несчастного вытянулось на глазах у толпы.

Увидев, на что способен произвол, Зухра схватила два камня и стала бить ими себя самое. Она изорвала волосы, одежду. Ослабев, лишилась сознания, а когда очнулась, бросилась к Тахиру... Никто не мог ее успокоить.

Встревоженный состоянием Зухры, хан повелел собраться всем знахарям и привести ее в чувство, но все их усилия были тщетны. Одна старая колдунья проговорила:

– Видите, ничто не помогает. Но я слышала об одном способе – может быть, он подействует. Это... мясо Тахира. Надо отрезать кусок его мяса и добиться, чтобы Зухра его съела. Если и это не поможет, то других способов я не знаю.

Итак, затеялось новое коварство – Зухру решили заставить есть мясо Тахира. Почувствовав, какое задумано злодейство, Зухра обратилась к отцу. Всхлипывая и прерывая свою речь стонами, она сказала:

Иссякла, может, вся вода,
Чтоб кровь людскую ныне пить?

Что, пали тучные стада
И хан людей готов забить?

Эй, вы, злодеи, стар и млад!
Не ведать вам еды иной –
Любой из вас питаться рад
Лишь человечиною одной!

И хан, и ханша умоляли ее успокоиться,
говорили ласковые слова, обещали исполнить
любую ее волю... Но Зухра, обращаясь к ним
обоим, сказала:

Ушел он в безвозвратный путь,
Навек за ним закрылась дверь –
И от меня передохнуть
Вы тоже можете теперь!

Пролив его святую кровь,
Теперь довольны, наконец?
Известно – вам не прекословь...
Гостей сзывайте во дворец!

Забейте скот, устройте той,
Танцуйте ночи напролет,
Стучите в барабан пустой,
Как сердце, где не кровь, но лед.

Не говорите, что есть дочь
 У вас – сгубили вы ее,
 Осиротили, ввергли в ночь:
 Ей без Тахира не житье.

А в том дворце, что для меня
 Построен, пусть пожар трещит –
 Пускай хоть бешенство огня
 Холодных душ расплавит щит!

После этого Зухра обняла тело Тахира и
 заголосила:

На что мне без тебя весь мир?
 Какой поток тебя унес?
 Мой тоже бледен лик, Тахир...
 Хотел моих ты разве слез?

Напрасно поднимает крик
 Твой верблюжонок, заплутав.
 Ты не вознесся в небо вмиг,
 Святым, лишившись жизни, став.

И саз молчит твой золотой,
 Не слышен твой счастливый смех...
 Я в путь пустилась за тобой,
 Но ты не видишь, как на грех.

Недосягаем ты, Тахир,
Для слов, касаний, жгучих слез.
На что мне этот злобный мир,
Коль ветер прочь тебя унес?

Меня не видишь больше ты.
Жизнь иссякает, как вода.
Стерпеть не в силах пустоты,
Улягусь рядом. Навсегда.

Узнав о смерти Тахира и Зухры, на площадь запоздало прибежал и Арап. В душу его, прежде ослепленную подлостью, теперь, с гибелью нечастных влюбленных, проникло наконец осознание содеянного, и, потрясенный увиденным, он выхватил нож и вонзил его себе в сердце. После Тахира и Зухры это была третья смерть.

— О великий хан и досточтимая ханша! Теперь нет пользы от слез и стенаний. Этим делу не поможешь. Теперь надо решить, как их предать земле, — так говорили наиболее приближенные ко двору знатные люди. А наиболее почтенный из них рассудил так:

— Надо сделать все по нынешнему обычаю. Эти двое умерли святыми, поэтому их

следует поместить рядом. Арапа же подобает похоронить у них в ногах.

По обычаю того времени были вырыты три могилы. Свершив все обряды, тела Тахира и Зухры подготовили, вынесли и, сотворив заупокойную молитву, похоронили в расположенных рядом последних пристанищах. Арапа же похоронили у них в ногах.

Как доходит до нас из давних писаний, на могиле Зухры вскоре стали цвести белые розы, а на могиле Тахира – алые. На могиле же Арапа каждый год вырастает колючий репейник. Когда белые и алые цветы начинают тянуться друг к другу, репейник пробивается между ними, не давая им соприкоснуться. У путников, идущих с запада и востока, стало принято срезать этот репейник, когда они проходят мимо. А два сердца, два розовых куста, один белый, а другой алый, и по сей день устремляются друг к другу, тоскуют и поныне.

1891

Перевел Г. Яропольский

Приложение*

***

Я понял: честен путь большевиков.
Они людей спасают от оков.
Не я ли сам, среди угрюмых скал,
В оковах долго плакал и стонал?

Мой стих да будет с этих пор огнем,
Чтоб все оковы расплавлялись в нем.
Пусть превратится на моих глазах
Тюрьмы последний камень в пыль и в прах!

1919

Перевел С. Липкин

---

* Стихи, подвергнутые идеологической правке.

ЛЕНИН

И горы, и люди, послушайте снова,
Что сердце вам хочет сказать.
Вам долго служило правдивое слово, —
Я верю, послужит опять.

Смотрите: вершина белеет высоко, —
Так Ленин пред нами встает.
Он цепи разбил и народы Востока
Повел за собою вперед.

Чтоб жадных владык уничтожить свирепость,
С рабочим сроднил чабана,
Насилья разрушил он черную крепость,
И стала нам воля видна.

Недаром боролся он долгие годы,
Чтоб людям дышалось вольней:
Ворота свободы, ворота свободы
Раскрыл он для бедных людей!

Он — правды сиянье, он — дружбы опора,
Мы равных ему не найдем.
Я верю, что все человечество скоро
Пойдет его ясным путем.

Он умер. Но, мира свободного зодчий,
Для нас он остался живым.
Послушай, батрак, и послушай, рабочий,
Совет, что дает вам Кязим:

Не верьте князьям, богатеям не верьте:
Плохой, ненадежный оплот
Тот камень, который толкает вас к смерти,
Который сейчас упадет.

А Ленин – оплот, что вовеки нетленен,
Он – крепче родных наших гор.
Я к Ленину шел – и пришел ко мне Ленин,
И стал я сильней с этих пор.

1924

Перевел С. Липкин

МНОГО ВИДЕЛ КЯЗИМ

Я видел, что князья в шелка одеты,
А бедняки – в дырявые бешметы.
В руках князей я слышал свист плетей,
Я видел кровь загубленных людей.

Я видел унижение человека,
Я видел семьи без куска чурека,
Я слышал то, что думали рабы:
Моя судьба – частица их судьбы.

Они таскали и дрова и воду,
Косили сено в летнюю погоду,
Кормили в зимний день хозяйский скот,
Весной трудились на полях господ.

А сами постоянно голодали,
И беды в трубах их жилищ рыдали,
А жены их, живя еще трудней,
Кормили грудью княжеских детей.

Кязим за век свой долгий видел много.
Поэтому так радостно с порога
Смотреть на красный флаг среди горных скал,
На флаг, который Ленин нам прислал.

Друзья, Кязима слушайте хромого:
Поэта слово есть народа слово.
Кязим боролся с горем много лет,
Вот почему он славит красный цвет!

1928

Перевел С. Липкин

ПИОНЕРАМ

Друзья мои, хочу сказать вам снова,
Что вы – надежда и расцвет земли,
Вы – все, что ярко, молодо и ново,
Хочу, чтоб вы героями росли.

На скачках состязаются джигиты, –
Любите, состязаясь, труд и честь,
И те пути, что широко открыты,
И груды книг, что вы должны прочесть.

Для вас, как жизнь, да будет драгоценен
Полет мечты – в грядущее полет.
Учитесь так, как завещал вам Ленин, –
Он среди вас, поверьте мне, живет!

Хочу друзья, чтоб знания светоч ясный
Нести с отвагой было вам дано.
Хочу, друзья, чтоб стали вам подвластны
Простор небесный и морское дно.

1929

Перевел С. Липкин

БРАТСТВО

Забуть не смогу никогда, никогда
Кинжальные раны – былые года.
Я горе знавал, и терпел я беду,
Народа к народу я помню вражду.

Отрадою было царей и господ,
Чтоб дрался, сражался с народом народ.
Придут ли чужие, придут ли свои, –
Бои на дорогах, в ущельях бои.

То брат обезглавлен, то родич убит.
Чернеют утесы от горьких обид.
Набег совершают, аулы горят,
Овец угоняют и режут ягнят.

Вражда меж людьми, как убийцы стрела,
Вонзилась мне в сердце и в душу вошла.
Забуду ли в черных платках матерей?
Я с ними оплакивал их сыновей...

Так вот почему, к нашей правде влеком,
Я Маркса и Ленина славлю стихом:
Творили они, против зла ополчась,
То братство, которое вижу сейчас!

Себе говорю я: – Счастливцев, смотри,
Вот братство под знаменем цвета зари!
То знамя со мной поднимает мой брат,
И песни мои, словно знамя, горят!

1936

Перевел С. Липкин

МЫ

Мы – горожане или аульчане –
Работаем в едином, дружном стане.
И русские и горцы – мы свои,
Мы из одной, из трудовой семьи.

Мы твердо знаем цену дружбе, воле,
Как знаем цену хлеба, цену соли.
Лишь тот нам враг, кто ненавидит свет –
Таков священный Ленина завет.

Защищены могучим войском нашим,
Мы в будни трудимся, мы в праздник пляшем.
Веселье песен, светлый жар труда.
Врагу мы не уступим никогда.

Сильны мы дружбой крепкою своею.
Никто, никто не сядет нам на шею!
Свободы вкус узнали мы, друзья,
Поэтому нас победить нельзя!

1938

Перевел С. Липкин

СОДЕРЖАНИЕ

М. Котлярова. Слово пророка. 5

Стихи

«К тебе я хотел перебраться в челне. . .»	43
«На челноке к тебе тянулся. . .»	44
«Чую твоего жилья тепло. . .»	45
«На твой поглядывая двор. . .»	46
«Рассудка лишившись, на звезды взираю. . .»	47
«Твой отец заходил как-то раз. . .»	48
Холмик мы не приравняем к скалам. . .»	49
Жалоба	50
«Храбрость острее любого кинжала. . .»	53
Сетования девушки	54
«Богачу ты даруешь всего с изобильем. . .»	55
«Наши пашни – одни валуны. . .»	56
Откровенное слово	57
«Только вышел я из сакли на заре. . .»	58
Беда Абидаг	59
«Было время – любовь даром счастья была. . .»	60
Хорошее слово	61
«Я слагаю стихи и железо кую. . .»	63
«Я слагаю стихи и железо кую. . .»	64
Завешание сыну	65

Моему псу	66
«Пусть ты хадж совершишь хоть и тысячу раз...».....	68
Хвастливому княжичу	69
Воробей, который зимою сел на нашем дворе	70
«Входит в наши аулы туман из ущелий...».....	72
«Я сравню тебя с моей стрелой...».....	73
«Молодость, стрелой ты была...»	74
«Порою на вершине снег блистает...»	75
«Если дождь прошел и даль светла...».....	76
«Избороздил я много бурных вод...»	77
«Серый камень сорвался с утеса...».....	78
«Если камень сорвется в ущелье...»	79
«Горя много, счастья мало, путь тяжел...».....	80
«Мир полон горя, радость же – редка...».....	81
«Если б знал, где для родины счастье найти...»	82
«Мир – тяжкая тропа, где скорбь и горе...»	83
«Мир – крутая тропа. Оступившимся – горе...»	84
Строки письма, посланного домой из Аравии	85
«У турков, арабов, проделав скитаний круги...».....	86
«Багдад посетил я, увидел Стамбул...».....	87
Мать охотника	88
Труженику	89
Колыбельная песня.....	90
«Скорбит земля родная, плачут реки...».....	92
«Чтоб родину избавить от невзгод...».....	93

«Мы овцы. Ближе, ближе стоя волчья...».....	94
«Свое метнул я слово, как стрелу...».....	95
«Несчастный мой народ, я твой удел постиг...».....	96
«Кто бы нам чувяки сшил без платы...».....	97
Правда.....	98
Ослику с израненной спиной.....	99
«Взнуздал я духом плоть свою худую...».....	101
«Сегодня князь Сюйюнч Ахмата-бедняка...».....	102
«Шумя, с отвесных гор сбегает вниз потоки...».....	103
Что мне делать?.....	104
Стихи, сказанные одинокой иве у горной реки.....	105
«Стал мрачен свод небес, над саклями нависший...».....	107
«В аулы к нам беда легко находит путь...».....	108
«Легко в горах находит путь беда...».....	109
1914 год.....	110
Четырнадцатый год.....	112
«Идет в ауле дождь, блестя, шумя, струясь...».....	113
«Да будут прокляты насильники стократ...».....	114
«Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад...».....	115
«Немало горьких слов ты людям даровал...».....	116
«Кязим, к чему твой стон и вздох глубокий...».....	117
«В трубу моей сакли падает черный снег...».....	118
«Все, как и прежде. До поры состарюсь...».....	119
Моя старая сакля.....	120
«Толкуют о царе, о войске говорят...».....	122

«Кинжальных ран и пулевых не счесть...»	123
Песня о Солтан-Хамиде	124
Песня о Солтан-Хамиде.....	126
Берите оружие!.....	128
Сыну Мухаммаду.....	129
«Советская власть – это ствол золотой...».....	131
Будем учиться!	132
Разговор со старостью.....	134
«Неправедно, неправо наше дело...».....	137
На кладбище в Безенги	139
Мой старый кувшин.....	143
Пляшущим девушкам и юношам	145
«Как же вышло так, Хажибекир...»	146
«Послушайте, люди, что скажет Кязим...».....	149
Моя корова.....	150
«Нагрянет смерть, – мой пес мне лаем...».....	151
Смерть.....	152
Мы победим!.....	153
«Я – часть живого. Жил. Горел светильник...»	155
«К тем, кто будет меня обмывать...»	157
Завещание	158
Выдержать!.....	161
Многострадальный мой народ	164

Поэмы

Раненый тур.....	169
Бузжигит	185

Желтый кош.....	215
Тахир и Зухра.....	250

Приложение

«Я понял: честен путь большевиков...».....	384
Ленин.....	385
Много видел Кязим.....	387
Пионерам.....	389
Братство.....	390
Мы.....	392

Художественное издание

Кязим

СТИХИ, ПОЭМЫ

Заведующий редакцией *В. Н. Котляров*
Текстовый редактор *А. М. Бегиев*
Художник *Ж. А. Шогенова*
Корректор *Л. Т. Юркова*

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 01.07.2003.

Подписано в печать 29.07.2003.

Формат бумаги 64x84^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура

Таймс. Усл. печ. л. 12,4.

Заказ № 18. Тираж 1000.

ПД № 00408 от 13.03.2000. Заказ № 070. Отпечатано с готового оригинал-макета в Государственном унитарном предприятии Республики Адыгея «Республиканском издательско-полиграфическом предприятии «Адыгея» Комитета РА по делам печати, информации и общественно-политического просвещения. 385000, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.

ISBN 5-93680-113-6

Издательство «Полиграфсервис и Т»
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 162

ООО «Полиграфсервис и Т»
360000, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
Тел.: (8662) 42-62-09; тел./факс 49-33-25
e-mail: elbrus@mail.ru
www.elbruss.nalnet.ru

Выражаем благодарность
за помощь в издании книги

**Х. Гызыеву,
А. Шаваевой,
К. Кабардукову**